

Николай Васильевич Гоголь

**Драматические отрывки и
отдельные сцены (1832-1837)**
(Другие редакции)

Содержание

ИГРОКИ0006
#10006
ЯВЛЕНИЕ I0006
ЯВЛЕНИЕ II0008
ЯВЛЕНИЕ III0009
ЯВЛЕНИЕ IV0009
ЯВЛЕНИЕ V0010
ЯВЛЕНИЕ VI0012
ЯВЛЕНИЕ VII0013
ЯВЛЕНИЕ VIII0015
ЯВЛЕНИЕ IX0032
ЯВЛЕНИЕ X0034
ЯВЛЕНИЕ XI0040
ЯВЛЕНИЕ XII0041
ЯВЛЕНИЕ XIII0044
ЯВЛЕНИЕ XIV0045
ЯВЛЕНИЕ XV0046
ЯВЛЕНИЕ XVI0047
ЯВЛЕНИЕ XVII0055
ЯВЛЕНИЕ XVIII0055
ЯВЛЕНИЕ XIX0059
ЯВЛЕНИЕ XX0060
ЯВЛЕНИЕ XXI0066
ЯВЛЕНИЕ XXII0066
ЯВЛЕНИЕ XXIII0069

ЯВЛЕНИЕ XXIV	0071
ЯВЛЕНИЕ XXV	0072
<ВЛАДИМИР ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ>	0077
#1	0077
ПЕРВЫЙ ОТРЫВОК	0077
СЦЕНА III	0078
ВТОРОЙ ОТРЫВОК	0086
УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА	0092
I	0092
II	0093
III	0099
IV	0101
V	0103
ТЯЖБА	0106
I	0106
II	0108
III	0109
IV	0118
ЛАКЕЙСКАЯ	0119
I	0119
II	0123
III	0125
IV	0125
V	0126
VI	0127
VII	0128
VIII	0130
ОТРЫВОК	0133

#1	0133
I	0133
II	0146
ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ	0159
ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ	0226
ИГРОКИ	0226
<ЛАКЕЙСКАЯ>	0254
<ОТРЫВОК>	0258
ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ	0292
ВАРИАНТЫ	0314
ИГРОКИ	0314
УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА	0334
ТЯЖБА	0337
ЛАКЕЙСКАЯ	0348
ОТРЫВОК	0352
ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ	0371
КОММЕНТАРИИ	0385
ИГРОКИ	0385
УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА	0396
ТЯЖБА. ЛАКЕЙСКАЯ	0411
ОТРЫВОК	0420
ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ	0429

Николай Васильевич Гоголь
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ
И ОТДЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ (1832
по 1837 год)

ИГРОКИ

Дела давно минувших дней
Комната в городском трактире.

ЯВЛЕНИЕ I

Ихарев входит в сопровождении трактирного слуги Алексея и своего собственного Гаврюшки.

Алексей. Пожалуйте-с, пожалуйста! Вот-с покойник уж самый покойный, и шуму нет вовсе.

Ихарев. Шума нет, да чай конного войска вдоволь, скакунов?

Алексей. То есть изволите говорить насчет блох? уж будьте покойны. Если блоха, или клоп укусит, уж это наша ответственность: уж с тем стоим.

Ихарев. (Гаврюшке). Ступай выносить из коляски. (Гаврюшка уходит. Алексею). Тебя как зовут?

Алексей. Алексей-с.

Ихарев. Ну, послушай, (значительно) рассказывай, кто у вас живет?

Алексей. Да живут теперь много; все номера почти заняты.

Ихарев. Кто же именно?

Алексей. Швохнев Петр Петрович, Кругель полковник, Степан Иванович Утешительный.

Ихарев. Играют?

Алексей. Да вот уж шесть ночей сряду играют.

Ихарев. Пара целковиков! (Сует ему в руку).

Алексей (кланяясь). Покорнейше благодарю.

Ихарев. После еще будет.

Алексей. Покорнейше-с благодарю.

Ихарев. Между собой играют?

Алексей. Нет, недавно обыграли поручика Артуновского, у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысяч.

Ихарев. Вот тебе еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупал?

Алексей. Нет-с, они сами брали вместе.

Ихарев. Да у кого?

Алексей. Да у здешнего купца Вахрамейкина.

Ихарев. Врешь, врешь, плут.

Алексей. Ей богу.

Ихарев. Хорошо. Мы с тобой потолкуем ужо. (Гаврюшка вносит шкатулку). Ставь ее здесь. Теперь ступайте, приготовьте мне умыться и побриться. (Слуги уходят).

ЯВЛЕНИЕ II

Ихарев (один, отпирает шкатулку, всю наполненную карточными колодами).

Каков вид, а? Каждая дюжина золотая. Потом, трудом досталась всякая. Легко сказать, до сих пор рябит в глазах проклятый крап. Но ведь зато, ведь это тот же капитал. Детям можно оставить в наследство! Вот она, заповедная колодишка — просто перл! За то ж ей и имя дано: да, Аделаида Ивановна. послужи-ка ты мне, душенька, так, как послужила сестрица твоя, выиграй мне также 80 тысяч, так я тебе, приехавши в деревню, мраморный памятник поставлю. В Москве закажу. (Услышав шум, поспешно закрывает шкатулку).

ЯВЛЕНИЕ III

Алексей и Гаврюшка (несут лоханку, ручной мойник и полотенце).

Ихарев. Что эти господа где теперь? Дома?

Алексей. Да-с, они теперь в общей зале.

Ихарев. Пойду взглянуть на них, что за народ (уходит).

ЯВЛЕНИЕ IV

Алексей и Гаврюшка.

Алексей. Что, издалека едете?

Гаврюшка. А из Рязани.

Алексей. А сами тамошней губернии?

Гаврюшка. Нет, сами из Смоленской.

Алексей. Так-с. Так поместье, выходит, в Смоленской губернии?

Гаврюшка. Нет, не в Смоленской. В Смоленской 100 душ, да в Калужской восемьдесят.

Алексей. Понимаю, в двух то есть губерниях.

Гаврюшка. Да, в двух губерниях. У нас одной дворни: Игнатий буфетчик, Павлушка,

который прежде с баринoм ездил, Герасим лакей, Иван тоже опять лакей, Иван псарь, Иван опять музыкант, потом повар Григорий, повар Семен, Варух садовник, Дементий кучер, вот как у нас.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Кругель, Швохнев (осторожно входя).
Кругель. Право, я боюсь, чтоб он нас не застал здесь.

Швохнев. Ничего, Степан Иванович его удержит. (Алексею). Ступай, брат, тебя зовут! (Алексей уходит. Швохнев, подходя поспешно к Гаврюшке). Откуда барин?

Гаврюшка. Да теперь из Рязани.

Швохнев. Помещик?

Гаврюшка. Помещик.

Швохнев. Играет?

Гаврюшка. Играет.

Швохнев. Вот тебе красуля. (Дает ему бумажку). Рассказывай всё!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни, ни, не бойся!

Швохнев. Что, как он теперь, в выигрыше?

а?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохнев. Нет, а что?

Гаврюшка. Недели три тому назад мы его обыграли на 80 тысяч деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да ковер, да золотые эполеты одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохнев (взглянув на Кругеля значительно). А? Восемьдесят тысяч!

Кругель (покачал головою).

Швохнев. Думаешь, не чисто? Это мы сейчас узнаем. (Гаврюшке). Послушай, когда барин остается дома один, что делает?

Гаврюшка. Да как что делает? Известно, что делает. Он уж барин, так держит себя хорошо: он ничего не делает.

Швохнев. Врешь, чай карт из рук не выпускает.

Гаврюшка. Не могу знать, я с барином всего две недели. С ним прежде всё Павлушка ездил. У нас тоже есть Герасим лакей, опять Иван лакей, Иван псарь, Иван музыкант, Дементий кучер, да намедни из деревни одного взяли.

Швохнев (Кругелю). Думаешь, шулер?

Кругель. И очень может быть.

Швохнев. А попробовать всё-таки попробуем. (Оба убегают).

ЯВЛЕНИЕ VI

Гаврюшка (один).

Проворные господа! а за бумажку спасибо. Будет Матрене на чепец, да пострельчонкам тоже по прянику. Эх, люблю походную жисть! Уж всегда что-нибудь приобретешь: барин пошлет купить чего-нибудь — всё уж с рубля гривенничек положишь себе в карман. Как подумаешь, что за житье господам на свете! куда хошь катай! В Смоленске наскучило, поехал в Рязань, не захотел в Рязани — в Казань. В Казань не захотел, валяй под самый Ярослав. Вот только до сих пор не знаю, который из городов будет партикулярней, Рязань или Казань? Казань будет потому партикулярней, что в Казани...

ЯВЛЕНИЕ VII

Ихарев, Гаврюшка, потом Алексей.
Ихарев. В них нет ничего особенного, как мне кажется. А впрочем... Эх, хотелось бы мне их обчистить! Господи боже, как бы хотелось! Как подумаешь, право, сердце бьется. (Берет щетку, мыло, садится перед зеркалом и начинает бриться). Просто рука дрожит, никак не могу бриться.

(Входит Алексей).

Алексей. Не прикажете ли чего покушать?

Ихарев. Как же, как же. Принеси закуску на четыре человека. Икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчас его (указывая на Гаврюшку).

Алексей (Гаврюшке). Пожалуйста в кухню, там для вас приготовлено. (Гаврюшка уходит).

Ихарев (продолжая бриться). Послушай! Много они тебе дали?

Алексей. Кто-с?

Ихарев. Ну, да уж не изворачивайся, говори!

Алексей. Да-с, за прислугу пожаловали.

Ихарев. Сколько? пятьдесят рублей?

Алексей. Да-с, пятьдесят рублей дали.

Ихарев. А от меня не пятьдесят, а вон видишь на столе лежит сторублевая бумажка, возьми ее, что боишься, не укусит. От тебя не потребуется больше ничего, как только честности, понимаешь? Карты пусть будут у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дело, а вот тебе в придачу от меня дюжину. (Дает ему запечатанную дюжину). Понимаешь?

Алексей. Да уж как не понять? Извольте положиться, это уж наше дело.

Ихарев. Да карты спрячь хорошенько, чтоб как-нибудь тебя не ощупали, или не увидели. (Кладет щетку и мыло и вытирается полотенцем. Алексей уходит). Хорошо бы было и очень бы хорошо. А уж как, признаюсь, хочется поддеть их.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Швохнев, Кругель и Степан Иванович Утешительный (входят с поклонами).

Ихарев (с поклоном к ним навстречу). Прошу простить. Комната, как видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утешительный. Приветливые ласки хозяина дороже всяких удобств.

Швохнев. Не с комнатой жить, а с добрыми людьми.

Утешительный. Именно правда. Я бы не мог быть без общества. (Кругелю). Помнишь, почтеннейший, как я приехал сюда; один-одинёшенек. Вообразите: знакомых никого. Хозяйка старуха. На лестнице какая-то поломойка, урод естественнейший, вижу, увивается около нее какой-то армейщина, видно, на-тощаках... Словом, скука смертная. Вдруг судьба послала вот его, а потом случай свел с ним... Ну, уж как я был рад. Не могу, не могу часу пробыть без дружеского общества. Всё, что ни есть на душе, готов рассказать каждому.

Кругель. Это, брат, порок твой, а не добро-

детель. Излишество вредит. Ты, верно, уж не раз был обманут.

Утешительный. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А всё-таки не могу без откровенности.

Кругель. Ну, признаюсь, это для меня непонятно. Быть откровенну со всяким. — Дружба это другое дело.

Утешительный. Так, но человек принадлежит обществу.

Кругель. Принадлежит, но не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь!

Швохнев (Утешительному). Не спорь, брат, ты неправ.

Утешительный (горячась). Нет, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долг! это, это, это...

Швохнев. Ну, зарапортовался! Горяч необыкновенно: еще первые два слова можно понять из того, что он говорит, а уж дальше ничего не поймешь.

Утешительный. Не могу, не могу! Если дело коснется обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперед уж объявляю: господа, если будет о чем подобном толк, извините, увлекусь, право увлекусь. Точно хмель какой-то, а желчь так и кипит, так и кипит.

Ихарев (про себя). Ну, нет, приятель! Знаем мы тех людей, которые увлекаются и горячатся при слове обязанность.

У тебя, может быть, и кипит желчь, да только не в этом случае. (Вслух). А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?

(В продолжение их разговора приготовлен на столе завтрак).

Утешительный. Извольте, если не в большую игру, почему нет.

Кругель. От невинных удовольствий я никогда не прочь.

Ихарев. А что, ведь в здешнем трактире, чай, есть карты?

Швохнев. О, только прикажите.

Ихарев. Карты! (Алексей хлопчет около карточного стола). А между тем прошу, госпо-

да! (Указывая рукой на закуску и подходя к ней). Балык, кажется, не того, а икра еще так и смяк.

Швохнев (посылая в рот кусок). Нет, и балык того.

Кругель (также). И сыр хорош. Икра тоже недурна.

Швохнев (Кругелю). Помнишь, какой отличный сыр ели мы недели две тому назад.

Кругель. Нет, никогда в жизни не позабуду я сыра, который ел я у Петра Александровича Александрова.

Утешительный. Да ведь сыр, почтеннейший, когда хорош? Хорош он тогда, когда сверх одного обеда наворотишь другой — вот где его настоящее значение. Он всё равно, что добрый квартирмейстер, говорит: «Добро пожаловать, господа, есть еще место».

Ихарев. Добро пожаловать, господа, карты на столе.

Утешительный (подходя к карточному столу). А вот оно, старина, старина! Слышь, Швохнев, карты, а? Сколько лет...

Ихарев (в сторону). Да полно тебе корчить!..

Утешительный. Хотите вы держать банчик?

Ихарев. Небольшой — извольте, 500 рублей. Угодно снять? (Мечет банк).

Начинается игра. Раздаются восклицания:

Швохнев. Четверка, тузик, оба по 10.

Утешительный. Подай-ка, брат, мне свою колоду, я выберу себе карту на счастье нашей губернской предводительницы.

Кругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утешительный. Швохнев, подай мел. Приписываю и списываю.

Швохнев. Чорт побери, пароле!

Утешительный. И пять рублей мазу!

Кругель. Атанде! Позвольте посмотреть, кажется, еще две тройки должны быть в колоде.

Утешительный (вскакивает с места, про себя). Чорт побери, тут что-то не так. Карты другие, это очевидно.

(Игра продолжается)

Ихарев (Кругелю). Позвольте узнать: обе идут?

Кругель. Обе.

Ихарев. Не возвышаете?

Кругель. Нет.

Ихарев (Швохневу). А вы что ж? не ставите?

Швохнев. Позвольте мне эту талию переждать. (Встает со стула, торопливо подходит к Утешительному и говорит скоро): Чорт возьми, брат! И передергивает, и всё что хочешь. Шуллер первой степени.

Утешительный (в волнении). Неужли, однако ж, отказаться от 80 тысяч?

Швохнев. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утешительный. Ну, это еще вопрос, а пока с ним объяснить!

Швохнев. Как?

Утешительный. Открыться ему во всем.

Швохнев. Для чего?

Утешительный. После скажу. Пойдем. (Подходят оба к Ихареву и ударяют его с обеих сторон по плечу).

Утешительный. Да полно вам тратить попусту заряды.

Ихарев (вздрагнув). Как?

Утешительный. Да что тут толковать, свой

своего разве не узнал?

Ихарев (учтиво). Позвольте узнать, в каком смысле я должен разуместь.

Утешительный. Да просто без дальнейших слов и церемоний. Мы видели ваше искусство и, поверьте, умеем отдавать справедливость достоинству. И потому от лица наших товарищей предлагаю вам дружеский союз. Соедини наши познания и капиталы, мы можем действовать несравненно успешней, чем порознь.

Ихарев. В какой степени я должен понимать справедливость слов ваших?..

Утешительный. Да вот в какой степени: за искренность мы платим искренностью. Мы признаемся тут же вам откровенно, что сговорились обыграть вас, потому что приняли вас за человека обыкновенного. Но теперь видим, что вам знакомы высшие тайны. Итак, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихарев. От такого радушного предложения не могу отказаться.

Утешительный. Итак, подадимте же, всякий из нас, друг другу руки. (Все попеременно пожимают руку Ихареву). Отныне всё общее,

притворство и церемонии в сторону! Позвольте узнать, с каких пор начали исследовать глубин познаний?

Ихарев. Признаюсь — это уже с самых юных лет было моим стремлением. Еще в школе во время профессорских лекций я уже под скамьей держал банк моим товарищам.

Утешительный. Я так и полагал. Подобное искусство не может приобретаться не быв практикувано от лет гибкого юношества. Помнишь, Швохнев, этого необыкновенного ребенка?

Ихарев. Какого ребенка?

Утешительный. А вот расскажи!

Швохнев. Подобного события я никогда не позабуду. Говорит мне его зять (указывая на Утешительного), Андрей Иванович Пяткин: «Швохнев, хочешь видеть чудо? Мальчик одиннадцати лет, сын Ивана Михаловича Кубышева, передергивает с таким искусством, как ни один из игроков! Поезжай в Тетюшевский уезд и посмотри!» Я, признаюсь, тот же час отправился в Тетюшевский уезд. Спрашиваю деревню Ивана Михаловича Кубышева и приезжаю прямо к нему. Приказываю о себе

доложить. Выходит человек почтенных лет. Я рекомендую, говорю: «Извините, я слышал, что бог наградил вас необыкновенным сыном». «Да, признаюсь», говорит (и мне понравилось то, что без всяких, понимаете, этих претензий и отговорок), «да», говорит, «точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственного сына, но это действительно в некотором роде чудо. Миша!» говорит, «поди-ка сюда, покажи гостю искусство!» Ну, мальчик, просто, ребенок, мне по плечо не будет, и в глазах ничего нет особенного. Начал он метать — я просто потерялся. Это превосходит всякое описание.

Ихарев. Неужто ничего нельзя было заметить?

Швохнев. Ни, ни, никаких следов! Я смотрел в оба глаза.

Ихарев. Это непостижимо!

Утешительный. Феномен, феномен.

Ихарев. И как я подумаю, что при этом еще нужны познания, основанные на остроте глаз, внимательное изучение крапа.

Утешительный. Да ведь это очень облегчено теперь. Теперь накапливанье и отметины

вышли вовсе из употребления; стараются изучить ключ.

Ихарев. То есть ключ рисунка?

Утешительный. Да, ключ рисунка обратной стороны. Есть в одном городе, в каком именно, я не хочу назвать, один почтенный человек, который больше ничем уж и не занимается, как только этим. Ежегодно получает он из Москвы несколько сотен колод, от кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоит в том, чтобы разобрать крап всякой карты и послать от себя только ключ. Смотри, мол, у двойки вот как расположен рисунок! у такой-то вот как! За это одно он получает чистыми деньгами пять тысяч в год.

Ихарев. Это, однако ж, важная вещь.

Утешительный. Да оно, впрочем, так и быть должно. Это то, что называется в политической экономии распределение работ. Всё равно каретник. Ведь он не весь же экипаж делает сам. Он отдает и кузнецу и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человеческой.

Ихарев. Позвольте вам сделать один вопрос. Как поступали вы доселе, чтобы пустить

в ход колоды? Подкупать слуг ведь не всегда можно.

Утешительный. Сохрани бог! да и опасно. Это значит иногда самого себя продать. Мы делаем это иначе. Один раз мы поступили вот как: приезжает на ярмонку наш агент, останавливается под именем купца в городском трактире. Лавки еще не успел нанять; сундуки и вьюки пока в комнате. Живет он в трактире, издерживается, ест, пьет и вдруг пропадает неизвестно куда, не заплативши. Хозяин шарит в комнате. Видит, остался один вьюк; распаковывает — сто дюжин карт. Карты, натурально, сей же час проданы с публичного торга. Пустили рублем дешевле, купцы вмиг расхватили в свои лавки. А в четыре дни проигрался весь город.

Ихарев. Это очень ловко.

Швохнев. Ну, а у того, у помещика?..

Ихарев. Что у помещика?

Утешительный. А это дело тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помещик Аркадий Андреевич Дергунов, богатейший человек. Игру ведет отличную, честности беспримерной, к поползновенью, пони-

маете, никаких путей: за всем смотрит сам, люди у него воспитаны, камергеры, дом — дворец, деревня, сады, всё это по аглицкому образцу. Словом, русский барин в полном смысле слова. Мы живем уж там три дня. Как приступить к делу? — просто нет возможности. Наконец, придумали. В одно утро пролетает мимо самого двора тройка. На телеге сидят молодцы. Всё это пьяно, как нельзя больше, орет песни и дует во весь опор. На такое зрелище, как водится, выбежала вся дворня. Ротозеют, смеются и замечают, что из телеги что-то выпало, подбегают, видят — чемодан. Машут, кричат «остановись!» куды! никто не слышит, умчались, только пыль осталась по всей дороге. — Развязали чемодан — видят: белье, кое-какое платье, двести рублей денег и дюжин сорок карт. Ну, натурально, от денег не захотели отказаться, карты пошли на барские столы, и на другой же день ввечеру все, и хозяин и гости, остались без копейки в кармане, и кончился банк.

Ихарев. Очень остроумно. Ведь вот называют это плутовством и разными подобными именами, а ведь это тонкость ума, развитие.

Утешительный. Эти люди не понимают игры. В игре нет лицепрятия. Игра не смотрит ни на что. Пусть отец сядет со мною в карты — я обыграю отца. Не садись! здесь все равны.

Ихарев. Именно этого не понимают, что игрок может быть добродетельнейший человек. Я знаю одного, который склонен к передержкам и к чему хотите, но нищему он отдаст последнюю копейку. А между тем ни за что не откажется соединиться втроем против одного обыграть наверняка. Но, господа, так как пошло на откровенность, я вам покажу удивительную вещь: знаете ли вы то, что называют сводная или подобранная колода, в которой всякая карта может быть угадана мною на значительном расстоянии?

Утешительный. Знаю, но, может быть, другого рода.

Ихарев. Могу вам похвастаться, что подобной нигде не сыщете. Почти полгода трудов. Я две недели после того не мог на солнечный свет смотреть. Доктор опасался воспаления в глазах. (Вынимает из шкатулки). Вот она. За то уж не прогневайтесь: она у меня носит

имя, как человек.

Утешительный. Как имя?

Ихарев. Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утешительный (усмехаясь). Слышь, Швохнев, ведь это совершенно новая идея, назвать колоду карт Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохнев. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо...

Утешительный. Аделаида Ивановна. Немка даже! Слышь, Кругель, это тебе жена.

Кругель. Что я за немец? Дед был немец, да и тот не знал по-немецки.

Утешительный (рассматривая колоду). Это, точно, сокровище. Да, никаких совершенно признаков. Неужели, однако ж, всякая карта может быть вами угадана на каком угодно расстоянии?

Ихарев. Извольте, я стану от вас в пяти шагах и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готов асикурировать, если ошибусь.

Утешительный. Ну, это какая карта?

Ихарев. Семерка.

Утешительный. Так точно. Эта?

Ихарев. Валет.

Утешительный. Чорт возьми, да. Ну, эта?
Ихарев. Тройка.

Утешительный. Непостижимо!

Кругель (пожимая плечами). Непостижимо!

Швохнев. Непостижимо!

Утешительный. Позвольте еще раз рассмотреть. (Рассматривая колоду). Удивительная вещь. Стоит того, чтобы назвать ее именем. Но, позвольте заметить, употребить ее в дело трудно. Разве с слишком неопытным игроком, ведь это нужно подменить самому.

Ихарев. Да ведь это во время самой жаркой игры только делается, когда игра возвысится до того, что и опытный игрок делается неспокойным; а потеряйся только немного человек, с ним можно всё сделать. Вы знаете, что с лучшими игроками случается то, что называют, заиграться. Как поиграет два дни и две ночи сряду, не поспавши, ну и заиграется. В азартной игре я всегда подменю колоду. Поверьте, вся штука в том, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средств отвлечь вниманье других есть тысяча. Придеритесь тут же к кому-нибудь из пон-

тёров, скажите, что у него не так записано. Глаза всех обратятся на него — а в это время колода уже и подменена.

Утешительный. Но, однако же, я вижу, что, кроме искусства, вы владеете еще достоинствам хладнокровия. Это важная вещь. Приобретение вашего знакомства теперь стало для нас еще значительней. Будем без церемонии, оставим лишние этикетки и станем говорить друг другу ты.

Ихарев. Этак бы давно следовало.

Утешительный. Человек, шампанского! В память дружеского союза!

Ихарев. Именно, это стоит того, чтобы за-пить.

Швохнев. Да ведь вот мы собрались для подвигов, орудия все у нас в руках, силы есть, одного недостает только...

Ихарев. Именно, именно, крепости недостает только, на которую бы идти, вот беда.

Утешительный. Что ж делать? неприятеля пока нет. (Смотря пристально на Швохнева). Что? у тебя как будто лицо такое, которое хочет сказать, что есть неприятель.

Швохнев. Есть, да... (останавливается).

Утешительный. Знаю я, на кого ты метишь.

Ихарев (с живостью). А на кого, на кого? кто это?

Утешительный. Э, вздор, вздор: он выдумал пустяки. Вот видите ли, есть здесь один приезжий помещик, Михал Александрович Глов. Ну, да что об этом толковать, когда он не играет вовсе? Мы уж возились около него... Я месяц за ним ухаживал; и в дружбу, и в доверенность вошел, а всё ничего не сделал.

Ихарев. Ну, да послушай, нельзя ли как-нибудь увидеться с ним? Может быть, почему знать...

Утешительный. Ну, я тебе вперед говорю, что эта будет вовсе напрасный труд.

Ихарев. Ну, да попробуем, попробуем еще раз.

Швохнев. Ну, да приведи его по крайней мере. Ну, не успеем, поговорим просто. Почему не попробовать?

Утешительный. Да, пожалуй, мне ничего это не значит, я приведу его.

Ихарев. Приведи его теперь же, пожалуйста-ста.

Утешительный. Изволь, изволь. (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, кроме Утешительного.

Ихарев. Ведь, точно, почему знать? Иногда дело кажется совсем невозможное...

Швохнев. Я сам того же мнения. Ведь не с богом здесь имеешь дело, а с человеком. А человек всё-таки человек. Сегодня нет, завтра нет, послезавтра нет, а на четвертый день, как насядешь на него хорошенько, скажет: да. Иной ведь с виду корчит, что он недоступный, а разгляди его поближе, увидишь просто: даром тревогу подымал.

Кругель. Ну, однако ж, этот не таков.

Ихарев. Эх, если бы!.. Поверить нельзя, как возродилась во мне теперь жажда деятельности. Нужно вам знать, что последний мой выигрыш 80 тысяч у полковника Чеботарева был сделан в прошедшем месяце. С тех пор я не имел практики в продолжение целого месяца. Представить не можете, какую испытал я скуку во всё это время. Скука, скука смертная!

Швохнев. Я понимаю это положение. Это

всё равно, что полководец: что он должен чувствовать, когда нет войны? Это, любезнейший, просто фатальный антракт. Я знаю по себе, с этим нечего шутить.

Ихарев. Поверишь ли, приходит так, что если бы кто сделал пять рублей банку — я готов сесть и играть.

Швохнев. Естественная вещь. Этак проигрывались иногда искуснейшие игроки. Стоскуется, работы нет, и наскочит с горя на одного из тех, которых называют голь и перетыка, — ну, и проиграется ни за что!

Ихарев. А богат этот Глов?

Кругель. О! Деньги есть. Кажется, около тысячи душ крестьян.

Ихарев. Эх, чорт возьми, подпоить разве его, шампанского велеть подать.

Швохнев. В рот не берет.

Ихарев. Что ж с ним делать? Как подъехать? Но нет, однако ж, всё я думаю... ведь игра соблазнительная вещь. Мне кажется, если бы он подсел только к играющим, он бы не утерпел потом.

Швохнев. Да вот мы попробуем. Мы вот здесь в стороне с Кругелем сделаем самую ма-

ленькую игру. Но не нужно к нему оказывать большого внимания: старики подозрительны. (Садятся в стороне с картами).

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, Утешительный и Михайло Александрович Глов (человек почтенных лет).

Утешительный. Вот тебе, Ихарев, рекомендую: Михал Александрович Глов!

Ихарев. Я, признаюсь, давно искал этой чести. Живя в одном трактире...

Глов. Мне тоже очень приятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выезде.

Ихарев (подавая ему стул). Прошу покорнейше!.. Давно изволите жить в этом городе?

(Утешительный, Швохнев и Кругель перешептываются между собою).

Глов. Ах, батюшка, уж он мне так надоел, этот город. И телом и душой рад бы отсюда поскорей вырваться.

Ихарев. Что ж, удерживают дела?..

Глов. Дела, дела. Такая комиссия мне эти дела!

Ихарев. Вероятно, тяжба?

Глов. Нет, слава богу, тяжбы нет, но тем не менее затруднительные обстоятельства. Выдаю замуж дочь, батюшка, осьмнадцатилетнюю девицу. Понимаете ли вы отцовское положение? Приехал за разными покупками, а главное заложить имение. Дело бы уже всё кончено, да приказ денег до сих пор не выдает. Даром совершенно живу.

Ихарев. А позвольте узнать, в какую сумму изволили заложить имение?

Глов. В двух стах тысячах. На днях бы должны выдать, да вот затянулось. А мне уж так опротивело здесь жить! Дома-то, знаете, всё это оставил на самое короткое время. Дочь невеста... всё это ждет. Я уж решился не дожидаться и бросить всё.

Ихарев. Как же? и денег не хотите дождаться?

Глов. Что ж делать, батюшка? Вы рассмотрите и мое положение. Ведь вот уж месяц, как не видался с женой и детьми; писем даже не получаю, бог весть, что там делается. Я уж всё дело поручаю сыну, который здесь остается. Надоело возиться. (Обращаясь к Швохневу и Кругелю). А что ж вы, господа? Я, кажется,

вам помешал. Вы чем-то занимались?

Кругель. Вздор. Это так. От нечего делать вздумали поиграть.

Глов. Кажется, что-то похоже на банчик.

Швохнев. Какое! для препровожденья времени грошовый банчик.

Глов. Эх, господа, послушайте старика. Вы молодые люди. Конечно, тут ничего худого, больше для развлечения, да и в грошовую игру нельзя много проиграть, всё это так, но всё... Эх, господа, я сам играл и знаю по опыту. Всё на свете начинается грошовым делом, а смотришь, маленькая игра как раз кончилась большой.

Швохнев (Ихареву). Ну, пошел уж старикашка плесть свое. (Глову). Ну, вот видите, вы уж тотчас припишете важное следствие всякому вздору, это всегда уж обыкновенная замашка всех пожилых людей.

Глов. Да что ж, ведь я еще не так пожилой человек. Я сужу по опыту.

Швохнев. Я не об вас буду говорить. Но вообще у стариков есть это: например, если они на чем-нибудь обожглись, они твердо уверены, другой непременно обожжется на том же.

Если они пошли какой-нибудь дорогою, да зазевавшись шлепнулись о гололедь — они уж кричат и выдают правило, что по такой-то дороге никому нельзя ходить, потому что на ней есть в одном месте гололедь, и всякий непременно на ней шлепнется лбом, никак не принимая в уважение того, что другой, может быть, не зазеваётся, и сапоги у него не на скользкой подошве. Нет, у них для этого нет соображенья. Собака укусила человека на улице — все кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Глов. Так, батюшка. Оно, точно, с одной стороны, есть тот грех. Да ведь за то ж и молодые! Ведь уж слишком много рыси: того и смотри, что сломит шею!

Швохнев. Вот то-то и есть, что у нас нет седины. Молодым бесится, так что невтерпеж другим, а под старость прикинется ханжой, так что невтерпеж другим.

Глов. Такого-то вы обидного мнения насчет стариков.

Швохнев. Да нет, что за обидное мнение? это правда, больше нечего.

Ихарев. Позвольте мне заметить. Твое мне-

ние резко...

Утешительный. Насчет карт я совершенно согласен с Михал Александровичем. Я сам играл, играл сильно. Но, благодарю судьбу, бросил навсегда, не потому, чтобы проигрался, или был вооружен против судьбы. Поверьте мне, это еще ничего: проигрыш не так важен, как важно душевное спокойствие. Одно это волнение, чувствуемое во время игры, кто что ни говори, а это сокращает видимо нашу жизнь.

Глов. Так, батюшка, ей-богу! как вы премодро заметили? Позвольте сделать вам нескромный вопрос, сколько времени имею честь пользоваться вашим знакомством, а вот до сих пор...

Утешительный. Какой вопрос?

Глов. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вам год?

Утешительный. Тридцать девять лет.

Глов. Представьте! Что ж такое тридцать девять лет? Еще молодой человек! Ну что, если бы у нас в России было побольше таких, которые бы так мудро рассуждали? Господи ты, боже мой, что бы это было: просто, золо-

той век-с, та же астрей. Уж как, ей-богу, благодарен судьбе я за то, что познакомился с вами.

Ихарев. Поверьте мне, я тоже разделяю это мнение. Мальчишкам я бы не позволил и в руки взять карт. Но благоразумным людям почему не поразвлечься, не позабавиться? Например, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцевать.

Глов. Так, всё так; но, поверьте, в жизни нашей есть столько удовольствий, столько обязанностей, так сказать, священных. Эх, господа, послушайте старика! Нет для человека лучшего назначения, как семейная жизнь, в домашнем кругу. Всё это, что вас окружает, ведь это всё волнение, ей богу-с, волнение, а прямого-то блага вы не вкусили еще. Ведь вот я, поверите ли, минуты не дождусь, чтобы увидеть своих, ей богу! Как вообразу: дочь кинется на шею: «Папаш ты мой, милый папаш!» сын опять приехал из гимназии... полгода не видал... Просто слов недостает, ей-богу, так. Да после этого на карты смотреть не захочешь.

Ихарев. Но зачем же отеческие чувства ме-

шать с картами? Отечественные чувства сами по себе, а карты тоже...

Алексей (входя, говорит Глову). Ваш человек спрашивает насчет чемоданов. Прикажете выносить? Лошади уж готовы.

Глов. А вот я сейчас! Извините, господа, на одну минуточку вас оставляю. (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ XI

Швохнев, Ихарев, Кругель, Утешительный.
Ихарев. Ну, нет никакой надежды!

Утешительный. Я говорил это прежде. Не понимаю, как вы не можете видеть человека. Ведь стоит только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположен играть.

Ихарев. Ну, да всё бы таки насесть на него хорошенько. Ну, зачем ты сам его поддерживал?

Утешительный. Да иначе, братец, нельзя. С этими людьми нужно тонко поступать. Не то как раз догадается, что его хотят обыграть.

Ихарев. Ну, да ведь что ж вышло из того, ведь вот уедет всё равно.

Утешительный. Ну, да постой, еще не всё дело кончено.

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и Глов.

Глов. Покорнейше благодарю вас, господа, за приятное знакомство. Жаль только, право, что вот перед самым концом. А, впрочем, авось приведет бог опять где-нибудь столкнуться.

Швохнев. О, вероятно. Дороги битые, а люди толкуются, как не столкнуться? Захоти только судьба.

Глов. Ей богу так, совершенная правда. Судьба захочет, так завтра же увидимся — совершенная правда. Прощайте, господа! истинно благодарю! А уж вам, Степан Иванович, так обязан. Право, вы усладили мое уединение.

Утешительный. Помилуйте, не за что. Чем мог служить, служил.

Глов. Ну, уж если вы так добры, так сделайте еще одну милость, можно ли вас просить?

Утешительный. Какую? скажите! Всё, что угодно готов.

Глов. Успокойте старика-отца!

Утешительный. Как?

Глов. Я оставляю здесь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но всё ещё ненадежен: двадцать два года, ну, что это за лета? почти ребенок... Кончил учебный курс и уж больше ни о чем и слышать не хочет, как об гусарах. Я говорю ему: «Рано, Саша, погоди, осмотришь прежде! Что тебе в гусары, почему знать, может быть, у тебя штатские наклонности. Ты еще не видел почти света, время не уйдет от тебя!..» Ну, сами знаете, молодая натура. Ему уж там в гусарах всё это блестит, шитье, богатый мундир. Что ж прикажете? Склонностей ведь удержать никак нельзя... Так будьте так великодушны, батюшка Степан Иванович! Он остается теперь один, я возложил на него кое-какие делишки. Молодой человек, всё может случиться: что-бы приказные как-нибудь его не обманули... мало ли чего... Так возьмите его под свое покровительство, надзирайте над его поступками, отвлеките его от дурного. Будьте так добры, батюшка! (Берет его за обе руки).

Утешительный. Извольте, извольте. Всё, что может сделать отец для своего сына, всё это я сделаю для него.

Глов. Ах, батюшка! (Обнимаются и целуются). Ведь как видно, когда у человека-то доброе сердце, ей-богу! Бог вас наградит за это! Прощайте, господа, от души желаю вам счастливо оставаться.

Ихарев. Прощайте, доброй дороги!

Швохнев. Счастливо найти всех домашних!

Глов. Благодарю вас, господа!

Утешительный. А я вас таки провожу к самой коляске, и посажу.

Глов. Ах, батюшка, как вы добры! (Оба уходят).

ЯВЛЕНИЕ XIII

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Улетела птица!

Швохнев. Да, а было бы чем поживиться.

Ихарев. Признаюсь, как он сказал: двести тысяч — у меня вздрогнуло в самом сердце.

Кругель. О такой сумме и подумать даже сладко.

Ихарев. Ведь как подумаешь, сколько денег пропадает даром, без всякой совершенно пользы. Ну, что из того, что у него будет двести тысяч, ведь это всё так пойдет, на покупку каких-нибудь тряпок, ветошек.

Швохнев. И всё это дрянь, гниль.

Ихарев. А ведь сколько даже так пропадает на свете, не обращаясь. Сколько есть мертвых капиталов, которые именно, как мертвецы, лежат в ломбардах. Право, даже жалость. Я бы больше не хотел иметь у себя денег, как столько, сколько лежит в Опекунском совете.

Швохнев. Я помирюсь и на половине.

Кругель. Я доволен буду и четвертью.

Швохнев. Ну, не ври, немец: захочешь больше.

Кругель. Как честный человек...
Швохнев. Надуешь.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Утешительный (входит поспешно и с радостным видом).

Утешительный. Ничего, ничего, господа! Уехал, чорт его побери, тем лучше! Остался сын. Отец передал ему и доверенность, и все права на получение из приказа денег, и поручил надсматривать за всем мне. Сын молодец: так и рвется в гусары. Будет жатва. Я пойду, и сей же час приведу его к вам! (Убегает).

ЯВЛЕНИЕ XV

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Ай да Утешительный!

Швохнев. Bravo! дело возымело славный оборот! (Все потирают в радости руки).

Ихарев. Молодец Утешительный! Теперь я понял, зачем он подбирался к отцу и потакал ему. И как всё это ловко! как тонко!

Швохнев. О, у него на это талант необыкновенный!

Кругель. Способности невероятные!

Ихарев. Признаюсь, когда отец сказал, что оставляет здесь сына, у меня у самого промелькнула в голове мысль, да ведь только на миг, а уж он тотчас... Сметливость какая!

Швохнев. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же, Утешительный и Глов Александр Михалыч (молодой человек).

Утешительный. Господа! Рекомендую: Александр Михалыч Глов, отличный товарищ, прошу полюбить, как меня.

Швохнев. Очень рад... (Пожимает ему руку).

Ихарев. Знакомство ваше нам...

Кругель. Позвольте вас прямо в наши объятья.

Глов. Господа! я...

Утешительный. Без церемоний, без церемоний. Равенство первая вещь. Господа! Глов! здесь, видишь, все товарищи и потому к чорту все этикетты! Съедем прямо на ты.

Швохнев. Именно на ты!

Глов. На ты! (Подает им всем руку).

Утешительный. Так, браво! Человек, шампанского! Замечаете, господа, как у него даже теперь уже видно что-то гусарское. Нет, твой отец, не говоря дурного слова, большая скотина, — извини, ведь мы на ты, — ну как этого молодца вздумал было в чернильную службу!

Ну что, брат, скоро свадьба сестры твоей?

Глов. Чорт ее побери с ее свадьбой! Мне досадно, что из-за нее отец меня продержал три месяца в деревне.

Утешительный. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Глов. А так хороша... Будь она не сестра... ну, уж я бы ей не спустил.

Утешительный. Bravo, bravo, гусар! Сейчас видно гусара! Ну, послушай, а помог бы ты мне, если бы я захотел ее увезти?

Глов. Почему ж? помог бы.

Утешительный. Bravo, гусар! Вот оно, что называется настоящий гусар, чорт побери! Человек, шампанского! Вот это мой решительно вкус: этаких открытых людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Швохнев. Дай же и мне обнять его. (Обнимает его).

Ихарев. Пусть же и я обниму его. (Обнимает).

Кругель. Ну, так и я ж обниму его, если так. (Обнимает).

(Алексей несет бутылку, придерживая пальцем пробку, которая хлопает и летит в

потолок; наливает бокалы).

Утешительный. Господа, за здоровье будущего гусарского юнкера. Пусть он будет первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словом, пусть его будет, что хочет!

Все. Пусть его будет, что хочет! (Пьют).

Глов. За здоровье всего гусарства! (Поднимая бокал).

Все. За здоровье всего гусарства! (Пьют).

Утешительный. Господа, нужно его теперь же посвятить во все гусарские обычаи. Пьет он, как видно, уже сносно, но ведь это вздор. Нужно, чтобы он был картежник во всей силе! Играешь в банк?

Глов. Играл бы, смерть бы хотелось, да денег нет.

Утешительный. Экой вздор; нет денег! Было бы только с чем сесть, а там деньги будут, сейчас выиграешь.

Глов. Да ведь и сесть-то не с чем.

Утешительный. Да мы тебе поверим в долг. Ведь у тебя есть доверенность на получение денег из приказа. Мы подождем, а как тебе выдадут, ты нам тотчас и заплотишь. А

до того времени ты можешь нам дать вексель. Да, впрочем, что я говорю? Как будто ты уж непременно проиграешь. Ты можешь тут же выиграть несколько тысяч чистоганом.

Глов. А как проиграю?

Утешительный. Стыдись, что ж ты за гусар после этого? Естественно, одно из двух: либо выиграешь, либо проиграешь. Да в этом-то и дело, в риске-то и есть главная добродетель. А не рискнуть, пожалуй, всякий может. Наверняка и приказная строка отважится, и жид полезет на крепость.

Глов (махнув рукой). Чорт побери, если так; играю! Что мне смотреть на отца!

Утешительный. Bravo, юнкер! Человек, карты! (Наливает ему в стакан). Главное что нужно? Нужна отвага, удар, сила... Так и быть, господа, я вам сделаю банчик в двадцать пять тысяч. (Мечет направо и налево). Ну, гусар... Ты, Швохнев, что ставишь? (Мечет). Какое странное течение карт. Вот любопытно для вычислений! Валет убит, девятка взяла. Что там, что у тебя? И четверка взяла! А гусар, гусар-то, каков гусар? Замечаешь, Ихарев, как уж он мастерски возвышает став-

ки! А туз всё еще не выходит. Что ж ты, Швохнев, не наливаешь ему? Она, она, вон туз! Вон уж Кругель потащил себе. Немцу всегда везет! Четверка взяла, тройка взяла. Bravo, bravo, гусар! Слышишь, Швохнев, гусар уже около пяти тысяч в выигрыше.

Глов (перегинаяет карту). Чорт побери! Пароле пе! да вон еще девятка на столе, идет и она, и 500 рублей мазу!

Утешительный (продолжая метать). У! молодец, гусар! Семерка уби... ах, нет, плие, чорт побери, плие, опять плие! А, проиграл гусар. Ну, что ж, брат, делать? Не у всякого жена Марья, кому бог дал. Кругель, да полно тебе рассчитывать! ну, ставь эту, которую выдернул. Bravo, выиграл гусар! Что ж вы не поздравляете его? (Все пьют и поздравляют его, чокаясь стаканами). Говорят, пиковая дама всегда продаст, а я не скажу этого. Помнишь, Швохнев, свою брюнетку, что называл ты пиковой дамой. Где-то она теперь, сердечная. Чай, пустилась во все тяжкие. Кругель! твоя убита! (Ихареву) и твоя убита! Швохнев, твоя также убита; гусар также лопнул.

Глов. Чорт побери, ва-банк!

Утешительный. Браво, гусар! Вот она, наконец, настоящая гусарская замашка! Замечаешь, Швохнев, как настоящее чувство всегда выходит в наружу? До сих пор всё еще в нем было видно, что будет гусар. А теперь видно, что он уж теперь гусар. Вона натура-то как того... Убит гусар.

Глов. Ва-банк!

Утешительный. У! браво, гусар! на все пятьдесят тысяч! Вот оно что называется великодушие! Ну, поди-ка поищи, где отыщешь такую черту... Это именно подвиг! Лопнул гусар!

Глов. Ва-банк, чорт побери, ва-банк!

Утешительный. Ого, го, гусар! на сто тысяч! Каков, а? А глазки-то, глазки? Замечаешь, Швохнев, как у него глазки горят? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вот он героизм! А короля всё нет. Вот тебе, Швохнев, бубновая дама. На, немец, возьми, съешь семерку! Руте, решительно руте! просто карта фоска! А короля, видно, в колоде нет: право, даже странно. А вот он, вот он... Лопнул гусар!

Глов (горячась). Ва-банк, чорт побери, ва-банк!

Утешительный. Нет, брат, стой! Ты уж про-
садил двести тысяч. Прежде заплати, без это-
го нельзя начинать новой игры. Мы так мно-
го не можем тебе верить.

Глов. Да где ж у меня? у меня теперь нет.

Утешительный. Дай нам вексель, подпи-
шись.

Глов. Извольте, я готов. (Берет перо).

Утешительный. Да и доверенность на по-
лучение денег тоже отдай нам.

Глов. Вот вам и доверенность.

Утешительный. Теперь подпиши вот это
да вот это. (Дает ему подписаться).

Глов. Извольте, я готов всё сделать. Ну, вот
я и подписал. Ну, давайте ж играть!

Утешительный. Нет, брат, постой, пока-
жи-ка прежде деньги!

Глов. Да я вам заплачу. Уж будьте уверены.

Утешительный. Нет, брат, деньги на стол!

Глов. Да что ж это... Ведь это просто под-
лость.

Кругель. Нет, это не подлость.

Ихарев. Нет, это совсем другое дело. Шан-
сы, брат, не равны.

Швохнев. Этак ты, пожалуй, сядешь с тем,

чтоб обыграть нас. Дело известное: кто садится без денег, тот садится с тем, чтобы обыграть наверное.

Глов. Ну что ж? чего вы хотите? назначьте какие угодно проценты, я на всё готов. Я вдвое заплачу вам.

Утешительный. Что, брат, нам с твоих процентов? Мы сами готовы тебе заплатить какие угодно проценты, дай только нам взаимы.

Глов (отчаянно и решительно). Ну, так скажите последнее слово: не хотите играть?

Швохнев. Принеси деньги, сейчас станем играть.

Глов (вынимая из кармана пистолет). Ну, так прощайте же, господа. Больше вы меня не встретите на этом свете. (Убегает с пистолетом).

Утешительный (в испуге). Ты! ты! что ты? с ума сошел! Побежать за ним, в самом деле, чтоб еще как-нибудь не застрелился. (Убегает).

ЯВЛЕНИЕ XVII

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Еще выйдет история, если этот чорт вздумает застрелиться.

Швохнев. Чорт его возьми, пусть себе стреляется, да не теперь только: еще деньги не в наших руках. Вот беда!

Кругель. Я всего боюсь. Это так возможно...

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Те же, Утешительный и Глов.

Утешительный (держит Глова за руку с пистолетом). Что ты, что ты, брат, рехнулся? Слышите, слышите, господа, уж пистолет вздумал было всунуть в рот, а? Стыдись!

Все (приступая к нему). Что ты? что ты? Помилуй, что ты?

Швохнев. А еще и умный человек, из дрянни вздумал стреляться.

Ихарев. Этак пожалуй вся Россия должна застрелиться: всякий или проигрался, или намерен проигратся. Да если бы этого не было, так как же можно выиграть, ты посуди толь-

ко сам.

Утешительный. Ты дурак просто, позволь тебе сказать. Ты счастья своего не видишь. Разве ты не чувствуешь, как ты выиграл тем, что проиграл?

Глов (с досадой). Что ж вы в самом деле меня уж за дурака считаете: какой тут выигрыш проиграть двести тысяч! Чорт возьми!

Утешительный. Эх ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этим себе славу сделаешь в полку? Слышь, безделица! Еще не будучи юнкером да уж проиграл двести тысяч! Да тебя гусары на руках будут носить.

Глов (ободрившись). Что ж вы думаете? У меня разве не станет духу наплевать на всё это, если уж на то пошло. Чорт побери, да здравствует гусарство!

Утешительный. Bravo! Да здравствуют гусары! Теремтете! Шампанского! (Несут бутылки).

Глов (с стаканом). Да здравствуют гусары!

Ихарев. Да здравствуют гусары, чорт побери!

Швохнев. Теремтете! да здравствуют гусары!

Глов. На всё плюю, когда так!.. (Ставит на стол стакан). Вот беда только: домой как приеду? Отец, отец! (Хватает себя за волосы).

Утешительный. Да зачем тебе ехать к отцу? не нужно!

Глов (вытаращив глаза). Как?

Утешительный. Ты отсюда прямо в полк! Мы тебе дадим на обмундировку. Нужно, брат Швохнев, дать ему теперь рублей 200, пусть его погуляет юнкер! Там, я уж заметил, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Глов. Чорт побери, побегу прямо к ней, возьму приступом!

Утешительный. Каков гусар, а? Швохнев, нет у тебя двухсотрублевой?

Ихарев. Да вот уж я ему дам, пусть его погуляет на славу!

Глов (Берет ассигнацию и помахивая ею на воздухе). Шампанского!

Все. Шампанского! (Несут бутылки).

Глов. Да здравствуют гусары!

Утешительный. Да здравствуют... Знаешь ли, Швохнев, что мне пришло на ум? Покачаем его на руках так, как у нас качали в полку! Ну, приступай, бери его! (Все приступают к

нему, схватывают его за руки и ноги, качают, припевая на известный припев известную песню).

Мы тебя любим сердечно,
Будь ты начальник наш вечно!
Наши зажег ты сердца,
Мы в тебе видим отца!

Глов (с поднятой рюмкой). Ура!

Все. Ура! (Становят его на землю. Глов хлопнул рюмку об пол, все разбивают тоже свои рюмки, кто о каблук своего сапога, кто о пол).

Глов. Иду прямо к ней!

Утешительный. А нам нельзя за тобой, а?

Глов. Ни, никому! А кто сколько-нибудь...
разделка на саблях!

Утешительный. У! Рубака какой! а? Ревнив и задорен, как чорт. Я думаю, господа, что из него просто выйдет Бурцов иора, забияка. Ну прощай, прощай, гусар, не держим тебя!

Глов. Прощайте.

Швохнев. Да приходи нам после рассказать. (Глов уходит).

ЯВЛЕНИЕ XIX

Те же, кроме Глова.

Утешительный. Нужно его покамест ласкать, пока еще деньги не в наших руках; а там чорт с ним.

Швохнев. Одного боюсь я, чтоб как-нибудь не затянулась в приказе выдача денег.

Утешительный. Да, это будет скверно, а впрочем... ведь на это, сами знаете, есть понукатели. Как ни ворочай, а всё-таки придется всунуть в руку тому и другому для соблюдения порядка.

ЯВЛЕНИЕ XX

Те же и чиновник Замухрышкин (высовывает голову в дверь, одет в несколько поношенном фраке).

Замухрышкин. Позвольте узнать, не здесь ли Глов Александр Михалович?

Швохнев. Нет. Он сейчас вышел. А что вам угодно?

Замухрышкин. Да вот по делу их насчет выдачи денег.

Утешительный. А вы кто?

Замухрышкин. Да я чиновник из приказа.

Утешительный. А, милости просим. Прошу покорнейше садиться! В этом деле мы все принимаем живейшее участие. Тем более, что заключили кое-какие дружелюбные сделки с Александр Михаловичем. И потому можете понять, что вот и от него, и от него, и от него (указывая пальцами на всех) будет искреннейшая благодарность. Дело в том только, чтобы скорее, как можно, получить из приказа деньги.

Замухрышкин. Да уж как хотите, раньше двух недель никак нельзя.

Утешительный. Нет, это страшно далеко. Ведь вы всё позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкин. Да уж это само собой. Всё это приемлется. Как это позабыть? Мы потому и говорим две недели, а то бы, пожалуй, вы и три месяца у нас провозились. Деньги к нам придут не раньше как через полторы недели, а теперь во всем приказе ни копейки. На прошлой неделе получили полтораста тысяч, все роздали, три помещика ожидают, еще с февраля заложили имение.

Утешительный. Ну, это так для других, а для нас по дружбе... Нужно, чтобы мы с вами покороче познакомились... Ну, да что?.. да и люди свои! Ну, как вас зовут? как? Фентефлей Перпентьич, что ли?

Замухрышкин. Псой Стахич-с.

Утешительный. Ну, все одно почти. Ну дак послушайте, Псой Стахич! Будем так, как давние приятели. Ну, что, как вы? как делишки, как служба ваша?

Замухрышкин. Да что служба. Известное дело — служим.

Утешительный. Ну, а доходов по службе

этих, знаете, разных... а просто, много ли берете?

Замухрышкин. Конечно, сами посудите, с чего ж и жить?

Утешительный. Ну что, как в приказе у вас, скажите откровенно, все хапуги?

Замухрышкин. Ну что! Вы уж, я вижу, смеетесь! Эх, господа!.. Ведь вот тоже и господа сочинители всё подсмеиваются над теми, которые берут взятки; а как рассмотришь хорошенько, так взятки берут и те, которые выше нас. Ну да вот хоть и вы, господа, только разве что придумали названья поблагородней: пожертвованье там или так, бог ведает, что такое. А на деле выходит — такие же взятки: тот же Савка, да на других санках.

Швохнев. Вот уж Псой Стахич и обиделся, как я вижу, вот что значит задеть за честь.

Замухрышкин. Да ведь честь, сами знаете, дело щекотливое. А сердиться тут не из чего. Я уж, батюшка, прожил своё.

Утешительный. Ну полно, поговоримте по дружески, Псой Стахич! Ну что ж, как вы? Как у вас? Как поживаете? Как маячитесь на свете? Есть женушка, детки?

Замухрышкин. Слава богу. Бог наградил. Двое сыновей уж в уездное училище ходят. Два других поменьше. Один бегаёт пока в рубашонке, а другой на карачках ползает.

Утешительный. Ну, а ручонками, я чай, уже все этак (показывает рукой, как будто берёт деньги) умеют?

Замухрышкин. Ведь вот вы, право, какие, господа, ведь вот опять начали!

Утешительный. Ничего, ничего, Псой Стахич! ведь это по дружбе. Ну, что ж тут такого, свои. Эй, дай-ка бокал шампанского Псою Стахичу! скорей! Мы ведь теперь должны быть как короткие знакомые. Вот мы к вам соберёмся тоже в гости.

Замухрышкин (принимая бокал). А, милости просим, господа! Откровенно вам скажу, что такого чаю, как вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утешительный. Небось даровой, от купца?

Замухрышкин. От купца-с, выписной из Кяхты.

Утешительный. Да как же, Псой Стахич? Ведь вы дел с купцами не имеете?

Замухрышкин (выпив бокал и упираясь

руками в колени). А вот как: купец здесь больше по причине глупости своей должен был приплатиться. Помещик Фракасов, если изволите знать, закладывает имение, всё уж сделано, как следует, завтра остается получить деньги. Затеяли они завод какой-то в половине с купцом. Ну, нам-то, понимаете, какое дело знать, на завод ли, или на что другое нужны деньги, и с кем он в половине. Это не наша часть. Да купец по глупости своей и проговорись в городе, что он с ним в половине и ждет от него с часу на час денег. Мы и подслали к нему сказать, что вот пришли две тысячи, сейчас выдадут деньги, а не то будешь ждать! А уж к нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы и посуду, ожидают только задатков. Купец видит, плетью обуха не перешибешь, заплатил две тысячи да по три фунтика чаю каждому из нас. Скажут — взятка, да ведь за дело: не будь глуп, кто его толкал, языка разве не мог придержать?

Утешительный. Послушайте, Псой Стахич, ну, пожалуйста же, насчет этого дельца. Мы уж вам дадим, а вы уж там с начальниками своими сделайте, как следует. Только ради

бога, Псой Стахич! поскорее, а?

Замухрышкин. Да будем стараться. (Вставая). Но откровенно скажу вам: так скоро, как вы хотите, нельзя. Пред богом, в приказе ни копейки денег. А будем стараться.

Утешительный. Ну, как вас там спросить?

Замухрышкин. Так и спросите: Псой Стахич Замухрышкин. Прощайте, господа. (Идет к дверям).

Швохнев. Псой Стахич! а, Псой Стахич! (Оглядывается). Постарайтесь!

Утешительный. Псой Стахич, Псой Стахич, выручайте поскорее!

Замухрышкин (уходя). Да уж сказал. Будем стараться.

Утешительный. Чорт побери, как это долго. (Бьет себя рукой по лбу). Нет, побегу, побегу за ним, авось что-нибудь успею, не пожалею денег. Чорт его побери, три тысячи дам ему своих. (Убегает).

ЯВЛЕНИЕ XXI

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Конечно, лучше если бы получить поскорее.

Швохнев. Да уж как нам нужно! как нам нужно!

Кругель. Эх, если бы он уломал его как-нибудь.

Ихарев. Да что, разве ваши дела...

ЯВЛЕНИЕ XXII

Те же и Утешительный.

Утешительный (входит с отчаяньем). Чорт побери, раньше четырех дней никак не может. Я готов просто лоб расшибить себе об стену.

Ихарев. Да что тебе так приспичило? Неужто четырех дней нельзя обождать?

Швохнев. В том-то и штука, брат, что для нас это слишком важно.

Утешительный. Обождать! Да знаешь ли, что нас в Нижнем с часу на час ждут. Мы тебе не сказывали еще, а уж четыре дня назад то-

му мы имеем известие спешить как можно скорее, добывши во что бы ни стало хоть сколько-нибудь денег. Купец привез на 600 тысяч железа. Во вторник окончательная сделка, и деньги получает чистоганом, да вчера приехал один с пенькой на полмиллиона.

Ихарев. Ну так что ж?

Утешительный. Как что ж? Да ведь старики-то остались дома, а выслали вместо себя сыновей.

Ихарев. Да будто сыновья уж непременно станут играть?

Утешительный. Да где ты живешь, в китайском государстве, что ли? Не знаешь, что такое купеческие сынки? Ведь купец как воспитывает сына? или чтоб он ничего не знал, или чтобы знал то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, он уж так и глядит, ходит под руку с офицерами, кутит. Это, брат, для нас самый выгодный народ. Они, дурачье, не знают, что за всякий рубль, который они выплутуют у нас, они нам платят тысячами. Да это счастье наше, что купец только и думает о том, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чин.

Ихарев. И дела совершенно верные?

Утешительный. Как не верные! Уж нас не уведомяли бы. Всё почти в наших руках. Теперь всякая минута дорога.

Ихарев. Эх, черт возьми! что ж мы сидим! Господа, а ведь условие-то действовать вместе!

Утешительный. Да, в этом наша польза. Послушай, что мне пришло на ум. Тебе ведь спешить пока еще незачем. Деньги у тебя есть, 80 тысяч. Дай их нам, а от нас возьми векселя Глова. Ты верных получаешь полтора-раста тысяч, стало быть ровно вдвое, а нас ты даже одолжишь еще, потому что деньги нам теперь так нужны, что мы с радостью готовы платить алтын за всякую копейку.

Ихарев. Извольте, почему нет; чтобы доказать вам, что узы товарищества... (Подходит к шкатулке и вынимает кипу ассигнаций). Вот вам 80 тысяч!

Утешительный. А вот тебе и векселя! Теперь я побегу сейчас за Гловым; нужно его привести и всё устроить по форме. Кругель, отнеси деньги в мою комнату, вот тебе ключ от моей шкатулки. (Кругель уходит). Эх, если

бы так устроить, чтобы к вечеру можно было ехать. (Уходит).

Ихарев. Натурально, натурально. Тут и минуты незачем терять.

Швохнев. А тебе советую тоже не засиживаться. Как только деньги получишь, сейчас приезжай к нам. С 200 тысяч знаешь, что можно сделать. Просто ярмонку можно подорвать... Ах, я и позабыл сказать Кругелю пренужное дело. Погоди, я сейчас возвращусь. (Поспешно уходит).

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Ихарев (один).

Каков ход приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только 80 тысяч, а к вечеру уже двести. А? Ведь это для иного век службы, трудов, цена вечных сидений, лишений, здоровья. А тут в несколько часов, в несколько минут — владетельный принц! Шутка — двести тысяч! Да где теперь найдешь двести тысяч? Какое имение, какая фабрика даст двести тысяч? Воображаю, хорош бы я был, если бы сидел в деревне да возился с старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегод-

ного дохода. А образование-то разве пустая вещь? Невежество-то, которое приобретешь в деревне, ведь его ножом после не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки с старостой, с мужиком... Да я хочу с образованным человеком поговорить! Теперь вот я обеспечен. Теперь время у меня свободно. Могу заняться тем, что споспешествует к образованию. Захочу поехать в Петербург — поеду и в Петербург. Посмотрю театр, монетный двор, пройду мимо дворца, по Аглицкой набережной, в Летнем саду. Поеду в Москву, пообедаю у Яра. Могу одеться по столичному образцу, могу стать наравне с другими, исполнить долг просвещенного человека. А что всему причина? чему обязан? Именно тому, что называют плутовством. И вздор, вовсе не плутовство. Плутом можно сделаться в одну минуту, а ведь тут практика, изученье. Ну, положим — плутовство. Да ведь необходимая вещь: что ж можно без него сделать? Оно некоторым образом предостерегательство. Ну, не знай я, например, всех тонкостей, не постигни всего этого — меня бы как раз обманули. Ведь вот же хотели обмануть, да увиде-

ли, что дело не с простым человеком имеют, сами прибегнули к моей помощи. Нет, ум великая вещь. В свете нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно с другой точки. Этак прожить, как дурак проживет, это не штука, но прожить с тонкостью, с искусством, обмануть всех и не быть обмануту самому — вот настоящая задача и цель.

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Ихарев и Глов (вбегающий торопливо).

Глов. Где ж они? Я сейчас был в комнате, там пусто.

Ихарев. Да они сию минуту здесь были. На минуту вышли.

Глов. Как, вышли уж? и деньги у тебя взяли?

Ихарев. Да, мы с ними сделались, за тобой остановка.

ЯВЛЕНИЕ XXV

Те же и Алексей.

Алексей (Обращаясь к Глову). Изволили спрашивать, где господа?

Глов. Да.

Алексей. Да они уж уехали.

Глов. Как уехали?

Алексей. Да так-с. Уж у них с полчаса стояла тележка и готовые лошади.

Глов (всплеснув руками). Ну, мы надуты оба!

Ихарев. Что за вздор! Я не могу понять ни одного слова. Утешительный сию минуту должен возвратиться сюда. Ведь ты знаешь, что теперь должен весь долг твой заплатить мне. Они перевели.

Глов. Какой чорт долг! Получишь ты долг! Разве ты не чувствуешь, что в дураках и проведен, как пошлый пень.

Ихарев. Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сих пор в голове хмель распоряжается.

Глов. Ну, видно, хмель у обоих нас. Да проснись ты! Думаешь, я Глов? Я такой же

Глов, как ты китайский император.

Ихарев (беспокойно). Что ты, помилуй, что за вздор? И отец твой... и...

Глов. Старик-то? Во-первых, он и не отец, да и чорт ли и будут от него дети! А во-вторых, тоже не Глов, а Крыницын, да и не Михал Александрович, а Иван Климыч, из их же компании.

Ихарев. Послушай ты! говори сурьезно, этим не шутят!

Глов. Какие шутки! Я сам участвовал и также обманут. Мне обещали три тысячи за труды.

Ихарев (подходя к нему, запальчиво). Эй, не шути, говорю тебе! Думаешь, я уж дурак такой... И доверенность... и приказ... и чиновник сейчас был из приказа, Псой Стахич Замухрышкин. Ты думаешь, я не могу за ним сейчас послать?

Глов. Во-первых, он и не чиновник из приказа, а отставной штабс-капитан из их же компании, да и не Замухрышкин, а Мурзафейкин, да и не Псой Стахич, а Флор Семенович!

Ихарев (отчаянно). Да ты кто? чорт ты, го-

вори, кто ты?

Глов. Да кто я? Я был благородный человек, поневоле стал плутом. Меня обыграли в пух, рубашки не оставили. Что ж мне делать, не умереть же с голода? За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебе это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихарев (в бешенстве схватывает за воротник его). Мошенник ты!..

Алексей (в сторону). Ну, дело-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда браться! (Уходит).

Ихарев (таща его). Пойдем! пойдем!

Глов. Куда, куда?

Ихарев. Куда? (В исступлении). Куда? к правосудию! к правосудью!

Глов. Помилуй, не имеешь никакого права.

Ихарев. Как! не имею права? Обворовать, украсть деньги среди дня, мошенническим образом! Не имею права? Действовать плутовскими средствами! Не имею права? А вот ты у меня в тюрьме, в Нерчинске скажешь, что не имею права! Вот погоди, переловят всю вашу мошенническую шайку! Будете вы

знать, как обманывать доверие и честность добродушных люди. Закон! закон! закон призыву! (Тащит его).

Глов. Да ведь закон ты мог бы призвать тогда, если бы сам не действовал противозаконным образом. Но вспомни: ведь ты соединился вместе с ними с тем, чтобы обмануть и обыграть наверное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нет, брат! В том и шутка, что ты не имеешь никакого права жаловаться!

Ихарев (в отчаяньи бьет себя рукой по лбу). Чорт побери, в самом деле!.. (В изнеможении упадает на стул. Глов между тем убега-ет). Но только какой дьявольский обман!

Глов (выглядывая в дверь). Утешься! Ведь тебе еще с полугоря! У тебя есть Аделаида Ивановна! (Исчезает).

Ихарев (в ярости). Чорт побери Аделаиду Ивановну! (Схватывает Аделаиду Ивановну и швыряет ею в дверь. Дамы и двойки летят на пол). Ведь существуют же к стыду и поноше-нью человеков эдакие мошенники. Но только я просто готов сойти с ума — как это всё было чертовски разыграно! как тонко! И отец, и

сын, и чиновник Замухрышкин! И концы все спрятаны! И жаловаться даже не могу! (Схватывается со стула и в волнении ходит по комнате). Хитри после этого! Употребляй тонкость ума! Изощрай, взыскивай средства!.. Чорт побери, не стоит просто ни благородного рвенья, ни трудов. Тут же под боком отыщется плут, который тебя переплутует! мошенник, который за один раз подорвет строение, над которым работал несколько лет! (С досадой махнув рукой). Чорт возьми! Такая уж надувательная земля! Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон поддержанными картами!

<ВЛАДИМИР ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ>

[Сцены из задуманной комедии, использованные в «Отрывке», «Тяжбе» и «Лакейской»]

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОК

М<арья> <Петровна>. М и А, а [на] с другой стороны фамилии: Повалищев и княжна Шлепохвостова. Чтобы всё это было как можно повеликолепнее. Я также прошу вас, чтоб это всё было готово не позже, как через две недели.

К<аплунов>. Очень хорошо (бежит отпереть дверь).

М<арья> **П**<етровна>. (К лакею). Знаешь ли ты квартиру того чиновника?

Лакей. Знаю.

М<арья> **П**<етровна>. Вели кучеру ехать прямо туда! Ух, я до сих пор не могу успокоиться! (Уходит).

СЦЕНА III

Комната Ал<ександра> Ивановича.

Х<рисанфий> П<етрович>. Я очень рад, что познакомился с вами. Странно однако ж, что по физиогномии вашей никак нельзя было думать прежде, чтобы вы были путный человек. А<лександр> И<ванович>. Насчет этого, вы знаете, есть старая поговорка.

Х<рисанфий> П<етрович>. Скажите пожалуйста, верно покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

А<лександр> И<ванович>. Оставимте это.

Х<рисанфий> П<етрович>. Нет, я вам скажу, вы не будьте в претензии, это очень часто случается. Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья. Так сказать, как будто отрезана и поросла шерстью совершенно, как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подойди к окну баран, и нелегкая подстрекни его заблеять.

А<лександр> И<ванович>. Да, это может случиться.

Х<рисанфий> П<етрович>. Теперь только, как начинаю всматриваться в вас, замечаю, что лицо ваше как будто мне знакомо: у нас в карабинерном полку был поручик. Вот как две капли воды похож на вас! Пьяница страшнейший. То есть, я вам скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

А<лександр> И<ванович>. Позвольте. Я так жажду скорее вам помочь. Садитесь, сделайте одолжение, в эти кресла, да расскажите обстоятельно мне ваше дело.

Х<рисанфий> П<етрович>. Позвольте, сидя не расскажешь. Это дело казусное! Знали ли в Устюжск<ом> уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову? Не знали? Хорошо. Она доводится родной теткой мне и бестии, моему брату. У ней ближайшими наследниками были я да брат. О! слушайте, слушайте! Кроме того еще сестра, что вышла за генерала Повалищева. Ну, о той ни слова. Та и без того получила следуемую ей часть. Позвольте: вот этот мошенник, брат, — он уж на эти дела хоть сейчас в какую угодно министерию, — вот и подъехал он к ней: «Вы де, тетушка, уже

прожили, слава богу, 70 лет; где уж вам в таких преклонных летах мешаться самим в хозяйство. Пусть лучше я буду приберегать и кормить». О то-то, то-то! замечайте, замечайте! Переехал к ней в дом, живет и распоряжается, как настоящий хозяин. Да вы слышите ли это?

А<лександр> И<ванович.> Слышу.

Х<рисанфий> П<етрович.> То-то! Да. Вот за-немогает тетушка, отчего — бог знает, может быть, он сам и подсунул ей чего-нибудь. Мне дают уж знать стороною. Замечайте! Приезжаю: в сенях встречает меня эта бестия, т. е. брат, в слезах, так весь и заливаается: «Ну», говорит, «братец, навеки мы несчастны с тобою; благодетельница наша...» «Что, отдала богу душу?» — «Нет, при смерти». Я вхожу, и точно, тетушка лежит на карачках и только глазами хлопает. Ну, что ж? плакать? Не поможет. Ведь не поможет?

А<лександр> И<ванович.> Не поможет.

Х<рисанфий> П<етрович.> Ну, что ж? Нечего делать! так видно богу угодно! Я приступил поближе. «Ну», говорю, «тетушка, мы все смертны. Один бог, как говорят, не сегодня,

так завтра властен в нашей жизни. Так не угодно ли вам заблаговременно сделать какое-нибудь распоряжение?» Что ж тетушка? Я вижу, не может уже языком поворотить и только сказала: «э...э...э...э...» А эта шельма, что стоял возле кровати ее, брат, говорит: «Тетушка сим изъясняет, что она уже распорядилась». Слышите, слышите!

А<лександр> И<ванович>. Да разве она точно сказала это?

Х<рисанфий> П<етрович>. Кой чорт сказала! Она сказала только: «э...э...э...э...» Я всё подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение?» Что ж тетушка? Тетушка опять отвечает: «э, э, э...» А этот подлец опять: «Тетушка говорит, что всё распоряжение по этой части находится в духовном завещании». Слышите! слышите! Что ж мне было делать? Я замолчал и не сказал ни слова.

А<лександр> И<ванович>. Как же вы не уличили тут же их во лжи?

Х<рисанфий> П<етрович>. Что ж? (Размахивает руками). Стали божиться, что она точно всё это говорила. Ну, ведь... и поверил!

А<лександр> И<ванович>. А духовное завещание распечатали?

Х<рисанфий> П<етрович>. Распечатали.

А<лександр> И<ванович>. Что ж?

Х<рисанфий> П<етрович>. А вот что. Как только всё это, как следует, христианским долгом было отправлено, и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Брат ничего говорить не может от слез. «Возьмите», говорит, «читайте сами». Как же бы вы думали было написано завещание? «Племяннику моему, Ивану Петрову Барсукову», — слушайте! — «в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне обретения до смерти», — замечайте! замечайте! — «оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде», — ого-го-го! — «500 ревизских душ, угодья и прочее». Да вы всё слышите? «Племяннице моей Марии Петровой дочери Повалищевой, урожденной Барсуковой, оставляю следуемую ей деревню из ста душ. Племяннику всё остальное — Хрисанфию сыну Петрову Барсукову», — слушайте, слушайте! «на память обо мне», ого! го! «завещаю: три штаметовые юбки и всю рух-

лядь, находящуюся в амбаре, как-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и там чорт знает еще какое тряпье! А? как вам кажется? я спрашиваю: на кой чорт мне штаметовые юбки?

А<лександр> И<ванович>. Ах, боже мой, какое мошенничество!

Х<рисанфий> П<етрович>. Мошенничество — это так, я с вами согласен; но, спрашиваю я вас, на что мне штаметовые юбки? что я с ними буду делать? разве себе на голову надену?

А<лександр> И<ванович>. И свидетели подписались при этом?

Х<рисанфий> П<етрович>. Как же! набрал какой-то сволочи.

А<лександр> И<ванович>. А покойница собственноручно подписалась?

Х<рисанфий> П<етрович>. Вот то-то и есть, что подписалась, да чорт знает как.

А<лександр> И<ванович>. Как?

Х<рисанфий> П<етрович>. А вот как: покойницу звали Евдокия, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

А<лександр> И<ванович>. Как так?

Х<рисанфий> П<етрович>. Чорт знает, что такое: ей нужно было написать Евдокия, а она написала «обмокни».

А<лександр> И<ванович>. Ах, какой подлец!

Х<рисанфий> П<етрович>. О, я вам скажу, что он горазд на всё. «А племяннику моему Хрисанфию Петрову три штаметовые юбки!»

А<лександр> И<ванович>. (В сторону). Молодец, однако ж, Иван Петрович Барсуков. Я бы никак не мог думать, чтобы он ухитрился так.

Х<рисанфий> П<етрович>. (Размахивая руками). «Обмокни!» Что ж это значит? ведь это не имя: «обмокни?»

А<лександр> И<ванович>. Как же вы намерены поступить теперь?

Х<рисанфий> П<етрович>. Я подал уже прошение об уничтожении завещания, потому что подпись ложная. Пусть они не врут: покойницу звали Евдокией, а не «обмокни».

А<лександр> И<ванович>. И хорошо! Позвольте теперь мне за всё это взяться. Я сейчас напишу записку к одному знакомому секретарю, а вы, между тем, доставьте мне копию с

завещания вашего.

Х<рисанфий> П<етрович>. Несказанно обя-
зан вам! (Берется за шапку). А в которые две-
ри нужно выходить — в те или в эти?

А<лександр> И<ванович>. Пожалуйста в
эти.

Х<рисанфий> П<етрович>. То-то! Я потому
спросил, что мне нужно еще будет по своей
надобности. До свидания, почтеннейший...
как вас? я всё позабываю.

А<лександр> И<ванович>. Александр Ива-
нович.

Х<рисанфий> П<етрович>. Александр Ива-
нович! Александр Иванович есть Брульдю-
ковский, вы не знакомы с ним?

А<лександр> И<ванович>. Нет.

Х<рисанфий> П<етрович>. Он еще живет в
пяти верстах от моей деревни. Прощайте!

А<лександр> И<ванович>. Прощайте, по-
чтеннейший, прощайте!

ВТОРОЙ ОТРЫВОК

Каплунов. Еще и вина! а водки не хочешь? Один дьявол — вино и водка, ведь всё так же пьяно. [Мне всё равно — вино или водка, лишь бы пьяно.] Пойдем!

Шрейдер. Нет, я в немецка театр пойду.

Каплунов. Охота в театр! (В сторону). Вот уж немецкая сигарка! И врет расподлец — и не думает быть в театре! Скрежничает проклятая немчура: боится проиграть алтына, и еще в театр! На свой счет не выпьет пива немецкая сосиска! Когда-нибудь, ей богу, поколочу его на все боки. (Вслух). Это что за зеркало? (Схватывает со стола зеркало).

Лаврентий. Перестаньте. Чего вы пришли? ведь барина нет. Что вам здесь делать? (Слышен стук в боковые двери). А вот и барин теперь увидит.

(Шрейдер и Каплунов убегают. Остается Петрушевич, погруженный в задумчивость. Лаврентий и Аннушка).

Лаврентий. А! Анна Гавриловна! Насчет моего почтения с большим удовольствием вас вижу.

Аннушка. Не беспокойтесь, Лаврентий Павлович! Я нарочно зашла к вам на минуту. Я встретила карету вашего барина и узнала, что его нет дома.

Лаврентий. И очень хорошо сделали: я и жена будем очень рады. Пожалуйста, садитесь.

Аннушка (севши). Скажите, ведь вы знаете что-нибудь о бале, который на днях затевается?

Лаврентий. Как же. Оно, примерно, вот изволите видеть, складчина. Один человек, другой, примерно так же сказать, третий. Конечно, это впрочем составит большую сумму. Я пожертвовал вместе с женою пять рублей. Ну, натурально бал, или что обыкновенно говорится — вечеринка. Конечно, будет угощение, примерно сказать — прохладительное. Для молодых людей танцы и тому прочие подобные удовольствия.

Аннушка. Непременно, непременно буду. Я только зашла за тем, чтобы узнать, будете ли вы вместе с Агафией Ивановной?

Лаврентий. Уж Агафия Ивановна только и говорит всё, что о вас.

Закатищев (вбегает). Что, Иван Петрович

дома?

Лаврентий. Никак нет.

Закатищев (про себя). Жаль! Если бы не заговорился так долго с этим степняком, я бы его застал. Однако ж я даром ему не скажу об этом сюрпризе, который готовит ему родной братец. Нет, Иван Петрович! Извините — представьте меня непременно к награде! Я уж чересчур усердно вам служу, доставляю запрещенный товар. Нет, тысяченки четыре вы должны мне пожаловать! Эх, куплю славных рысаков! Только и речей будет по городу, что про лошаденку Закатищева. Хотелось бы и колясчонку, только уж зеленую. Желтого цвета никак не хочу! Куда же уехал Иван Петрович?

Лаврентий. Они уехали к Марье Петровне.

Закатищев (увидев Аннушку, кланяется). Здравствуйте, сударыня! Ох, какие воровские глазки!

Аннушка. Есть на кого заглядеться!

Закатищев (уходя). Лжешь, плутовка! Влюблена в меня! Признайся — по уши влюблена? А, покраснелась! (Уходит).

Аннушка. Право, чем кто больше урод, тем

более воображает, что в него все влюбляются. Если и у нас на бале будет такая сволочь, то я...

Лаврентий. Нет, Анна Гавриловна, у нас будет общество хорошее. Не могу сказать наверно, но слышал, что будет камердинер графа Толстого, буфетчик и кучера князя Брюховецкого, горничная какой-то княгини... Я думаю, тоже чиновники некоторые будут.

Аннушка. Одно только мне очень не нравится, что будут кучера. От них всегда запах простого табаку или водки. Притом же все они такие необразованные, невежи...

Лаврентий. Позвольте вам доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерам рознь. Оно, конечно, так как кучера, по обыкновению больше своему, находятся неотлучно при лошадах, иногда подчищают, с позволения сказать, кал. Конечно, человек простой — выпьет стакан водки или, по недостаточности больше, выкурит обыкновенного бакуну, какой большею частью простой народ употребляет. Да. Так оно натурально, что от него иногда, примерно сказать, воняет навозом или водкой. Конечно, всё это так. Да. Однако ж, со-

гласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такие кучера, которые хотя и кучера, однако ж, по обыкновению своему больше, примерно сказать, конюхи, нежели кучера. Их должность, или так выразиться, дирекция состоит в том, чтобы отпустить овес или укорить в чем, если провинился фореитор или кучер.

Аннушка. Как вы хорошо говорите, Лаврентий Павлович. Я всегда вас заслушиваюсь.

Лаврентий (с довольной улыбкой). Не стоит благодарности, сударыня. Оно, конечно, не всякий человек имеет, примерно сказать, речь, т. е. дар слова. Натурально бывает иногда... что, как обыкновенно говорят, косноязычие. Да. Или иные прочие подобные случаи, что впрочем уже происходит от природы... Да неудобно ли вам пожаловать в мою комнату? (Аннушка идет, Лаврентий за нею, но, увидя Петрушевича в задумчивости, останавливается). Ах, Григорий Савич! Я вас чуть было не запер. Извините! У нас уже давно обедать пора.

Петрушевич (выходя из задумчивости). Боже мой! Боже мой! И так вот что! Служил, служил и что ж выслужил? Хм. (С горькою улыб-

кою). Тут что-то говорили об бале. Какой для меня бал! Сегодня еще стговорились было мы итти к Андрею Ивановичу на бостончик. Нет. Не пойду. Что мне теперь бостон! Я сам не знаю, что я буду, куда я пойду. Что скажет моя Марья Григорьевна? (Выходит медленно и машинально).

Занавес опускается.

УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

I

Кабинет; несколько шкафов с книгами; на столе разбросаны бумаги. Иван Петрович, деловой человек, потягиваясь, выходит в халате и звонит. Из передней слышен голос: «сейчас». Иван Петрович звонит во второй раз, опять тот же голос: «сейчас». Иван Петрович с нетерпением звонит в третий раз; входит слуга.

Иван Петрович. Что ты, оглох?

Лакей. Никак нет.

Иван Петрович. Что ж ты не изволил являться, когда я звоню в третий раз?

Лакей. Как же прикажете: мне нельзя было бросить дела, я сапоги чистил.

Иван Петрович. А Иван что делал?

Лакей. Иван мел комнату, а потом пошел в конюшню.

Иван Петрович. Поддай сюда собачку. (Лакей приносит собачку). Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вот я тебе бумажку привяжу.

(Нацепляет ей на хвост бумажку).

(Вбегают другой лакей). Александр Иванович!

Иван Петрович. Проси. (Бросает поспешно собачку и разворачивает свод законов).

II

Иван Петрович и Александр Иванович (также деловой человек).

Александр Иванович. Доброго утра, Иван Петрович!

Иван Петрович. Как здоровье ваше, Александр Иванович?

Александр Иванович. Очень благодарен. Не помешал ли я вам?

Иван Петрович. О, как можно! Ведь я всегда занят. Ну, что, в котором часу приехали домой?

Александр Иванович. Час шестой был. Я как поворотил на Офицерской, то спросил, подъезжая к будочнику: «Не слышал ли, братец, который час?» «Да шестой уже», говорит, «пробило». Вот я и узнал, что уж был шестой час.

Иван Петрович. Представьте, я сам почти в

то же время. Ну, что, каков был вистец, хе, хе, хе?

Александр Иванович. Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мне даже во сне он мерещился.

Иван Петрович. Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что это значит, что он кладет короля? У меня ведь на руках сам-третей дама крестов, а у Лукьяна Федосеевича, я давно вижу, что ренонс.

Александр Иванович. Длиннее всего тянулся восьмой робер.

Иван Петрович. Да. (Помолчав). Я уже мигаю Лукьяну Федосеевичу, чтоб он козырял, — нет. А ведь тут только козырни — валет мой пик и берет.

Александр Иванович. Позвольте, Иван Петрович, валет не берет.

Иван Петрович. Берет.

Александр Иванович. Не берет, потому что вам никоим образом нельзя взять в руку.

Иван Петрович. А семерка пик у Лукьяна Федосеевича? позабыли разве?

Александр Иванович. А разве у него была пиковка? Я что-то не помню.

Иван Петрович. Конечно, у него были две пики: четверка, которую он сбросил на даму,

и семерка.

Александр Иванович. Только нет, позвольте, Иван Петрович, у него не могло быть больше одной пиковки.

Иван Петрович. Ах, боже мой, Александр Иванович, кому вы это говорите! Две пиковки! Я, как теперь, помню: четверка и семерка.

Александр Иванович. Четверка была, это так; но семерки не было. Ведь он бы козырнул; согласитесь сами, ведь он бы козырнул?

Иван Петрович. Ей богу, Александр Иванович, ей богу!

Александр Иванович. Нет, Иван Петрович. Это совершенно невозможное дело.

Иван Петрович. Да позвольте, Александр Иванович! Вот лучше всего: поедем завтра к Лукьяну Федосеевичу. Согласны ли вы?

Александр Иванович. Хорошо.

Иван Петрович. Ну, и спросим у него лично: была ли на руках у него семерка пик?

Александр Иванович. Извольте, я не прочь. Впрочем, если посудить, странно, что Лукьян Федосеевич так дурно играет. Ведь нельзя сказать, чтобы он был без ума. Человек тонкий и в обращении...

Иван Петрович. И прибавьте: больших сведений! человек, каких, сказать по секрету, у нас мало на Руси. Были ли у его высокопревосходительства?

Александр Иванович. Был. Я теперь только от него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Ведь я, как думаю, вам известно, имею обыкновение носить лосиновую фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притом не горячит. По этому-то случаю я велел себе подать шубу. Приезжаю к его высокопревосходительству — его высокопревосходительство еще спит. Однако ж, я дождался. Ну, тут пошли рассказы о том и о сём.

Иван Петрович. А про меня не было ничего говорено?

Александр Иванович. Как же, было и про вас. Да еще прелюбопытный вышел разговор.

Иван Петрович (оживляется). Что, что такое?

Александр Иванович. Позвольте, позвольте рассказать по порядку. Тут презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочим, спросил, где я бываю, что так давно он меня не видит? и пожелал узнать о

вчерашней вечеринке, и кто был? Я сказал: «Были, ваше высокопревосходительство. Павел Григорьевич Борцов, Илья Владимирович Бубуницын». Его высокопревосходительство после каждого слова говорил: «гм!» Я сказал: «и еще был один известный вашему высокопревосходительству...»

Иван Петрович. Кто ж это такой?

Александр Иванович. Позвольте! что ж бы, вы думали, сказал на это его высокопревосходительство?

Иван Петрович. Не знаю.

Александр Иванович. Он сказал: «Кто ж бы это такой?». «Иван Петрович Барсуков», отвечал я. «Гм!», сказал его высокопревосходительство, «это чиновник и притом...» (Поднимает вверх глаза). Довольно хорошо у вас полочки расписаны: на свой или хозяйский счет?

Иван Петрович. Нет, ведь это казенная квартира.

Александр Иванович. Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокруг сухарики, бубны и барабан! очень, очень натурально!

Иван Петрович (с нетерпением). Так что

же сказал его высокопревосходительство?

Александр Иванович. Да, я и позабыл. Что ж он сказал?

Иван Петрович. Сказал «гм!» его высокопревосходительство; «это чиновник...»

Александр Иванович. Да, да, «это чиновник ну и... служит у меня». После того разговор не был уже так интересен; и начался об обыкновенных вещах.

Иван Петрович. А больше ничего не заговаривал обо мне?

Александр Иванович. Нет.

Иван Петрович (про себя). Ну, покамест еще не много. Господи боже мой! ну что, если бы сказал он: «такого-то Барсукова, в уважение тех и тех и прочих заслуг его, представляю...»

III

Те же и Шрейдер (выглядывает в дверь).

Иван Петрович. Войдите, войдите; ничего, пожалуйста сюда: что, это для доклада?

Шрейдер. Для подписания. Здесь отношение в палату и рапорт управляющему.

Иван Петрович (между тем читает). «...Господину управляющему...» Это что значит? у вас поля по краям бумаги неровны. Как же это? Знаете ли, что вас можно посадить под арест?..(Устремляет на него глубокомысленный взор).

Шрейдер. Я говорил об этом Ивану Ивановичу: он мне сказал, что министр не будет смотреть на эту мелочь.

Иван Петрович. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо так говорить. Я сам то же думаю: министр точно не войдет в это. Ну, а вдруг вздумается!

Шрейдер. Можно переписать; только будет поздно. Но так как изволили сами сказать, что министр не войдет...

Иван Петрович. Так! это всё правда. Я с вами совершенно согласен: он не займется я

этими пустяками. Ну, а в случае, так ему придется: «Дай-ка посмотрю, велико ли место остается для полей?»

Шрейдер. Если так, я сейчас перепишу.

Иван Петрович. То-то, если так. Ведь я с вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались в университете. С другим бы я не стал тратить слов.

Шрейдер. Я осмелился я только потому, что г. министр...

Иван Петрович. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я с вами не спорю ни на волос. Так, министр на это никогда не посмотрит и не вспомнит даже про это. Ну, а вдруг... Что тогда?

Шрейдер. Я перепишу. (Уходит).

IV

Иван Петрович (пожимая плечами, обращается к Александру Ивановичу). Всё еще ветер ходит в голове! Порядочный молодой человек, недавно из университета, но вот тут (показывает на лоб) нет. Вы себе не можете представить, почтеннейший Александр Иванович, скольких трудов мне стоило привести всё это в порядок; посмотрели бы вы, в каком виде принял я нынешнее место! Вообразите, что ни один канцелярский не умел порядочно буквы написать. Смотришь: иной къ перенесет в другую строку, иной в одной строке пишет, сі-, а в другой: ятельство. Словом сказать: это был ужас! столпотворение вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, дух торжествует. А порядок? порядок во всем!

Александр Иванович. Так вам чины, можно сказать, путем и кровью достались.

Иван Петрович (вздыхнув). Именно, путем и кровью. Что ж будете делать, ведь у меня такой характер. Чем бы я теперь не был, если бы сам доискивался? У меня бы места на гру-

ди не нашлось для орденов. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нет, это не мое дело! Другие выигрывают беспрестанно... А у меня уж такой характер: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (Вздыхнувши). Мне бы теперь одного только хотелось — если б получить хоть орденочек на шею. Не потому, чтобы это слишком занимало, но единственно, чтобы видели только внимание ко мне начальства. Я вас буду просить, великодушнейший Александр Иванович, этак, при случае, натурально мимоходом, намекнуть его высокопревосходительству: что у Барсукова-де в канцелярии такой порядок, какой вы редко где встречали, или что-нибудь подобное.

Александр Иванович. С большим удовольствием, если представится случай...

Те же и Катерина Александровна, жена Ивана Петровича.

Катерина Александровна (увидев Александра Ивановича). А! Александр Иванович! Боже мой, как давно мы не видались! Позабыли меня! Что Наталья Фоминишна?

Александр Иванович. Слава богу! неделю, впрочем, назад было захворала.

Катерина Александровна. Э!

Александр Иванович. В груди под ложечкой сделалась колика и стеснение. Доктор прописал очистительное и припарку из ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна. Вы бы попробовали омеопатического средства.

Иван Петрович. Чудно, право, как подумаешь, до чего не доходит просвещение. Вот, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатию. Недавно был я в представлении. Что ж бы вы думали? Мальчишка, росту, как бы вам сказать, вот такого (показывает рукою), лет трех не больше: посмотрели бы вы, как он пляшет на тончайшем канате! Я вас уверяю

сурьезно, что дух занимается от страху.

Александр Иванович. Очень хорошо поет Мелас.

Иван Петрович (значительно). Мелас? о да! с большим чувством!

Александр Иванович. Очень хорошо.

Иван Петрович. Заметили ли вы, как она ловко берет вот это? (Вертит рукою перед глазами).

Александр Иванович. Именно, это она удивительно хорошо берет. Однако, уж скоро два часа.

Иван Петрович. Куда же это вы, Александр Иванович?

Александр Иванович. Пора! Мне нужно еще места в три заехать до обеда.

Иван Петрович. Ну, так до свидания! Когда ж увидимся? Да, я и позабыл: ведь мы завтра у Лукьяна Федосеевича?

Александр Иванович. Непременно. (Кланяется).

Катерина Александровна. Прощайте, Александр Иванович!

Александр Иванович (в лакейской, накидывая шубу). Не терплю я людей такого рода.

Ничего не делает, жиреет только, а прикидывается, что он такой, сякой, и ту наделал, и ту поправил. Вишь чего захотел! ордена! И ведь получит, мошенник! получит! Этакие люди всегда успевают. А я? ведь пятью годами старше его по службе, и до сих пор не представлен. Какая противная физиономия! И разнежился: ему совсем не хотелось бы, но только для того, чтобы показать внимание начальства. Еще просит, чтобы я замолвил за него. Да, нашел кого просить, голубчик! Я таки тебе удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! (Подтвердительно ударяет несколько раз кулаком по ладони и уходит).

ТЯЖБА

I

Кабинет. Пролетов, сенатский обер-секретарь, один сидит в креслах и поминутно икает.

Что это у меня? точно отрыжка! вчерашний обед засел в горле; эти грибки да ботвинья... Ешь, ешь, просто, чорт знает, чего не ешь! (икает). Вот оно! (икает) еще! (икает) еще раз! (икает). Ну, теперь в четвертый! (икает). Туды к чорту, и в четвертый! Прочитать еще «Северную Пчелу», что там такое? Надоела мне эта «Северная Пчела»: точь-в-точь баба, засидевшаяся в девках. (Читает и вскрикивает). Крахманову награда! а? Петрушке Крахманову! Вот каким был мальчишкой (показывает рукой), я поместил сам его кадетом в корпус, а? (Продолжает читать и вскрикивает, вытаращив глаза). Что это? что это? Неужели Бурдюков? Да, он, Павел Петрович Бурдюков, произведен! а? какво? Взятчик, два раза был под судом, отец — вор, обокрал

казну, гнуснейший человек, какого только можно представить себе, — каково? И ведь весь свет почитает его за прямодушного человека! Подлец! Говорит: «Дело Бухтелева решено не так, сенат не вникнул» — а? Просто, подлец, узнал, что на мою долю пришлось двадцать тысяч, так вот зачем не ему! Как собака на сене: ни себе, ни другим. Ну, да я знаю тебя, ступай морочь других, прикидывайся перед другими. Я слышал про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянул в газету, прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость — и больше ничего. Эй, Андрей!

II

Лакей (входя). Чего изволите-с?
Пролетов. Возьми вон эту газету! И к чему, зачем ты принес эту газету? Дурак этакой! (Андрей уносит газету). Каков Бурдюков, а? Вот кого, не говоря дальних слов, упрятал бы в Камчатку. С большим наслаждением, признаюсь, нагадил бы ему, хоть сию минуту, да вот до сих пор нет, да и нет случая. Что прикажешь делать? Разгневался бог. А я бы тебя погладил, мазнул бы тебя по губам. Да уж и губы зато какие? как у вола, у канальи.

Лакей. Бурдюков приехал.

Пролетов. Что?

Лакей. Бурдюков приехал.

Пролетов. Что ты вздор несешь!

Лакей. Так точно-с.

Пролетов. Врешь ты, дурак! Бурдюков, ко мне? Павел Петрович Бурдюков!

Лакей. Нет, не Павел Петрович, а другой какой-то.

Пролетов. Какой другой?

Лакей. Да вот извольте сами видеть: он здесь.

Пролетов. Приси.

III

Пролетов и Христофор Петрович Бурдюков. Бурдюков. Прошу извинить за беспокойство, что наношу вам. Обстоятельства и дела понудили оставить городишку. Приехал просить личной помощи, заступничества.

Пролетов (в сторону). Это точно другой; а есть, однако же, какое-то сходство. (Вслух). Что прикажете? в чем могу быть вам полезным?

Бурдюков (с пожатием плеч). Дело, тяжба!

Пролетов. Тяжба? с кем?

Бурдюков. С родным братом.

Пролетов. Прежде позвольте узнать фамилию, а потом изъясните свое дело. Прошу покорно садиться.

Бурдюков. Фамилия: Бурдюков, Христофор Петров сын, а дело с родным братом Павлом Петровым Бурдюковым.

Пролетов. Что вы!! что? нет!

Бурдюков. Да что ж вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотел оставлять напрасно Тамбов и скакать на почтовых?

Пролетов. Господи благослови вас за такое доброе дело! Позвольте с вами покороче познакомиться. Умнее этого дела вы не могли никогда бы придумать. Вот рассказывай теперь, что нет великодушия и справедливости, а это что же? Ведь вот родной брат, узы крови, связи, а ведь не пощадил! На брата — процесс! Позвольте вас обнять.

Бурдюков. Извольте! я сам обниму вас за такую готовность. (Обнимаются). А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физиогномию, никак нельзя было думать, чтобы вы были путный человек.

Пролетов. Вот тебе раз! как так?

Бурдюков. Да сурьезно. Позвольте спросить: верно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетов. Что за чепуху несет он?

Бурдюков. Нет, я вам скажу, вы не будьте в претензии, это очень часто случается. Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья, так сказать, как будто отрезана и поросла шерстью совершенно, как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: ко-

гда покойница рожала, подойди к окну баран, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Пролетов. Ну, оставим в покое заседателя и барана. Как же я рад!

Бурдюков. А уж я как рад, приобретши такое покровительство! Теперь только, как начинаю всматриваться в вас, вижу, что лицо ваше как будто знакомо: у нас в карабинерном полку был поручик, вот, как две капли воды, похож на вас! Пьяница страшнейший, то есть я вам скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетов (в сторону). У этого уездного медведя, как видно, нет совсем обычая держать язык за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душе — у него на языке. (Вслух). Времени у меня немного, пожалуйста, приступим же к делу.

Бурдюков. Позвольте, сидя не расскажешь. Это дело — казусное! Знали ли в устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову? не знали, — хорошо. Она доводится родной теткой мне и бестии, моему брату. У ней ближайшими наследниками я да брат — извольте видеть: вот оно куды пошло!

Кроме того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова, та и без того получила следуемую ей часть. Позвольте: вот этот мошенник, брат, он на это хоть чорту в дядьки годится, вот и подъехал он к ней: «Вы-де, тетушка, уже прожили, слава богу, семьдесят лет; где уже вам в таких преклонных летах мешаться самим в хозяйство: пусть лучше я буду приберегать и кормить». Вона! замечайте, замечайте! переехал к ней в дом, живет и распоряжается, как настоящий хозяин. Да вы слышите ли это?

Пролетов. Слышу.

Бурдюков. То-то! Да. Вот занемогает тетушка, отчего бог знает, может быть, он сам и подсунул ей чего-нибудь. Мне дают уже знать стороною. Замечайте! Приезжаю; в сенях встречает меня эта бестия, то есть брат, в слезах, так весь и заливаается, и растаял, и говорит: «Ну», говорит, «братец, навеки мы несчастны с тобою: благодетельница наша»... — «Что, отдала богу душу?» — «Нет, при смерти». Я вхожу, и точно, тетушка лежит на карачках и только глазами хлопает. Ну, что ж? плакать? Не поможет. Ведь не поможет?

Пролетов. Не поможет.

Бурдюков. Ну что ж? нечего делать! так, видно, богу угодно! Я приступил поближе. «Ну», говорю, «тетушка, мы все смертны, один бог, как говорят, не сегодня, так завтра властен в нашей жизни: так не угодно ли вам заблаговременно сделать какое-нибудь распоряжение?» Что ж тетушка? Я вижу, не может уже языком поворотить, и только сказала: «э... э... э...» А эта шельма, что стоял возле кровати ее, брат, говорит: «Тетушка сим изъясняет, что она уже распорядилась». Слышите, слышите!

Пролетов. Как же, да ведь она разве сказала это?

Бурдюков. Кой чорт сказала! Она сказала только «э... э... э...» Я всё подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение?» Что ж тетушка? Тетушка опять отвечает: «э, э, э». А тот подлец опять: «Тетушка говорит, что всё распоряжение по этой части находится в духовном завещании». Слышите? слышите? Что ж мне было делать? я замолчал и не сказал ни слова.

Пролетов. Однако ж, позвольте: как же вы

не уличили тут же их во лжи?

Бурдюков. Что ж? (размахивает руками) стали божиться, что она точно всё это говорила. Ну ведь... и поверил.

Пролетов. А духовное завещание распечатали?

Бурдюков. Распечатали.

Пролетов. Что ж?

Бурдюков. А вот что. Как только всё это, как следует, христианским долгом было отправлено, я говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Брат ничего и говорить не может: страданья, отчаянья такие, что люли только! «Возьмите», говорит, «читайте сами». Собрались свидетели и прочитали. Как же бы вы думали было написано завещание? А вот как: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову» — слушайте! — «в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне обретения до смерти» — замечайте! замечайте! — «оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде...» вона! вона! вона куды пошло! — «пятьсот ревизских душ, угодья и прочее». А? слышите ли вы это? «Племяннице моей, Ма-

рии Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю следуемую ей деревню изо ста душ. Племяннику» — вона! замечайте! вот тут настоящий типун! — «Хри-sanфию сыну Петрову Бурдюкову» — слушайте, слушайте! — «на память обо мне»... — ого! го! — «завещаю: три штаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре, как-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и там чорт знает еще какое тряпье! А? как вам кажется? я спрашиваю: на кой чорт мне штаметовые юбки?

Пролетов. Ах, он мошенник этакой! Прошу покорно!

Бурдюков. Мошенничество — это так, я с вами согласен; но спрашиваю я вас: на что мне штаметовые юбки? Что я с ними буду делать? разве себе на голову надену!

Пролетов. И свидетели подписались при этом?

Бурдюков. Как же, набрал какой-то сволочи.

Пролетов. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюков. Вот то-то и есть, что подписа-

лась, да чорт знает как!

Пролетов. Как?

Бурдюков. А вот как: покойницу звали Евдокия, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетов. Как так?

Бурдюков. Чорт знает что такое: ей нужно было написать: «Евдокия», а она написала: «обмокни».

Пролетов. Что вы!

Бурдюков. О, я вам скажу, что он горазд на всё. «А племяннику моему Хрисанфию Петрову три штаметовые юбки!»

Пролетов (в сторону). Молодец, однако ж, Павел Петрович Бурдюков, я бы никак не мог думать, чтобы он ухитрился так!

Бурдюков (размахивая руками). «Обмокни!» Что ж это значит? Ведь это не имя: «обмокни»?

Пролетов. Как же вы намерены поступить теперь?

Бурдюков. Я подал уже прошение об уничтожении завещания, потому что подпись ложная. Пусть они не врут: покойницу звали Евдокией, а не «обмокни».

Пролетов. И хорошо! Позвольте теперь мне за всё это взяться. Я сейчас напишу записку к одному знакомому секретарю, а вы между тем доставьте мне копию с завещания вашего.

Бурдюков. Несказанно обязан вам! (Берется за шапку). А в которые двери нужно выходить — в те, или в эти?

Пролетов. Пожалуйста в эти.

Бурдюков. То-то. Я потому спросил, что мне нужно еще будет по своей надобности. До свидания, почтеннейший. Как вас? Я всё позабываю!

Пролетов. Александр Иванович.

Бурдюков. Александр Иванович! Александр Иванович есть Прольдюковский, вы не знакомы с ним?

Пролетов. Нет.

Бурдюков. Он еще живет в пяти верстах от моей деревни. Прощайте!

Пролетов. Прощайте, почтеннейший, прощайте!

IV

Пролетов, потом слуга.

Вот неожиданный клад! вот подарок! Просто бог на шапку послал. Странно сказать, а по душе чувствуешь такое какое-то эдакое неизъяснимое удовольствие, как будто или жена в первый раз сына родила, или министр поцеловал тебя при всех чиновниках в полном присутствии. Ей богу! эдакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! ступай сейчас к моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вот тебе на водку, напейся пьян, как стелька, — для сегодняшнего дня я тебе позволяю; а вот еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы — сейчас, самонужнейшее дело. А, наконец-таки, насилиу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотрим, как ты будешь подплясывать. А уж коли из сенатских музыкантов наберу оркестр, так ты у меня так запляшешь, что во всю жизнь не отдохнут у тебя бока.

ЛАКЕЙСКАЯ

I

Театр представляет переднюю. Направо дверь на лестницу, налево — в зал. На заднем занавесе дверь несколько сбоку в кабинет. До самых дверей во всю стену длинная скамья.

Петр, Иван и Григорий сидят на ней и спят, уткнувши головы один другому в плечо. В дверях с лестницы звенит громкий звонок. Лакеи пробуждаются.

Григорий. Ступай, отвори дверь! звонят!

Петр. Да ты что сидишь? На ногах у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иван (махнув рукой). Ну, уж я пойду, так и быть, отворю! (Отворяя дверь, вскрикивает). Это Андрюшка!

Чужой слуга (входит в картузе, в шинели и с узелком в руке).

Григорий. А, московская ворона! Откуда тебя принесло?

Чужой слуга. Ах ты, чухонский сын! Побе-

гал бы ты с мое. Вон (подымая узелок) к цветочнице велела снести, что на Петербургской. Небось, четвертака на извозчика не даст. Да и к вашему тож. Что, спит?

Григорий. Кто? медведь? Нет, еще не рычал из берлоги.

Петр. Правда ли, что барыня ваша дает вам чулки штопать? (Все смеются).

Григорий. Ну уж ты, брат, будь теперь штопальница. Уж мы так и звать тебя будем.

Чужой лакей. Врешь, а вот же и не штопал никогда.

Петр. Да ведь у вас известно: дворový человек до обеда повар, а после обеда уж он кучер, или лакей, или башмаки шьет.

Чужой лакей. Ну так что ж, ремесло другому не помешает. Не сидеть же без дела. Конечно, я и лакей, да и женский портной вместе. И на барыню шью и на других тоже — копейку добываю. А вы что, ведь вот ничего ж не делаете.

Григорий. Нет, брат, у хорошего барина лакея не займут работой, на то есть мастеровой. Вон у графа Булкина тридцать, брат, человек слуг одних, и уж там, брат, нельзя так: «Эй,

Петрушка, сходи-ка туды». «Нет» мол, скажет, «это не мое дело; извольте-с приказать Ивану». Вон оно как. Вот оно что значит, если барин хочет жить, как барин. А вон ваша пиголица из Москвы приехала, коляска-то орех раскушенный, веревками хвосты лошадям позавязаны. (Смеются).

Чужой лакей. Ну, ты смехун, смехун! Что ж из того, что лежишь весь день, ведь за то ж ни копейки за душой у тебя нет

Григорий. Да на что ж мне твоя копейка? А барин-то зачем? Ведь жалованье-то уж он мне выдаст, хоть я работай или не работай. А копить мне на старость зачем? Что ж за барин, коли уж пенсионера слуге не выдаст за службу.

Чужой лакей. Что? говорят, ребята бал затеяли?

Петр. Да. А ты будешь?

Чужой лакей. Да ведь что ж этот бал! только, чай, слава, что бал.

Григорий. Нет, брат, бал будет на всю руку. По целковому жертвуют и больше. Княжой повар дал пять рублей и сам берется стол готовить. Угощенье будет не то, что орехи, уж

полпуда конфект купили, мороженого тоже... (Слышен тоненький звонок из барского кабинета).

Чужой лакей. Ступай, звонит барин.

Григорий. Подождет. Лиминацию тоже зажгут. Музыку торговали, только не сошлись, баса нет, а то уж было... (Слышен звонок из кабинета громче прежнего).

Чужой лакей. Ступай, ступай! звонит.

Григорий. Подождет. Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей. Да ведь что ж этот бал, ведь это всё так.

Григорий. Ну, развязывай мошну, ты, што-пальница! Вон смотри, Петрушка, на него, какой он... (Тыкает на него пальцем; в это время отворяется дверь кабинета, и барин, в халате, протянувши руку, схватывает Григория за ухо. Все поднимаются с своих мест).

Барин. Что вы, бездельники? Три человека, Би хоть бы один поднялся с своего места. Я звоню, что есть мочи, чуть тесьмы не оборвал.

Григорий. Да ничего не было слышно, судырь.

Барин. Врешь!

Григорий. Ей богу! Что ж мне лгать? Вот Петрушка тоже сидел. Уж это такой колокольчик, судырь, никуды не годится: никогда ничего не слышать. Нужно будет слесаря позвать.

Барин. Ну, так позвать слесаря.

Григорий. Да я уж сказывал дворецкому. Да ведь что ж? Ему говоришь, а ведь он еще и выберит за это.

Барин (увидя чужого лакея). Это что за человек?

Григорий. Это-с человек от Анны Петровны, зачем-то пришел к вам.

Барин. Что скажешь, брат?

Чужой лакей. Барыня приказала кланяться и доложить, что будут сегодня к вам.

Барин. Зачем, не знаешь?

Чужой лакей. Не могу знать. Они только сказали: «Скажи Федору Федоровичу, что я приказала кланяться и буду к ним».

Барин. Да когда, в котором часу?

Чужой лакей. Не могу знать, в котором часу. Они сказали только, что доложи-де, говорит, Федору Федоровичу, что я, говорит, к ним сама-де буду у них-с...

Барин. Хорошо. Петрушка, дай мне поскорей одеться: я иду со двора. А вы — не принимать никого! Слышишь; всем говорить, что меня нет дома! (Уходит; за ним Петрушка).

III

Чужой лакей (Григорию). Ну, видишь, ведь вот и досталось.

Григорий (махнув рукой). А! уж служба такая! как ни старайся — всё выбранят. (В дверях, что у лестницы, раздаётся звонок).

Григорий. Вот опять какой-то чорт лезет. (Ивану). Ступай, отворяй, что ж ты зеваешь. (Иван отворяет дверь; входит господин в шубе).

IV

Господин в шубе. Федор Федорович дома?

Григорий. Никак нет.

Господин. Досадно. Не знаешь, куда уехал?

Григорий. Неизвестно. Должно быть, в департамент. А как об вас доложить.

Господин. Скажи, что был Невелецагин. Очень, мол, жалел, что не застал дома. Слышишь? не позабудешь? Невелецагин.

Григорий. Лентягин-с.

Господин (вразумительно). Невелецагин.

Григорий. Да вы немец?

Господин. Какой немец! просто, русский:
Не-ве-ле-ща-гин.

Григорий. Слышь, Иван, не забудь: Ерд-
щагин!

(Господин уходит).

V

Чужой лакей. Прощайте, братцы, пора уж и
мне.

Григорий. Да что ж — на бал будешь, что
ли?

Чужой лакей. Ну, да уж там посмотрю по-
сле. Прощай, Иван!

Иван. Прощай! (Идет отворять дверь).

VI

Горничная девушка, бежит бегом через лакейскую.

Григорий. Куды, куды! удостоите взглядом! (Хватает ее за полу платья).

Девушка. Нельзя, нельзя, Григорий Павлович! не держите меня, совсем-с некогда. (Вырывается и убегает в дверь на лестницу).

Григорий (смотря вслед её). Вот она, как поплелась! (Смеется). Хе, хе, хе!

Иван (смеется). Хи, хи, хи!

(Выходит барин. Рожи у Григория и Ивана вдруг становятся насупившись и сурьезны. Григорий снимает с вешалки шубу и накидывает барину на плечи. Барин уходит).

Григорий (стоит среди комнаты, чистя пальцем в носу). Ведь вот свободное время. Барин ушел, чего бы, кажется, лучше, — нет, сейчас привалит этот чорт, брюхач-дворецкий.

За сценой слышен крик дворецкого: Ведь вот точно божеское наказание: десять человек в доме, и хоть бы один что-нибудь прибрал.

Григорий. Вон уж пошел кричать толсто-
брюхий.

VII

Пузатый дворецкий (входит с сильными движениями и размахами рук). Побоялись бы хоть совести своей, коли бога не боитесь. Ведь ковры до сих пор не выколочены. Вы бы, Григорий Павлович, пример другим должны бы дать, а вы спите ровно от утра до вечера, ведь глаза-то у вас совсем заплыли от сна, ей богу! ведь вы совсем подлец после этого, Григорий Павлович.

Григорий. Да что ж? нешто я не человек, что уж и заснуть нельзя?

Дворецкий. Да кто ж против этого и слово говорит? Почему ж не заснуть? Но ведь не весь же день спать. Ну, вот хоть бы и ты, Петр Иванович! ведь ты, не говоря дурного слова, на свинью похож, ей богу. Ведь что тебе работы? всего два, три каких-нибудь подсвечника вычистить. Ну, зачем ты тут баишься? (Петр медленно уходит). А тебе, Ванька, просто толчка в затылок следует.

Григорий (уходя). Эх ты, житье, житье!

вставши да за вытье!

Дворецкий (оставшись один). В том-то и есть поведенъе, что всякий человек должен знать долг. Коли слуга, так слуга, дворянин, так дворянин, архиерей, так архиерей. А то бы, пожалуй, всякий зачал... я бы сейчас сказал: нет, я не дворецкий, а губернатор, или там какой-нибудь от инфантерии. Да ведь за то мне всякий бы сказал: нет, врешь, ты дворецкий, а не генерал, вот что! твоя обязанность смотреть за домом, за повеленьем слуг, вот что! Тебе не то, что бон жур, коман ву франсе, а веди порядок, распоряженъе, вот что! Да.

VIII

Входит Аннушка, горничная девушка из другого дома.

Дворецкий. А! Анна Гавриловна! на счет моего почтения с большим удовольствием вас вижу.

Аннушка. Не беспокойтесь, Лаврентий Павлович! я нарочно зашла к вам на минуту: я встретила карету вашего барина и узнала, что его нет дома.

Дворецкий. И очень хорошо сделали, я и жена будем очень рады, пожалуйста, садитесь.

Аннушка (севши). Скажите, ведь вы знаете что-нибудь о бале, который на днях затевается?

Дворецкий. Как же. Оно, примерно, вот изволите видеть, складчина. Один человек, другой, примерно также сказать, третий. Конечно, это, впрочем, составит большую сумму. Я пожертвовал вместе с женою пять рублей. Ну, натурально, бал, или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будет угощение, примерно сказать, прохладительное. Для молодых людей танцы и тому прочие подобные

удовольствия.

Аннушка. Непременно, непременно буду. Я только, зашла за тем, чтобы узнать, будете ли вы вместе с Агафьей Ивановной.

Дворецкий. Уж Агафия Ивановна только и говорит всё, что о вас.

Аннушка. Я боюсь только насчет общества.

Дворецкий. Нет, Анна Гавриловна, у нас будет общество хорошее. Не могу сказать наверно, но слышал, что будет камердинер графа Толстого, буфетчик и кучера князя Брюховецкого, горничная какой-то княгини... я думаю, тоже чиновники некоторые будут.

Аннушка. Одно только мне очень не нравится, что будут кучера. От них всегда запах простого табаку или водки, притом же все они такие необразованные, невежи.

Дворецкий. Позвольте вам доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерам рознь. Оно, конечно, так как кучера по обыкновению больше своему находятся неотлучно при лошадях, иногда подчищают, с позволения сказать, кал; конечно, человек простой, выпьет стакан водки, или, по недостаточности больше, выкурит обыкновенного бакуну, какой

большую часть простой народ употребляет; да, так, оно натурально, что от него иногда, примерно сказать, воняет навозом или водкой, конечно, всё это так, да; однако ж, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такие кучера, которые, хотя и кучера, однако ж, по обыкновению своему, больше, примерно сказать, конюхи, нежели кучера. Их должность, или так выразиться, дирекция состоит в том, чтобы отпустить овес, или укорить в чем, если провинился фореитор или кучер.

Аннушка. Как вы хорошо говорите, Лаврентий Павлович! я всегда вас слушаю.

Дворецкий (с довольною улыбкою). Не стоит благодарности, сударыня. Оно, конечно, не всякий человек имеет, примерно сказать, речь, то есть дар слова. Натурально, бывает иногда... что, как обыкновенно говорят, косноязычие... Да. Или иные прочие подобные случаи, что, впрочем, уже происходит от натуры... Да не угодно ли вам пожаловать в мою комнату?

(Аннушка идет, Лаврентий за нею).

ОТРЫВОК

Комната в доме Марьи Александровны.

I

Марья Александровна, пожилых лет дама, и Михал Андреевич, ее сын.

Марья Александровна. Слушай, Миша, я давно хотела с тобою переговорить: тебе должно переменить службу.

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна. Ты должен служить в военной.

Миша (вытаращив глаза). В военной?

Марья Александровна. Да.

Миша. Что вы, маменька? в военной?

Марья Александровна. Ну, что ж ты так изумился?

Миша. Помилуйте, да разве вы не знаете: ведь нужно начинать с юнкеров?

Марья Александровна. Ну да, послужишь год юнкером, а потом произведут в офицеры, уж это мое дело.

Миша. Да что вы нашли во мне военного?

и фигура моя совершенно не военная. Подумайте, матушка, право, вы меня изумили такими словами совершенно, так что я, я, я просто не знаю, что и подумать: я, слава богу, и толстенок немножко, а как надену юнкерский мундир с короткими хвостиками, — совестно даже будет смотреть.

Марья Александровна. Нет нужды. Произведут в офицеры, будешь носить мундир с длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, так что ничего не будет заметно. Притом это и лучше, что ты немножко толст — скорее пойдет производство: им же будет совестно, что у них в полку такой толстый прапорщик.

Миша. Но, матушка, ведь мне год, всего год осталось до коллежского асессора. Я уже два года, как в чине титулярного советника.

Марья Александровна. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранит мои уши; мне так и приходит на ум бог знает что. Я хочу, чтобы сын мой служил в гвардии. На штафирку, просто, не могу и смотреть теперь.

Миша. Но посудите, матушка, рассмотрите меня хорошенько и наружность мою

также: меня еще в школе звали хомяком. В военной службе всё же нужно, чтобы и на лошади лихо ездил, и голос бы имел звонкий, и рост бы имел богатырский, и талию.

Марья Александровна. Приобретешь, всё приобретешь. Я хочу, чтобы ты непременно служил; на это есть очень, важная причина.

Миша. Да какая же причина?

Марья Александровна. Ну, уж причина важная.

Миша. Всё же таки скажите, какая причина?

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьего дни у Рогожинских говорит, и нарочно так, чтобы я слышала. А я сижу третьего, передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчас я. Что бы ты думал эта негодная осмелилась говорить?.. Я, право, так и хотела встать с места и, если б не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что я сделала. Говорит: «Я очень рада, что на придворных балах не пускают штатских. Это такие все», говорит, «mauvais genre, чем-то

неблагородным от них отзывается. Я рада», говорит, «что мой Алексис не носит этого скверного фрака». — И всё это произнесла с таким жеманством, с таким тоном... так право... я не знаю, что бы я сделала с нею. А ее сын просто дурак набитый: только всего и умеет, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша. Как, матушка, так в этом вся причина?

Марья Александровна. Да, я хочу на зло, чтобы мой сын тоже служил в гвардии и был бы на всех придворных балах.

Миша. Помилуйте, матушка, из того только, что она дура...

Марья Александровна. Нет, уж я решилась. Пусть-ка она себе треснет с досады, пусть побесится.

Миша. Однако ж...

Марья Александровна. О! я ей покажу! Уж как она хочет, я употреблю все старанья, и мой сын будет тоже в гвардии. Уж хоть чрез это и потеряет, а уж непременно будет. Чтобы я позволила всякой мерзавке дуться передо мною и подымать и без того курносый нос

свой! Нет уж, вот этого-то никогда не будет! Уж как вы себе хотите, Наталья Андреевна!

Миша. Да разве этим ей досадите?

Марья Александровна. О! уж этого-то не позволю!

Миша. Если вы это требуете, маменька, я перейду в военную; только, право, мне самому будет смешно, когда увижу себя в мундире.

Марья Александровна. Уж, по крайней мере, гораздо благороднее этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша. За одним разом и переменить службу и женить?

Марья Александровна. Что же? Как будто нельзя и переменить службу и женить?

Миша. Да ведь я и намеренья еще не имел. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна. Захочешь, если только узнаешь, на ком. Этой женитьбой доставишь ты себе счастье и в службе и в семейственной жизни. Словом, я хочу женить тебя на княжне Шлепохвостовой.

Миша. Да ведь она, матушка, дура перво-классная.

Марья Александровна. Вовсе не перво-классная, а такая же, как и все другие. Прекрасная девушка, вот только что памяти нет; иной раз забывается, скажет невпопад; но это от рассеянности, а уж зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумает.

Миша. Помилуйте, куды ей сплетничать! Она насилу слово может связать, да и то такое, что только руки расставишь, как услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дело сердечное, нужно, чтобы душа...

Марья Александровна. Ну, так! я вот как будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебе это не пристало, не пристало, я тебе двадцать раз уже говорила. Другому еще это идет как-то, а тебе совсем не идет.

Миша. Ах, маменька, но когда и в чем я был не послушен вам? [Вместо: Ах, маменька, но когда и в чем я был не послушен вам в рукописи было: Ах, маменька, сколько я вас просил, не повторяйте этого слова. Вы не поверите, как оно мне противно и пошло, какое глупое ложное значение придали ему у нас. Не будьте похожи на тех старичков, которые

имеют обычаи колоть этим словцом в глаза всех, не рассмотревши хорошенько ни человека, ни слова, которым его колют. Что осталось о пятидесяти каких-нибудь пустых головах, воспитанных на французскую ногу, они ухватились за это предание и давай придавать его ко всякому, честить им встречного и поперечного. У кого, заметят они, только немного сшито не так платье, как у другого, как-нибудь иначе прическа, словом что-нибудь не то, что у других, они тотчас: «Либерал, либерал! революционер! Вон у него фалды фрака не так, как у прочих! платок не так завязан! не так волосы носит!» Вы не поверите, как у меня всякий раз взрывается сердце, когда я услышу это! Как мало им ведомо сердце русского человека и твердые черты его характера! Как не знают они того, что если и увлекается он, то увлекается силою душевных прекрасных побуждений, а не оторванной от всего мыслью, создавшейся в легкой голове какого-нибудь француза. И этот русский человек, в груди которого таится самобытное, слитое с самой его природой чувство, чувство непостижимой любви к царю, — чувство, из-

за которого он пожертвует всем, понесет свое имущество, жизнь безмолвно, не крича об этом вперед, не хвастаясь и не хвалясь этим, — и этот русский укоряется этим пошлым словцом, которое без различия дается также и первому встречному сорванцу и бродяге. Нет, маменька, употребляйте все прочие слова, и не употребляйте этого истасканного и пошлого слова! Вы рассмотрите, когда и в чем я был не послушен вам.] Мне уже скоро тридцать лет, а между тем я, как дитя, покорен вам во всем. Вы мне велите ехать туды, куды бы мне смерть не хотелось ехать — и я еду, не показывая даже и вида, что мне это тяжело. Вы мне приказываете потереться в передней такого-то — и я трусь в передней такого-то, хоть мне это вовсе не по сердцу. Вы мне велите танцовать на балах — и я танцую, хоть все надо мною смеются и над моей фигурой. Вы, наконец, велите мне переменить службу — и я переменяю службу, в тридцать лет иду в юнкера; в тридцать лет я перерождаюсь в ребенка, в угодность вам, и при всем том вы мне всякий день колете глаза либеральничеством. Не пройдет минуты, чтобы

вы меня не называли либералом. Послушайте, матушка, это больно, клянусь вам, это больно. Я достоин за мою искреннюю любовь и привязанность к вам лучшей участи...

Марья Александровна. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либерал, и знаю даже, кто тебе всё это внушает: всё этот скверный Собачкин.

Миша. Нет, матушка, это уж слишком, чтобы Собачкина я даже стал слушаться. Собачкин мерзавец, картежник и всё, что вы хотите. Но тут он невинен. Я никогда не позволю ему надо мною иметь и тени влияния.

Марья Александровна. Ах, боже мой, какой ужасный человек! я испугалась, когда его узнала. Без правил, без добродетели — какой гнусный, какой гнусный человек! Если б ты знал, что такое он разнес про меня!.. Я три месяца не могла никуда носа показать: что у меня подают сальные огарки; что у меня по целым неделям не вытираются в комнате ковры щеткою; что я выехала на гулянье в упряжи из простых веревок на извозчичьих хомутах... Я вся краснела, я более недели была больна; я не знаю, как я могла перенести всё

это. Подлинно, одна вера в провидение подкрепила меня.

Миша. И такой человек, вы думаете, может иметь надо мною власть? и думаете, я позволю?..

Марья Александровна. Я сказала, чтоб он не смел мне на глаза показываться, и ты одним только можешь оправдать себя, когда без всякого упорства сделаешь княжне *déclaration* сегодня же.

Миша. Но, матушка, а если нельзя это сделать?

Марья Александровна. Как нельзя? это почему?

Миша (в сторону). Ну, решительная минута!.. (Вслух). Позвольте мне хотя здесь иметь свой голос, хотя в деле, от которого зависит счастье моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюблен в другую?

Марья Александровна. Это, признаюсь, для меня новость. Об этом я еще ничего не слышала. Да кто ж такая эта другая?

Миша. Ах, маменька, клянусь, никогда еще не было подобной — ангел, ангел и лицом и душою.

Марья Александровна. Да чьих она, кто отец ее?

Миша. Отец — Александр Александрович Одосимов.

Марья Александровна. Одосимов? фамилия не слышная! Я ничего не знаю про Одосимова... да что он, богатый человек?

Миша. Редкий человек, удивительный человек.

Марья Александровна. И богатый?

Миша. Как вам сказать? Нужно, чтобы вы его видели. Таких достоинств души не сыщешь в свете.

Марья Александровна. Да что он, как, в чем состоит его чин, имущество?

Миша. Я понимаю, маменька, чего вы хотите. Позвольте мне на счет этот сказать откровенно мои мысли. Ведь теперь, как бы то ни было, может быть, во всей России нет жениха, который бы не искал богатой невесты. Всякий хочет поправиться на счет женина приданого. Ну, пусть еще в некотором отношении это извинительно: я понимаю, что бедный человек, которому не повезло по службе или в чем другом, которому, может

быть, излишняя честность помешала составить состояние, словом, что бы то ни было, но я понимаю, что он вправе искать богатой невесты и, может быть, несправедливы бы были родители, если б не отдали должного его достоинствам и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедлив ли человек богатый, который будет искать тоже богатых невест, — что ж будет тогда на свете? Ведь это всё равно, что сверх шубы да надеть шинель, когда и без того жарко, когда эта шинель, может быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нет, маменька, это несправедливо. Отец пожертвовал всем имуществом на воспитанье дочери.

Марья Александровна. Довольно, довольно! Больше я не в силах слушать. Всё знаю, всё: влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом.

Миша. Матушка...

Марья Александровна. Отец пьяница, мать стряпуха, родня — кварташки или служащие по питейной части... и я должна всё это слышать, всё это терпеть, терпеть от родного сы-

на, для которого я не щадила жизни!.. Нет, я не переживу этого!

Миша. Но, матушка, позвольте...

Марья Александровна. Боже мой, какая теперь нравственность у молодых людей! Нет, я не переживу этого, клянусь, не переживу этого... Ах! что это? у меня закружилась голова! (Вскрикивает). Ах, в боку колика!.. Машка, Машка, склянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокий сын!

Миша (бросаясь). Матушка, успокойтесь. Вы сами создаете для себя...

Марья Александровна. И всё это наделал этот скверный Собачкин. Я не знаю, как не выгонят до сих пор эту чуму.

Лакей (в дверях). Собачкин приехал.

Марья Александровна. Как! Собачкин? Отказать, отказать, чтоб его и духу здесь не было.

Те же и Собачкин.

Собачкин. Марья Александровна! извините великодушно, что так давно не был. Ей богу, никак не мог! Поверить не можете, сколько дел; знал, что будете гневаться, право знал... (Увидя Мишу). Здравствуй, брат! Как ты?

Марья Александровна (в сторону). У меня, просто, слов не достает! Каков? Еще извиняется, что давно не был!

Собачкин. Как я рад, что вы, судя по лицу, так свежи и здоровы. А братца вашего как здоровье? Я полагал, признаюсь, и его также застать у вас.

Марья Александровна. Для этого вы бы могли отправиться к нему, а не ко мне.

Собачкин (усмехаясь). Я приехал рассказать вам один преинтересный анекдот.

Марья Александровна. Я не охотница до анекдотов.

Собачкин. Об Наталье Андреевне Губомазовой.

Марья Александровна. Как, об Губомазо-

вой!.. (Стараясь скрыть любопытство). Так это, верно, недавно случилось?

Собачкин. На днях.

Марья Александровна. Что ж такое?

Собачкин. Знаете ли, что она сама сечет своих девок?

Марья Александровна. Нет! что вы говорите? Ах, какой страм! можно ли это?

Собачкин. Вот вам крест! Позвольте же рассказать. Только один раз велит она виноватой девушке лечь, как следует, на кровать, а сама пошла в другую комнату, не помню, за чем-то, кажется, за розгами. В это время девушка за чем-то выходит из комнаты, а на место ее приходит Наталья Андреевны муж, ложится и засыпает. Является Наталья Андреевна, как следует, с розгами, велит одной девушке сесть ему на ноги, накрыла простыней и высекла мужа.

Марья Александровна (всплеснув руками). Ах, боже мой, какой страм! Как это до сих пор я ничего об этом не знала? Я вам скажу, что я почти всегда была уверена, что она в состоянии это сделать.

Собачкин. Натурально. Я это говорил все-

му свету. Толкуют: «Примерная жена, сидит дома, занимается воспитанием детей, сама учит по-аглицки!» Какое воспитанье! Сечет всякий день мужа, как кошку!.. Как мне жаль, право, что я не могу пробыть у вас подолее (раскланивается).

Марья Александровна. Куда ж это вы, Андрей Кондратьевич? Не совестно ли вам, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла вас видеть, как друга дома: останьтесь! Мне хотелось еще с вами переговорить кое о чем. Послушай, Миша, у меня в комнате дожидается каретник; пожалуйста, переговори с ним. Спроси, возьметса ли он переделать карету к первому числу. Цвет чтобы был голубой с светлой уборкой, на манер кареты Губомазовой.

(Миша уходит).

Марья Александровна. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить с вами наедине. Скажите, вы, верно, знаете: есть какой-то Александр Александрович Одосимов?

Собачкин. Одосимов?.. Одосимов... Одосимов... Знаю, есть где-то Одосимов; а, впрочем, я могу справиться.

Марья Александровна. Пожалуйста.

Собачкин. Помню, помню, есть Одосимов
столоначальник или начальник отделения...
точно есть.

Марья Александровна. Вообразите, вышла
одна смешная история... Вы мне можете сде-
лать большое одолжение.

Собачкин. Вам стоит только приказать.
Для вас я готов на всё: вы сами это знаете.

Марья Александровна. Вот в чем дело: мой
сын влюбился, или, лучше, не влюбился, а
просто зашло в голову сумасбродство... Ну,
молодой человек... Словом, он бредит доче-
рью этого Одосимова.

Собачкин. Бредит? А однако ж, он мне ни-
чего об этом не сказал. Да впрочем, конечно,
бредит, если вы говорите.

Марья Александровна. Я хочу от вас, Ан-
дрей Кондратьевич, большой услуги: вы, я
знаю, нравитесь женщинам.

Собачкин. Хе, хе, хе! Да вы почему это ду-
маете? А ведь точно, вообразите: на масленой
шесть купчих... может быть, вы думаете, что
я с своей стороны как-нибудь волочился или
что-нибудь другое... Клянусь, даже не посмот-

рел! Да вот еще лучше: вы знаете того, как бишь его, Ермолай, Ермолай... Ах боже, Ермолай, вот что жил на Литейной недалеко от Кирочной?

Марья Александровна. Не знаю там никого.

Собачкин. Ах, боже мой, Ермолай Иванович, кажется, вот хоть убей, позабыл фамилию. Еще жена его, лет пять тому назад, попала в историю. Ну, да вы знаете её, Сильфида Петровна.

Марья Александровна. Совсем нет; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкин. Боже мой! он еще жил недалеко от Куропаткина.

Марья Александровна. Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкин. Да вы после припомните. Дочь, богачка страшная, до двухсот тысяч приданого и не то, чтобы с надуваньем, а еще до венца ломбардный билет в руки.

Марья Александровна. Что ж вы не женились?

Собачкин. Не женился. Отец три дня на ко-

лених стоял, упрашивал; и дочь не перенесла, теперь в монастыре сидит.

Марья Александровна. Почему ж вы не женились?

Собачкин. Да так как-то. Думаю себе: отец откупщик, родня — что ни попало. Поверите, самому, право, было потом жалко. Чорт побери, право, как устроен свет: всё условия да приличия. Скольких людей уже погубили!

Марья Александровна. Ну, да что же вам смотреть на свет? (В сторону). Прошу покорно! Теперь всякая чуть вылезшая козявка уже думает, что он аристократ. Вот всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, как говорит!

Собачкин. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право, нельзя, всё как-то... Ну, понимаете... Станут говорить: «Ну вот, женился чорт знает на ком...» Да со мной, впрочем, всегда такие истории. Иной раз, право, совсем не виноват, с своей стороны решительно ничего... ну, что ты прикажешь делать? (Говорит тихо). Ведь вот по вскрытии Невы всегда находят две-три утонувшие женщины, — я уж только молчу, потому что в такую еще впута-

ешься историю... Да, любят, а ведь за что бы, кажется? лицом нельзя сказать, чтобы очень...

Марья Александровна. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хорош.

Собачкин (усмехается). А ведь вообразите, что, еще как был мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдет без того, чтобы не ударить пальцем под подбородок и не сказать: «Плутушка, как хорош!»

Марья Александровна (в сторону). Прошу покорно! Ведь вот насчет красоты тоже — ведь моська совершенная, а воображает, что хорош. (Вслух). Ну, так послушайте же, Андрей Кондратьевич, с вашей наружностью можно это сделать. Мой сын влюблен до дурачества и воображает, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли как-нибудь, знаете, представить ее не в том виде, как-нибудь эдак, что называется, немножко замарать. Если вы, положим, не произведете на нее действия и она не сойдет с ума от вас...

Собачкин. Марья Александровна, сойдет! не спорьте, сойдет! Я голову дам отрубить, если не сойдет. Я вам скажу, Марья Алексан-

дровна, со мной не такие бывали истории...
Вот еще на днях...

Марья Александровна. Ну, как бы то ни было, сойдет или не сойдет, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы с нею в связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкин. До вашего сына?

Марья Александровна. Да, до моего сына.

Собачкин. Да.

Марья Александровна. Что — да?

Собачкин. Ничего, я так сказал да.

Марья Александровна. Разве вы находите, что это для вас трудно?

Собачкин. О, нет, ничего. Но все эти влюбленные... вы не поверите, какие у них несообразности, неуместные ребячества разные: то пистолеты, то... чорт знает что такое... Конечно, я не то, чтобы этим как-нибудь... но знаете, неприлично в хорошем обществе.

Марья Александровна. О! насчет этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до того.

Собачкин. Впрочем, я так только заметил. Поверьте, Марья Александровна, я для вас, если бы пришлось точно порисковать где жиз-

ню, то с удовольствием, ей богу, с удовольствием... Я так вас люблю, что, признаться сказать, даже совестно, вы подумать можете бог знает что, а это именно одно только глубочайшее уважение. Ах, вот хорошо, что вспомнил! Я попрошу у вас, Марья Александровна, занять мне на самое короткое время тысячки две. Чорт его знает, какая дурацкая память! Одеваясь, всё думал, как бы не позабыть книжку, нарочно положил на стол перед глазами. Что прикажете, всё взял, табакерку взял, платок даже лишний взял, а книжка осталась на столе.

Марья Александровна (в сторону). Что с ним делать? Дашь — замотает, а не дашь — распустит по городу такую чепуху, что мне никуда нельзя будет носа показать. И мне нравится, что еще говорит: позабыл книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего делать, нужно дать. (Вслух). Извольте, Андрей Кондратьевич; обождите только здесь, я вам их сейчас принесу.

Собачкин. Очень хорошо, я посижу здесь.

Марья Александровна (уходя, в сторону). Без денег ничего, мерзавец, не может сделать.

Собачкин (один). Да, эти две тысячи теперь мне и очень пригодятся. Долгов-то я отдавать не буду: и сапожник подождет, и портной подождет, и Анна Ивановна тоже подождет; конечно, раскричится, ну да что ж делать? нельзя же деньги сорить на всё, с нее довольно и любви моей, а платье, она врет, у нее есть. А я сделаю вот как: скоро будет гулянье; колясочка моя хоть и новая, ну да ее всякий уж видел и знает, а есть, говорят, у Иохима, только еще что вышла, последней моды, еще он даже никому не показывает. Если прибавлю эти две тысячи к моей коляске, так я могу ее и весьма выменять. Так я, знаете, какого задам тогда эффекту! Может быть, на всем гуляньи всего и будет только одна или две такие коляски. Так обо мне везде заговорят. А между тем нужно подумать об поручении Марьи Александровны. Мне кажется, благоразумнее всего начать с любовных писем. Написать письмо от имени этой девушки, да и выронить как-нибудь нечаянно при нём или позабыть на столе в его комнате. Конечно, может выйти как-нибудь плохо. Да, впрочем, что ж? надает ведь только тузанов. Тузаны, конечно,

больно, да всё же ведь не до такой степени, чтобы... Да ведь я могу и удрать, и если что, в спальню Марьи Александровны и прямо под кровать, и пусть-ка он оттуда меня вытащит! Но, главное, как написать письмо? Смерть не люблю писать, то есть, просто, хоть зарежь. Чорт его знает, так, кажется, на словах всё бы славно изъяснил, а примешься за перо — просто, как будто бы кто-нибудь оплеуху дал, конфузия, конфузия, не подымается рука, да и полно. Разве вот что? у меня есть кое-какие письма, еще недавно ко мне писанные; выбрать, которое лучше, подскоблить фамилию, а на место ее написать другую. Что ж, чем же это не хорошо? право! Пошарить в кармане, может быть, тут же посчастливится найти именно такое, как нужно. (Вынимает из кармана пучок писем). Ну, хоть бы это, например (читает): «Я очинь слава богу здорова но за немогаю от боле. Али вы душенька совсем позабыли. Иван Данилович видел вас душиньку в тиатере и то пришли бы успокоили веселостями разговора». Чорт возьми! кажется, правописанья нет. Нет, этим, я думаю, не надуешь. (Продолжает). «Я для вас душинь-

ка вышила подвязку». Ну, и разносилась с нежностями! Что-то буколического много, Шатобрианом пахнет. А вот, может быть, не будет ли здесь чего-нибудь? (Развертывает другое и прищуривает глаз, стараясь разоб- рать). «Любезный друг!» Нет, это, однако ж, не любезный друг; что же однако ж? «Неж- нейший, дражайший?» Нет, и не дражайший, нет, нет. (Читает): «Ме, ме, е... рзавец». Хм! (Сжимает губы). «Если ты, коварный обо- льститель моей невинности, не отдашь за- долженные мною на мелочную лавочку день- ги, которые я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа (последнее слово читает почти сквозь зубы)... то я тебя в полицию». Чорт знает что! Вот уж просто чорт знает что! Вот уж именно ничего нет в этом письме. Ко- нечно, обо всем можно сказать, но можно ска- зать благопристойно, выраженьями такими, которые бы не оскорбляли человека. Нет, нет, все эти письма, я вижу, как-то не то... совсем не годятся. Нужно поискать чего-нибудь силь- ного, где виден кипяток, кипяток, что называ- ют. А вот, вот, посмотрим это. (Читает): «Же- стокий тиран души моей!» А, это что-то хоро-

шее, однако ж. «Тронься сердечной моей участью!» И преблагородно! ей богу, преблагородно! Ведь вот видно воспитанье! Уж по началу видно, кто как себя поведет. Вот как нужно писать! Чувствительно, а между тем и человек не оскорблен. Вот это письмо я ему и подсуну. Далее уж и читать не нужно; только не знаю, как бы выскоблить так, чтобы не было заметно. (Смотрит на подпись). Э, э! вот хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! Это и подписать. Каково обделалось дельце само собою! А ведь говорят, наружность вздор: ну не будь смазлив, не влюбились бы в тебя, а не влюбившись, не написали бы писем, а не имея писем, не знал бы как взяться за это дело. (Подходя к зеркалу). Еще сегодня как-то опустил, а то ведь иной раз точно даже что-то значительное в лице. Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсем был похож на Багратиона. Вот не знаю, как запустить бакенбарды: так ли, чтобы решительно вокруг было бахромкой, как говорят — сукном обшит, или выбрить всё голем, а под губой завести что-нибудь, а?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ

Сени театра. С одной стороны видны лестницы, ведущие в ложи и галереи, посредине вход в кресла и амфитеатр; с другой стороны выход. Слышен отдаленный гул рукоплесканий

Автор пьесы [Само собою разумеется, что автор пьесы лицо идеальное. В нем изображено положение комика в обществе, комика, избравшего предметом, осмеяние злоупотреблений в кругу различных сословий и должностей.] (выходя).

Я вырвался, как из омуты! Вот наконец и крики и рукоплесканья! Весь театр гремит!.. Вот и слава! Боже, как бы забилося назад тому лет семь, восемь мое сердце, как бы вострепнулось всё во мне! Но то было давно. Я был тогда молод, дерзкомыслен, как юноша. Благ промысл, не давший вкусить мне ранних восторгов и хвал! Теперь... Но разумный холод лет умудрит хоть кого. Узнаешь наконец, что

рукоплесканья еще не много значат и готовы служить всему наградой: актер ли постигнет всю тайну души и сердца человека, танцор ли добьется умения выводить вензеля ногами, фокусник ли — всем им гремит рукоплесканье! Голова ли думает, сердце ли чувствует, звучит ли глубина души, работают ли ноги, или руки перевертывают стаканы — всё покрывается равными плесками. Нет, не рукоплесканий я бы теперь желал: я бы желал теперь вдруг переселиться в ложи, в галереи, в кресла, в раёк, проникнуть всюду, услышать всех мненья и впечатленья, пока они еще девственны и свежи, пока еще не покорились толкам и суждениям знатоков и журналистов, пока каждый под влиянием своего собственного суда. Мне это нужно: я комик. Все другие произведения и роды подлежат суду немногих, один комик подлежит суду всех; над ним всякий зритель имеет уже право, всякого званья человек уже становится судьей его. О, как бы хотел я, чтобы каждый указал мне мои недостатки и пороки! Пусть даже посмеется надо мной, пусть недоброжелательство правит устами его, пристрастье,

негодование, ненависть — всё, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не может без причины произвестись слово, и везде может зарониться искра правды. Тот, кто решился указать смешные стороны другим, тот должен разумно принять указания слабых и смешных собственных сторон. Попробую, останусь здесь в сенях во всё время разъезда. Нельзя, чтобы не было толков о новой пиесе. Человек под влиянием первого впечатления всегда жив и спешит им поделиться с другим. (Отходит в сторону. Показывается несколько прилично одетых людей; один говорит, обращаясь к другому:) Выйдем лучше теперь. Играть! будет незначительный водевиль. (Оба уходят).

Два *comme il faut* плотного свойства, сходят с лестницы.

Первый *comme il faut*. Хорошо, если бы полиция не далеко отогнала мою карету. Как зовут эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй *comme il faut*. Нет, а очень недурна.

Первый *comme il faut*. Да, недурна; но всё чего-то еще нет. Да, рекомендую: новый репертуар: вчера нам подал свежий зеленый го-

рох (целует концы пальцев) — прелесть! (Уходят оба).

Бежит офицер, другой удерживает его за руку.

Первый офицер. Да останемся!

Другой офицер. Нет, брат, на водевиль и калачом не заманишь. Знаем мы эти пиесы, которые даются на закуску: лакеи вместо актеров, а женщины — урод на уроде. (Уходят).

Светский человек, щеголевато одетый (сходя с лестницы). Плут портной, претесно сделал мне панталоны, всё время было страх неловко сидеть. За это я намерен еще проволочить его, и годика два не заплачу долгов. (Уходит).

Тоже светский человек, поплотнее (говорит с живостью другому). Никогда, никогда, поверь мне, он с тобою не сядет играть. Меньше как по полтора ста рублей роберт он не играет. Я знаю это хорошо, потому что шуриномой, Пафнутьев, всякий день с ним играет.

Автор пиесы (про себя). И всё еще никто ни слова о комедии!

Чиновник средних лет (выходя с растопыренными руками). Это, просто, чорт знает что

такое! Этакое... этакое... Это ни на что не похоже. (Ушел).

Господин, несколько беззаботный насчет литературы (обращаясь к другому). Ведь это, однако ж, кажется, перевод?

Другой. Помилуйте, что за перевод! Действие происходит в России, наши обычаи и чины даже.

Господин, беззаботный насчет литературы. Я помню, однако ж, было что-то на французском, не совсем в этом роде. (Оба уходят).

Один из двух зрителей (тоже выходящих вон). Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажут в журналах, тогда и узнаешь.

Две бекешы (одна другой). Ну, как вы? Я бы желал знать ваше мнение о комедии.

Другая бекеша (делая значительные движения губами). Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... в своем роде... Ну, конечно, кто ж против этого и стоит, чтобы опять не было и... где ж, так сказать... а впрочем... (утвердительно сжимая губами) Да, да. (Уходят).

Автор (про себя). Ну, эти пока еще немного сказали. Толки, однако же, будут: я вижу впе-

реди горячо размахивают руками.

Два офицера.

Первый. Я еще никогда так не смеялся.

Второй. Я полагаю: отличная комедия.

Первый. Ну, нет, посмотрим еще, что скажут в журналах, нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! (Толкает его под руку).

Второй. Что?

Первый (указывая пальцем на одного из двух идущих с лестницы). Литератор!

Второй (торопливо). Который?

Первый. Вот этот! чш! слушаем, что будут говорить.

Второй. А другой кто с ним?

Первый. Не знаю; неизвестно какой человек. (Оба офицера посторониваются и дают им место).

Неизвестно какой человек. Я не могу судить, относительно литературного достоинства; но мне кажется, есть остроумные заметки. Остро, остро.

Литератор. Помилуйте, что ж тут остроумного? Что за низкий народ выведен, что за тон? Шутки самые плоские; просто, даже

сально!

Неизвестно какой человек. А, это другое дело. Я и говорю: в отношении литературного достоинства я не могу судить; я только заметил, что пьеса смешна, доставила удовольствие.

Литератор. Да и не смешна. Помилуйте, что ж тут смешного и в чем удовольствие? Сюжет невероятнейший. Всё несообразности; ни завязки, ни действия, ни соображения никакого.

Неизвестно какой человек. Ну, да против этого я и не говорю ничего. В литературном отношении так, в литературном отношении она не смешна: но в отношении, так сказать, со стороны в ней есть...

Литератор. Да что же есть? Помилуйте, и этого даже нет! Ну что за разговорный язык? Кто говорит эдак в высшем обществе? Ну скажите сами, ну говорим ли мы с вами эдак?

Неизвестно какой человек. Это правда; это вы очень тонко заметили. Именно, я вот сам про это думал: в разговоре благородства нет. Все лица, кажется, как будто не могут скрыть низкой природы своей — это правда.

Литератор. Ну, а вы еще хвалите!

Неизвестно какой человек. Кто ж хвалит? Я не хвалю. Я сам теперь вижу, что пиеса — вздор. Но ведь вдруг нельзя же этого узнать; я не могу судить в литературном отношении. (Оба уходят).

Еще литератор (входит в сопровождении слушателей, которым говорит, размахивая руками). Поверьте мне, я знаю это дело: отвратительная пиеса! грязная, грязная пиеса! Нет ни одного лица истинного, всё карикатуры! В натуре нет этого; поверьте мне, нет, я лучше это знаю: я сам литератор. Говорят: живость, наблюдение... да ведь это всё вздор, это всё приятели, приятели хвалят, всё приятели! Я уже слышал, что его чуть не в Фонвизины суют, а пиеса просто недостойна даже быть названа комедиею. Фарс, фарс, да и фарс самый неудачный. Последняя, пустейшая комедийка Коцебу в сравнении с нею Монблан перед Пулковскою горою. Я это им всем докажу, докажу математически, как дважды два. Просто друзья и приятели захвалили его не в меру, так вот он уж теперь, чай, думает о себе, что он чуть-чуть не Шекспир. У нас всегда прия-

тели захвалят. Вот, например, и Пушкин. Отчего вся Россия теперь говорит о нем? Все приятели кричали, кричали, а потом вслед за ними и вся Россия стала кричать. (Уходят вместе с слушателями).

Оба офицера подаются вперед и занимают их места.

Первый. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарс; я это и прежде говорил, глупый фарс, поддержанный приятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотреть.

Второй. Да ведь ты ж говорил, что еще никогда так не смеялся?

Первый. А это опять другое дело. Ты не понимаешь, тебе нужно растолковать. Тут что в этой пиесе? Во-первых, завязки никакой, действия тоже нет, соображенья решительно никакого, всё невероятности и при том всё карикатуры.

Двое другие офицеров позади.

Один (другому). Кто это рассуждает? Кажется, из ваших?

Другой, заглянув сбоку в лицо рассуждавшего, махнул рукой.

Первый. Что, глуп?

Другой. Нет, не то чтобы... У него есть ум, но сейчас по выходе журнала, а запоздала выходом книжка — и в голове ничего. Но, однако ж, пойдем. (Уходят).

Два любителя искусств.

Первый. Я вовсе не из числа тех, которые прибегают только к словам: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дело, что такие слова большею частью исходят из уст тех, которые сами очень сомнительного тона, толкуют о гостиных, и допускаются только в передние. Но не об них речь. Я говорю на счет того, что в пиесе точно нет завязки.

Второй. Да, если принимать завязку в том смысле, как её обыкновенно принимают, то есть в смысле любовной интриги, так её точно нет. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сих пор на эту вечную завязку. Стоит взглядеться пристально вокруг. Всё изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебрежение, за насмешку.

Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?

Первый. Всё это хорошо; но и в этом отношении всё-таки я не вижу в пьесе завязки.

Второй. Я не буду теперь утверждать, есть ли в пьесе завязка или нет. Я скажу только, что вообще ищут частной завязки и не хотят видеть общей. Люди простодушно привыкли уж к этим беспрестанным любовникам, без женитьбы которых никак не может окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? — точный узелок на углице платка. Нет, комедия должна вязаться само собою, всей своей массою, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнует, более или менее, всех действующих. Тут всякий герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело.

Первый. Но все же не могут быть героями; один или два должны управлять другими?

Второй. Совсем не управлять, а разве пре-

обладать. И в машине одни колеса заметней и сильней движутся; их можно только называть главными; но правит пиесою идея, мысль. Без нее нет в ней единства. А завязать может всё: самый ужас, страх ожидания, гроза идущего вдали закона...

Первый. Но это выходит уж придавать комедии какое-то значение более всеобщее.

Второй. Да разве не есть это ее прямое и настоящее значение? В самом начале комедия была общественным, народным созданием. По крайней мере, такую показал ее отец ее, Аристофан. После уже она вошла в узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ход, одну и ту же непременную завязку. Зато как слаба эта завязка у самых лучших комиков, как ничтожны эти театральные любовники с их картонной любовью!

Третий (подходя и ударив слегка его по плечу). Ты не прав: любовь так же, как и другие чувства, может тоже войти в комедию.

Второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только и любовь и все другие чувства, более возвышенные, тогда только произведут высокое впечатление, когда будут

развиты во всей глубине. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всем прочим. Всё то, что составляет именно сторону комедии, тогда уже побледнеет, и значение комедии общественной непременно исчезнет.

Третий. Стало быть, предметом комедии должно быть непременно низкое? Комедия выйдет уже низкий род.

Второй. Для того, кто будет глядеть на слова, а не вникать в смысл, это так. Но разве положительное и отрицательное не может послужить той же цели? Разве комедия и трагедия не могут выразить ту же высокую мысль? Разве все, до малейшей, излучины души подлого и бесчестного человека не рисуют уже образ честного человека? Разве всё это накопление низостей, отступлений от законов и справедливости, не дает уже ясно знать, чего требуют от нас закон, долг и справедливость? В руках искусного врача и холодная и горячая вода лечит с равным успехом одни и те же болезни. В руках таланта всё может служить орудием к прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый (подходя). Что может послужить прекрасному? и о чем у вас толки?

Первый. Спор завязался у нас о комедии. Мы все говорим о комедии вообще, а никто еще не сказал ничего о новой комедии. Что вы скажете?

Четвертый. А вот что скажу: виден талант, наблюдение жизни, много смешного, верного, взятого с натуры; но вообще во всей пиесе чего-то нет. Как-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правительства. Без него у нас не развяжется ни одна комедия.

Третий. Это правда. А впрочем, с другой стороны, это очень естественно. Мы все принадлежим правительству, все почти служим; интересы всех нас более или менее соединены с правительством. Стало быть, не мудрено, что это отражается в созданных наших писателей.

Четвертый. Так. Ну и пусть эта связь будет слышна. Но смешно то, что пиеса никак не может кончиться без правительства. Оно непременно явится, точно неизбежный рок в трагедиях у древних.

Второй. Ну, видите: стало быть, это уже что-то невольное у наших комиков. Стало быть, это уже составляет какой-то отличительный характер нашей комедии. В груди нашей заключена какая-то тайная вера в правительство. Что ж? тут нет ничего дурного: дай бог, чтобы правительство всегда и везде слышало призвание свое — быть представителем провиденья на земле, и чтобы мы веровали в него, как древние веровали в рок, настигавший преступления.

Пятый. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово «правительство». Комедия возбудила крики и толки...

Второй. Поговоримте лучше об этих толках и криках у меня, чем здесь, в театральных сеньях. (Уходят).

Несколько почтенных и прилично одетых людей появляются один за другим.

№ 1. Так, так, я вижу: это верно, что есть у нас и случается в иных местах и похуже; но для какой цели, к чему выводить это? — вот вопрос. Зачем эти представления? какая польза от них? вот что разрешите мне! Что мне нужды знать, что в таком-то месте есть

плуты? Я просто... я не понимаю надобности подобных представлений. (Уходит).

№ 2. Нет, это не осмеяние пороков; это отвратительная насмешка над Россией — вот что. Это значит выставить в дурном виде самое правительство, потому что выставят дурных чиновников и злоупотребления, которые бывают в разных сословиях, значит выставить самое правительство. Просто, даже не следует допускать таких представлений. (Уходит).

Входят господин А. и господин Б., люди немаловажных чинов.

Господин А. Я не на счет этого говорю; напротив, злоупотребленья нам нужно показывать, нужно, чтобы мы видели свои проступки; и я ничуть не разделяю мнений многих чересчур разгорячившихся патриотов; но только мне кажется, что не слишком ли много здесь чего-то печального...

Господин Б. Я бы очень хотел, чтобы вы услышали замечание одного очень скромно одетого человека, который сидел возле меня в креслах... Ах, вот он сам!

Господин А. Кто?

Господин Б. Именно этот очень скромно одетый человек. (Обращаясь к нему). Мы с вами не кончили разговора, которого начало было так для меня интересно.

Очень скромно одетый человек. А я, признаюсь, очень рад продолжать его. Сейчас только я слышал толки, именно: что это всё неправда, что это насмешка над правительством, над нашими обычаями, и что этого не следует вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пьесу, и признаюсь, выражение комедии показалось мне теперь еще даже значительней. В ней, как мне кажется, сильнее и глубже всего поражено смехом лицемерие, благопристойная маска, под которую является низость и подлость, плут, корчащий рожу благонамеренного человека. Признаюсь, я чувствовал радость, видя, как смешны благонамеренные слова в устах плута и как уморительно смешна стала всем, от кресел до райка, надетая им маска. И после этого есть люди, которые говорят, что не нужно выводить этого на сцену! Я слышал одно замечание, сделанное, как мне показалось, впрочем, довольно порядочным

человеком: «А что скажет народ, когда увидит, что у нас бывают вот какие злоупотребления?»»

Господин А. Признаюсь, вы извините меня, но мне самому тоже невольно представился вопрос: а что скажет народ наш, глядя на всё это?

Очень скромно одетый человек. Что скажет народ? (Посторонивается, проходят двое в армяках).

Синий армяк (серому). Небось, прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа! (Оба выходят вон).

Очень скромно одетый человек. Вот что скажет народ, вы слышали?

Господин А. Что?

Очень скромно одетый человек. Скажет: «Небось, прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, как верен естественному чутью и чувству человек? Как верен самый простой глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг, а черплет их из самой природы человека! Да разве это не очевидно ясно, что после такого представления

народ получит более веры в правительство? Да, для него нужны такие представления. Пусть он отделит правительство от дурных исполнителей правительства. Пусть видит он, что злоупотребления происходят не от правительства, а от не понимающих требований правительства, от не желающих ответствовать правительству. Пусть он видит, что благородно правительство, что бдит равно над всеми его недремлющее око, что рано или поздно настигнет оно изменивших закону, чести и святому долгу человека, что поблещут пред ним имеющие нечистую совесть. Да, эти представления ему должно видеть: поверьте, что если и случится ему испытать на себе прижимки и несправедливости, он выйдет утешенный после такого представления, с твердой верой в недремлющий, высший закон. Мне нравится тоже еще замечание: «народ получит дурное мнение о своих начальниках». То есть, они воображают, что народ только здесь, в первый раз в театре, увидит своих начальников; что если дома какой-нибудь плут-староста сожмет его в лапу, так этого он никак не увидит, а вот как пойдет в те-

атр, так тогда и увидит. Они, право, народ наш считают глупее бревна, — глупым до такой степени, что будто уже он не в силах отличить, который пирог с мясом, а который с кашей. Нет, теперь мне кажется, даже хорошо то, что не выведен на сцену честный человек. Самолюбив человек: выстави ему при множестве дурных сторон одну хорошую, он уже гордо выйдет из театра. Нет, хорошо, что выставлены одни только исключения и пороки, которые колют теперь до того глаза, что не хотят быть их соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это может быть.

Господин А. Но неужели, однако ж, существуют у нас точь-в-точь такие люди?

Очень скромно одетый человек. Позвольте мне сказать вам на это вот что: я не знаю, почему мне всякий раз становится грустно, когда я слышу подобный вопрос. Я могу с вами говорить откровенно: в чертах лиц ваших я вижу что-то такое, что располагает меня к откровенности. Человек прежде всего делает запрос: «Неужели существуют такие люди?» Но когда было видено, чтобы человек сделал такой вопрос: «Неужели я сам чист вовсе от та-

ких пороков?» Никогда, никогда! Да вот что, — я буду с вами говорить прямодушно. У меня доброе сердце, любви много в моей груди, но если бы вы знали, каких душевных усилий и потрясений мне было нужно, чтобы не впасть во многие порочные наклонности, в которые впадаешь невольно, живя с людьми! И как я могу сказать теперь, что во мне нет сию же минуту тех самых наклонностей, которым только что посмеялись назад тому десять минут все, и над которыми и я сам посмеялся.

Господин А. (после некоторого молчания). Признаюсь, над словами вашими призадумался. И когда я вспомню, представлю себе, как гордыми сделало нас европейское наше воспитание, вообще как скрыло нас от самих себя, как свысока и с каким презрением глядим мы на тех, которые не получили подобной нам наружной полировки, как всякий из нас ставит себя чуть не святым, а о дурном говорит вечно в третьем лице, — то, признаюсь, невольно становится грустно душе... Но, простите мою нескромность, вы, впрочем, виноваты в ней сами; позвольте узнать: с кем я

имею удовольствие говорить?

Очень скромно одетый человек. А я ни более, ни менее, как один из тех чиновников, в должности которых выведены были лица комедии, и третьего дня только приехал из своего городка.

Господин Б. Я бы этого не мог думать. И неужели вам не кажется после этого обидно жить и служить с такими людьми?

Очень скромно одетый человек. Обидно? А вот что я вам скажу на это: признаюсь, мне приходилось часто терять терпенье. В городке нашем не все чиновники из честного десятка; часто приходится лезть на стену, чтобы сделать какое-нибудь доброе дело. Уже несколько раз хотел было я бросить службу; но теперь, именно после этого представления, я чувствую свежесть и, вместе с тем, новую силу продолжать свое поприще. Я утешен уже мыслью, что подлость у нас не остается скрытою или потворствуемой, что там, в виду всех благородных людей, она поражена осмеянием, что есть перо, которое не укусит обнаружить низкие наши движения, хотя это и не льстит национальной нашей гордости, и

что есть благородное правительство, которое дозволит показать это всем, кому следует, в очи, и уж это одно дает мне рвение продолжать мою полезную службу.

Господин А. Позвольте сделать вам одно предложение. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мне нужны истинно благородные и честные помощники. Я вам предлагаю место, где вам будет обширное поле действия, где вы получите несравненно более выгод и будете на виду.

Очень скромно одетый человек. Позвольте мне от всей души и от всего сердца поблагодарить вас за такое предложение и, вместе с тем, позвольте отказаться от него. Если я уже чувствую, что полезен своему месту, то благородно ли с моей стороны его бросить? И как я могу оставить его, не будучи уверен твердо, что после меня не сядет какой-нибудь молодец, который начнет делать прижимки. Если же это предложение сделано вами в виде награды, то позвольте сказать вам: я аплодировал автору пиесы наравне с другими, но я не вызывал его. Какая ему награда? Пиеса поправилась — хвали ее, а он — он только вы-

полнил долг свой. У нас, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь продвига, но просто, если только иной не нагадит никому в жизни и на службе, то уже считает себя бог весть каким добродетельным человеком; сердится сурьезно, если не замечают и не награждают его. «Помилуйте», говорит: «я целый век честно жил, совсем почти не делал подлостей, — как же мне не дают ни чина, ни ордена?» Нет, по мне, кто не в силах быть благородным без поощрения — не верю я его благородству, не стуйт гроша его мышинное благородство.

Господин А. По крайней мере, вы мне не откажете в вашем знакомстве. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть следствие моего искреннего уважения. Дайте мне ваш адрес.

Очень скромно одетый человек. Вот вам мой адрес: но будьте уверены, что я не допущу вас им воспользоваться, и завтра же поутру явлюсь к вам. Извините меня, я не воспитан в большом свете и не умею говорить... Но встретить такое великодушное внимание в государственном человеке, такое стремление

к добру... дай бог, чтобы всякий государь был окружен такими людьми! (Поспешно уходит).

Господин А. (переворачивая в руках карточку). Я смотрю на эту карточку и на эту неизвестную мне фамилию, и как-то полно становится на душе моей. Это вначале грустное впечатление рассеялось само собою. Да хранит тебя бог, наша малознаемая нами Россия! В глуши, в забытом углу твоём, скрывается подобный перл, и, вероятно, он не один. Они, как искры золотой руды, рассыпаны среди грубых и темных ее гранитов. Есть глубоко утешительное чувство в сем явлении, и душа моя осветилась после встречи с этим чиновником, как осветилась его собственная после представления комедии.

Прощайте! Благодарю вас, что вы доставили мне эту встречу. (Уходит).

Господин В. (подходя к господину Б.) Кто это был с вами? кажется, он министр, а?

Господин П. (подходя с другой стороны). Помилуй братец, ну что это такое, как же это в самом деле?..

Господин Б. Что?

Господин П. Ну да как же выводить это?

Господин Б. Почему же нет?

Господин П. Ну, да сам посуди ты: ну так же, право? Всё пороки да пороки; ну какой пример подаёт это зрителям?

Господин Б. Да разве пороки хвалятся? Ведь они же выведены на осмеяние.

Господин П. Ну, да всё, брат, как ни говори: уваженье... ведь чрез это теряется уваженье к чиновникам и должностям.

Господин Б. Уважение не теряется ни к чиновникам, ни к должностям, а к тем, которые скверно исполняют свои должности.

Господин В. Но позвольте, однако же, заметить: всё это некоторым образом есть уже оскорбление, которое более или менее распространяется на всех.

Господин П. Именно. Вот это я сам хотел ему заметить. Это именно оскорбление, которое распространяется. Теперь, например, выведут какого-нибудь титулярного советника, а потом... э... пожалуй выведут... и действительного статского советника...

Господин Б. Ну так что ж? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумал собственное лицо и придал ему кое-ка-

кие пороки, какие случаются между нами, и дал ему чин, какой мне вздумалось, хоть бы даже и действительного статского советника, и сказал бы, что этот действительный статский советник не таков, как следует: что ж тут такого? Разве не попадает гусь и между действительными статскими советниками?

Господин П. Ну уж, брат, это слишком. Как же может быть гусь действительный статский советник? Ну, пусть еще титулярный... Ну, ты уж слишком.

Господин В. Чем выставлять дурное, зачем же не выставить хорошее, достойное подражания?

Господин Б. Зачем? странный вопрос: зачем? Много можно сделать таких «зачем». Зачем один отец, желая исторгнуть своего сына из беспорядочной жизни, не тратил слов и наставлений, а привел его в лазарет, где предстали пред ним во всём ужасе страшные следы беспорядочной жизни? Зачем он это сделал?

Господин В. Но позвольте вам заметить: это уже некоторым образом наши общественные раны, которые нужно скрывать, а не по-

казывать.

Господин П. Это правда. Я с этим совершенно согласен. У нас дурное нужно скрывать, а не показывать.

Господин Б. Если бы слова эти были сказаны кем другим, а не вами, я бы сказал, что ими водило лицемерие, а не истинная любовь к отечеству. По-вашему, нужно бы только закрыть, залечить как-нибудь снаружи эти, как вы называете, общественные раны, лишь бы только покамест они не были видны, а внутри пусть свирепствует болезнь — до того нет нужды. Нет нужды, что она может взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лечение поздно. До того нет нужды. Вы не хотите знать того, что без глубокой сердечной исповеди, без христианского сознания грехов своих, без преувеличения их в собственных глазах наших, не в силах мы возвыситься над ними, не в силах взлететь душой выше презренного в жизни. Вы не хотите знать этого. Пусть глух остается человек, пусть сонно проходит жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачет в глубине сердца, пусть низведет до

такого усыпленья свою душу, чтобы уже ничто не произвело в ней потрясения! Нет... простите меня. Холодный эгоизм движет устами, произносящими такие речи, а не святая, чистая любовь к человечеству. (Уходит.).

Господин П. (после некоторого молчания). Что ж ты молчишь? Каков? Чего не наговорил, а? Господин В. (молчит).

Господин П. (продолжая). Он может себе говорить, что ему угодно, а ведь это всё-таки наши, так сказать, раны.

Господин В. (в сторону). Ну, попались ему на язык эти раны! Будет он толковать о них и встречному и поперечному!

Господин П. Этак, пожалуй, и я могу наскать кучу всего, да ведь что ж из этого?.. А вот князь N. Послушай, князь, не уходи!

Князь N. А что?

Господин П. Ну, потолкуем, остановись! Ну что, как пьеса?

Князь N. Да смешна.

Господин П. Но, однако ж, скажи: как это представлять? — на что это похоже...

Князь N. Почему ж не представлять?

Господин П. Ну, да посуди сам, ну, да как

же этот вдруг на сцене плут? ведь это всё наши раны.

Князь N. Какие раны?

Господин П. Да это наши раны, наши, так сказать общественные раны.

Князь N. (с досадою). Возьми их себе. Пусть они будут твои, а не мои раны! Что ты мне их тычешь, мне пора домой. (Уходит).

Господин П. (продолжая). И потом опять, что за чепуху он наговорил здесь? Говорит, действительный статский советник может быть гусь. Ну еще пусть титулярный, это можно, допустить...

Господин В. Однако ж, пойдем, полно толковать; я думаю, что все проходящие узнали уже, что ты действительный статский советник. (В сторону). Есть люди, которые имеют искусство всё охаять. Твою же мысль, повторивши, они умеют сделать её так пошлою, что сам краснеешь. Скажешь глупость; она бы, может, так и проскользнула незамеченной, — нет, отыщется поклонник и приятель, который непременно пустит её в ход и сделает еще глупее, чем она есть. Даже досадно — право, точно в грязь посадил. (Уходят).

Военный и статский выходят вместе.

Статский. Ведь вот вы какие, господа военные! Вы говорите, это нужно выводить на сцену; вы готовы вдоволь посмеяться над каким-нибудь статским чиновником, а затронь как-нибудь военных, скажи только, что есть в таком-то полку офицеры, не говоря уже о порочных наклонностях, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, с неприличными ухватками, — да вы из-за одного этого готовы с жалобой полезть в самый государственный совет.

Военный. Ну, послушайте: за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такие Донкишоты; но поверьте также, что есть много истинно-рассудительных людей, которые будут рады всегда, если будет выведен на всеобщее осмеяние порочащий свое званье. Да и в чем здесь обида? Подавайте, подавайте нам его! Мы всякий день готовы смотреть.

Статский (в сторону). Этак всегда кричит человек: подавайте! подавайте! а подашь — так и рассердится. (Уходят).

Две бекешы.

Первая бекеша. У французов тоже, напри-

мер; но у них всё это очень мило. Ну, вот, помнишь, во вчерашнем водевиле: раздевается, ложится в постель, схватывает со стола салатник и ставит его под кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На всё это можно смотреть, это не оскорбляет... У меня жена и дети всякий день в театре. А здесь, ну что это, право? какой-нибудь мерзавец, мужик, которого бы я в переднюю не пустил, развалился с сапогами, зеваает или ковыряет в зубах, ну, что это право? на что это похоже?

Другая бекеша. У французов другое дело. Там *sociйтй, mon cher!* У нас это невозможно. У нас ведь сочинители совершенно без всякого образования: всё это большею частью воспитывалось в семинарии. Он и к вину наклонен, он и потаскун. К моему лакею тоже ходил в гости один какой-то сочинитель: где же ему иметь понятие о хорошем обществе? (Уходят).

Светская дама (в сопровождении двух мужчин: одного во фраке, другого в мундире). Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы один привлек... Ну, отчего не пишут у нас так, как французы пишут, например, как Дю-

ма и другие? Я ни требую образцов добродетели; выведите мне женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже изменила мужу, предалась, положим, самой порочной и непозволенной любви, но представьте это увлекательно, так, чтобы я побуждена была к ней участием, чтобы я полюбила её... А ведь здесь все лица — один отвратительней другого.

Мужчина в мундире. Да, тривиально, тривиально.

Светская дама. Скажите: отчего у нас, в России, всё еще так тривиально?

Мужчина во фраке. Душа моя, после расскажешь, отчего тривиально: кричат нашу карету. (Уходят).

Выходят трое мужчин вместе.

Первый. Почему ж не посмеяться, смеяться можно; но что за предмет для насмешки: злоупотребления и пороки? Какая здесь насмешка!

Второй. Так над чем же смеяться? Разве над добродетелями, над достоинствами человека?

Первый. Нет, да это не предмет для коме-

дии, мой милый. Это уже некоторым образом касается правительства. Как будто нет других предметов, о чем можно писать?

Второй. Какие же другие предметы?

Первый. Ну, да мало ли есть всяких смешных светских случаев. Ну, положим, например, я отправился на гулянье на Аптекарский остров, а кучер меня вдруг завез там на Выборгскую, или к Смольному монастырю. Мало ли есть всяких смешных сцеплений?

Второй. То есть, вы хотите отнять у комедии всякое сурьезное значение. Но зачем же издавать непременный закон? Комедий в том именно вкусе, в каком вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существования двух, трех таких, какова была игранная теперь? Если же вам нравятся те, о которых вы говорите, поезжайте только в театр: там всякий день вы увидите пиесу, где один спрятался под стул, а другой вытащил его оттуда за ногу.

Третий. Ну, нет, послушайте: это не то. Все-му есть свои границы. Есть вещи, над которыми, так сказать, не следует смеяться, которые в некотором роде уже святыня.

Второй (про себя с горькой усмешкой). Так всегда на свете: посмейся над истинно-благородным, над тем, что составляет высокую святую душу, никто не станет заступником. Посмейся же над порочным, подлым и низким, все закричат: он смеется над святыней!

Первый. Ну, вот видите ли, вы, я вижу, теперь убеждены, — не говорите ни слова. Поверьте, нельзя не быть убежденным, это истина. Я сам человек беспристрастный и говорю не то, чтобы... но просто, это не авторское дело, это не предмет для комедии. (Уходят).

Второй (про себя). Признаюсь, я бы ни за что не захотел быть на месте автора. Прошу угодить! Избери маловажные светские случаи, все будут говорить: он пишет вздор, никакой нет глубокой нравственной цели; избери предмет, сколько-нибудь имеющий серьезную нравственную цель, будут говорить: не его дело, пиши пустяки! (Уходит).

Молодая дама большого света в сопровождении мужа.

Муж. Карета наша не должна быть далеко, мы можем скоро уехать.

Господин N. (подходя к даме). Что вижу! Вы

приехали смотреть русскую пиесу!

Молодая дама. Что ж тут такого? Разве я уже ничуть не патриотка?

Господин N. Ну, если так, то вы не очень насытили патриотизм свой. Вы, верно, браните пиесу.

Молодая дама. Совсем нет. Я нахожу, что многое очень верно: я смеялась от души.

Господин N. Отчего ж вы смеялись? Оттого ли, что любите посмеяться над всем, что русское?

Молодая дама. Оттого, что просто было смешно. Оттого, что выведена была внаружу та подлость, низость, которая в какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не в уездном городке, а здесь, вокруг нас, — она была бы такая же подлость или низость: вот отчего смеялась.

Господин N. Мне говорила сейчас одна очень умная дама, что она тоже смеялась, но что при всем том пиеса произвела на нее грустное впечатление.

Молодая дама. Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама, но у меня не так чувствительны нервы, и я всегда рада смеяться-

ся над тем, что внутренне смешно. Я знаю, что есть иные из нас, которые от души готовы посмеяться над кривым носом человека, и не имеют духа посмеяться над кривою душою человека.

(Вдали показывается тоже молодая дама с мужем).

Господин N. А вот идет ваша приятельница. Я бы желал знать ее мнение о комедии. (Обе дамы подают друг другу руку).

Первая дама. Я видела издали, как ты смеялась.

Вторая дама. Да кто же не смеялся? все смеялись.

Господин N. А не чувствовали вы никакого грустного чувства?

Вторая дама. Признаюсь, мне было, точно, грустно. Я знаю, всё это очень верно, я сама тоже видела много подобного, но при всем том мне было тяжело.

Господин N. Стало быть, комедия вам не понравилась?

Вторая дама. Ну, послушайте, кто ж это говорит? Я вам говорю уже, что я смеялась от всей души, и больше даже нежели все другие;

я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мне было грустно оттого, что хотелось бы отдохнуть хоть на одном добром лице. Это излишество, и множество низкого...

Господин N. Говорите, говорите!

Вторая дама. Послушайте, посоветуйте автору, чтобы он вывел хоть одного честного человека. Скажите ему, что об этом его просят, что это будет, право, хорошо.

Муж первой дамы. А вот же этого именно и не советуйте. Дамам хочется непременно рыцаря, чтобы он тут же твердил им за всяким словом о благородстве, хотя бы самым пошлым слогом.

Вторая дама. Совсем нет. Как вы мало знаете нас. Вот вам-то принадлежит это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородстве. Я слышала суждение одного из вас: один толстяк кричал так, что, я думаю, всех заставил на себя обратиться: что это клевета, что подобных низостей и подлостей у нас никогда не делается. А кто говорил? Самый низкий и подлый человек, который готов продать свою душу, совесть и всё, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господин. Ну скажите же, кто это был?

Вторая дама. Зачем вам знать? Да не он один, я слышала беспрестанно, как около нас кричали: «это отвратительная насмешка над Россией, насмешка над правительством! Да как это позволить? Да что скажет народ?» А отчего она кричали? Оттого ли, что в самом деле думали и чувствовали это? Извините. Оттого, чтобы произвести шум, чтобы запретили пиесу, потому что в ней, может быть, отыскали кое-что похожее на самих себя. Вот каковы ваши настоящие, не театральные рыцари!

Муж первой дамы. О! да у вас уж начинается маленькая злость.

Вторая дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И нельзя не быть злою, видя, как подлость является под всякими личинами.

Муж первой дамы. Ну да: вам бы хотелось, чтобы сейчас выскочил рыцарь, прыгнул через какую-нибудь пропасть, сломил бы себе шею...

Вторая дама. Извините.

Муж первой дамы. Натурально: женщине

что нужно? ей непременно нужно, чтобы в жизни был роман.

Вторая дама. Нет, нет, нет. Двести раз готова говорить нет. Это пошлая, старая мысль, которую вы нам навязываете беспрестанно. У женщины больше истинного великодушия, чем у мужчины. Женщина не может, женщина не в силах сделать тех подлостей и гадостей, какие делаете вы. Женщина не может там лицемерить, где лицемерите вы, не может смотреть сквозь пальцы на те низости, на которые вы смотрите. В ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать всё это, не осматриваясь по сторонам, понравится ли это кому-либо, или нет, — потому что это нужно говорить. Что подло, то подло, как вы ни скрывайте его и какой ни давайте вид. Это подло, подло, подло!

Муж первой дамы. Да вы, я вижу, рассердились во всех отношениях.

Вторая дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорят неправду.

Муж первой дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мне вашу ручку. Я пошутил.

Вторая дама. Вот вам рука моя, я не сер-

жусь. (Обращаясь к N.). Послушайте, посоветуйте автору, чтобы он вывел в комедии благородного и честного человека.

Господин N. Да как же это сделать? Ну, если он выведет честного человека, а этот честный человек будет похож на театрального рыцаря.

Вторая дама. Нет, если он сильно и глубоко чувствует, то герой его не будет театральным рыцарем.

Господин N. Да ведь я думаю, это не так легко сделать.

Вторая дама. Просто, скажите лучше, что у автора вашего нет глубоких и сильных движений сердечных.

Господин N. Отчего ж так?

Вторая дама. Ну, да уж кто беспрестанно и вечно смеется, тот не может иметь слишком высоких чувств; ему не может быть знакомо то, что чувствует одно только нежное сердце.

Господин N. Вот хорошо! Стало быть, по-вашему, автор не должен быть благородный человек?

Вторая дама. Ну, вот видите, вы сейчас перетолковываете в другую сторону. Я не гово-

рю ни слова о том, чтобы у комика не было благородства и строгого понятия о чести во всем смысле слова. Я говорю только, что он не мог бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Муж второй дамы. Но как же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама. Могу, потому что знаю. Все люди, которые смеялись или были насмешниками, все они были самолюбивы, все почти эгоисты. Конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господин N. Стало быть, вы решительно предпочитаете только тот род сочинений, где действуют одни высокие движения человека?

Вторая дама. О, конечно! Я их всегда поставлю выше, и признаюсь, я больше имею душевной веры к такому автору.

Муж первой дамы (обращаясь к господину N.). Ну, разве ты не видишь: выходит опять то же. Это женский вкус. Для них самая пошлая трагедия выше самой лучшей комедии, уж потому только, что она трагедия...

Вторая дама. Молчите, я опять буду зла. (Обращаясь к N.). Ну скажите, не правду ли

я сказала: ведь у комика душа непременно должна быть холодная?

Муж второй дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждает тоже к насмешкам и сатирам.

Вторая дама. Ну, или раздражительная. Но что же это значит? Это значит, что причиной таких произведений всё же была желчь, ожесточение, негодование, может быть, и справедливое во всех отношениях. Но нет того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью к человечеству... словом, любовью. Не правда ли?

Господин N. Это правда.

Вторая дама. Ну, скажите: похож автор комедии на этот портрет?

Господин N. Как вам сказать? Я не знаю так коротко его, чтобы мог судить о душе его. Но, соображая всё, что я о нем слышал, он точно должен быть или эгоист, или очень раздражительный человек.

Вторая дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мне бы не хотелось, чтобы он был эгоистом.

Муж первой дамы. А вот идет наш лакей, стало быть, — карета готова. Прощайте. (Пожимая руку второй дамы). Вы к нам, не правда ли? Чай пьем у нас?

Первая дама (уходя). Пожалуйста!

Вторая дама. Непременно.

Муж второй дамы. Кажется, наша карета тоже готова. (Уходят за ними).

Выходят двое зрителей.

Первый. Вот что растолкуйте мне: отчего, разбирая порознь всякое действие, лицо и характер, видишь: всё это правда, живо взято с натуры, а вместе кажется уже чем-то громадным, преувеличенным, каррикатурным, так что, выходя из театра, невольно спрашиваешь: неужели существуют такие люди? А между тем ведь они не то чтобы злодеи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодеи. Они именно то, что говорит пословица: «не душой худ, а просто плут».

Первый. И потом еще одно: это громадное накопление, это излишество, не есть ли уже недостаток комедии? Скажите мне, где есть такое общество, которое бы состояло всё из таких людей, чтобы не было если не полови-

ны, то, по крайней мере, некоторой части порядочных людей? Если комедия должна быть картиной и зеркалом общественной нашей жизни, то она должна отразить её во всей верности.

Второй. Во-первых, по моему мнению, эта комедия вовсе не картина, а скорее фронтиспис. Вы видите — и сцена, и место действия идеальны. Иначе автор не сделал бы очевидных погрешностей и анахронизмов, не вставил бы даже иным лицам тех речей, которые, по свойству своему и по месту, занимаемому лицами, не принадлежат им. Только первая раздражительность приняла за личность то, в чем нет и тени личности, и что принадлежит более или менее личности всех людей. Это сборное место. Отовсюду, из разных углов России стеклись сюда исключения из правды, заблуждения и злоупотребления, чтобы послужить одной идее: произвести в зрителе яркое, благородное отвращение от многого кое-чего низкого. Впечатление еще сильнее оттого, что никто из приведенных лиц не утратил своего человеческого образа; человеческое слышится везде. Оттого еще глубже сердеч-

ное содроганье. И, смеясь, зритель невольно оборачивается назад, как бы чувствуя, что близко от него то, над чем он посмеялся, и что ежеминутно должен он стоять на страже, чтобы не ворвалось оно в его собственную душу. Я думаю, забавней всего слышать автору упреки: зачем лица и герои его не привлекательны, тогда как он употребил всё, чтобы оттолкнуть от них. Да если бы хотя одно лицо честное было помещено в комедию, и помещено со всей увлекательностью, то уже все до одного перешли бы на сторону этого честного лица и позабыли бы вовсе о тех, которые так испугали их теперь. Эти образы, может быть, не мерещились бы беспрестанно, как живые, по окончании представленья; зритель не унес бы грустного чувства и не говорил бы: неужели существуют такие люди?

Первый. Да. Ну это, однако же, не вдруг поймут.

Второй. Весьма естественно. Смысл внутренний всегда постигается после. И чем живее, чем ярче те образы, в которые он облекся, и на которые раздробился, тем более останавливается всеобщее внимание на образах.

Только сложивши их вместе, получишь итог и смысл создания. Но разбирать и складывать такие буквы быстро, читать по верхам и вдруг, не всякий может. А до тех пор долго будут видеть одни буквы. И вы увидите, вот я вам говорю это вперед: прежде всего рассердится всякий уездный городишка в России, и будет утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. (Уходят).

Один чиновник. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновник. Теперь, значит, уж ничего не осталось. Законов не нужно, служить не нужно... Вицмундир, вот который на мне, — его, значит, нужно бросить: он уж теперь тряпка.

Бегут двое молодых людей.

Один. Ну, все рассердились. Я уж столько слышал толков, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думает о пиесе.

Другой. Ну что думает вот этот?

Первый. Вот тот, который надевает шинель в рукава?

Другой. Да.

Первый. Вот что он думает: «за такую комедию тебя бы в Нерчинск!..» Однако ж, тронулось, кажется, верхнее население: водевиль, как видно, кончился. Сейчас нахлынут разночинцы. Уйдем! (Оба уходят).

(Шум увеличивается; по всем лестницам раздается беготня. Бегут армяки, полушубки, чепцы, немецкие долгополые кафтаны купцов, треугольные шляпы и султаны, шинели всех родов: фризские, военные, подержанные и щегольские с бобрами. Толпа сталкивает господина, надевающего в рукав шинель; господин посторонивается и продолжает надевать ее в стороне. Показываются в толпе господа и чиновники всех родов и сортов. Лакеи в ливреях прочищают для барынь дорогу. Слышен бабий крик: «Батюшки, припихнули со всех сторон!»)

Молоденький чиновник уклончивого свойства (подбегая к господину, надевающему шинель). Ваше превосходительство, позвольте, я вам подержу!

Господин в шинели. А, здравствуй! Ты здесь? Пришел смотреть?

Молоденький чиновник. Да-с, ваше пре-

восходительство, забавно подмечено.

Господин в шинели. Вздор! Ничего нет забавного!

Молоденький чиновник. Это правда, ваше превосходительство, совсем ничего нет.

Господин в шинели. За эдакие вещи нужно сечь, а не хвалить.

Молоденький чиновник. Это правда, ваше превосходительство!

Господин в шинели. Вот, пускают молодых людей в театр. Много полезного вынесут! Вот и ты: теперь уж, чай, придешь в канцелярию, прямо грубить станешь?

Молоденький чиновник. Как можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вам почищу дорогу вперед! (Народу, толкая того и другого). Эй, вы, посторонитесь, генерал идет! (Подходя с необыкновенным учтивством к двум щегольски одетым). Господа, сделайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одетые (посторониваясь и давая дорогу):

Первый. Не знаешь, какой генерал? Должен быть какой-нибудь известный?

Второй. Не знаю, я никогда не видывал его.

Чиновник разговорчивого свойства (подхватывая сзади). Просто, статский советник; по месту только числится в четвертом классе. Каково счастье? В пятнадцать лет службы Владимира, Анну, Станислава, 3000 рублей жалованья, две тысячи столовых, да от совета, да от комиссии, да еще по департаменту.

Господа хорошо одетые (один другому). Уйдем! (Уходят).

Чиновник разговорчивого свойства. Должны быть матушкины сынки. Чай, в иностранной коллегии служат. Я не люблю комедий; на мой вкус больше нравятся трагедии. (Уходит).

Голос из толпы. Эк народу навалило!

Офицер (пробираясь с дамой под руку). Эй, вы, бороды, что напираете? Разве не видишь: дама!

Купец (с дамой под руку). У самих, батюшка, дама.

Голос из толпы. Вот она поворотилась, видишь, видишь? еще теперь подурнела, но года три тому назад...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взял с него сдачи. Подлая, скверная пиеса! За-

бавная пиеска! Ты, что лезешь в самое горло!

Голос в одном конце толпы. Всё это вздор! Где могло случиться такое происшествие? Этакое происшествие могло только разве случиться на Чукотском острове.

Голос в другом конце. Ну, вот точь-в-точь эдакое событие было в нашем городке. Я подозреваю, что автор если не был сам там, то, вероятно, слышал.

Голос купца. Оно вот изволите видеть. Оно здесь больше, так сказать, с маральной стороны. Конечно, бывают, так сказать, всякие-с. Да ведь и то изволите посудить, что и честный человек, случаем придется... А на счет маральности, так и за дворянами это водится.

Голос господина поощрительного свойства. Должен быть бестия, пройдоха сочинитель, всё изведаль, всё знает.

Голос сердитого чиновника, но, как видно, опытного. Что он знает? чорта он знает. И врет он, врет: всё это, что ни написал он, всё враки. И взятки не так берут, уж если пошло на то...

Голос другого чиновника из толпы. Да что вы говорите: смешно, смешно! Знаете ли, от-

чего смешно? Ведь это всё личности. Ведь это всё он вывел своих бабушек да тетушек. Вот отчего это смешно!

Неизвестный голос. Стой, украли платок!

Два офицера, узнавшие друг друга, переговариваются через толпу.

Первый. Мишель, ты туда?

Второй. Туда.

Первый. Ну, и я там.

Чиновник важной наружности. Я бы все запретил. Ничего не нужно печатать. Просвещением пользуйся, читай, а не пиши. Книг уж довольно написано, больше не нужно.

Голос в народе. Что ж, коли подлец, то и подлец. Не будь подлецом, то и не будут над тобой смеяться.

Красивый и плотный господин (говорит с жаром невзрачному и низенькому). Нравственность, нравственность страждет, вот что главное!

Господин низенький и невзрачный, но ядовитого свойства. Да ведь нравственность вещь относительная.

Красивый и плотный господин. Что вы разумеете под именем относительная?

Невзрачный, но ядовитого свойства господин. То, что нравственность всякий меряет относительно к себе. Один называет нравственностью снятие ему шляпы на улице; другой называет нравственностью смотренье сквозь пальцы на то, как он ворует; третий называет нравственностью услуги, оказываемые его любовнице. Ведь обыкновенно как говорит всякий из нашей братьи своим подчиненным? Свысока говорит: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно бога, государя и отечества», а ты, мол, уж там себе разумеи относительно чего. Впрочем, это так только в провинциях водится; в столицах этого не бывает, не правда ли? Тут если и явится у кого-нибудь в три года два дома, так ведь это отчего? Все от честности, не так ли?

Красивый и плотный господин (в сторону). Скверен, как чорт, а язык, как у змеи.

Невзрачный, но ядовитого свойства господин (толкая под руку вовсе незнакомого ему человека, говорит ему, кивая на красивого господина). Четыре дома в одной улице; все рядом один возле другого, в шесть лет вырос-

ли! Каково действует честность на прозябательную силу, а?

Незнакомец (уходя поспешно). Извините, я не дослышал.

Невзрачный, но ядовитого свойства человек (толкая под руку незнакомого соседа). Глухота-то как нынче распространилась в городе, а? Вот что значит нездоровый и сырой климат!

Незнакомый сосед. Да вот и грипп тоже. У меня все дети переболели.

Невзрачный, но ядовитого свойства человек. Да и грипп и глухота; свинка тоже в горле. (Пропадает в толпе).

Разговор в группе на стороне.

Первый. А говорят, что подобное происшествие случилось с самим автором: он в каком-то городке сидел в тюрьме за долги.

Господин с другой стороны группы (подхватывая речь). Нет, это было не в тюрьме, это было на башне. Это видели те, которые проезжали. Говорят, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэт на высочайшей башне, вокруг гуры, местоположение восхитительное, и он оттуда читает стихи. Не прав-

да, ли что здесь является какая-то особенная черта писателя?

Господин положительного свойства. Автор должен быть умный человек.

Господин отрицательного свойства. Знаю, он служил, его чуть не выгнали из службы, просьбы не умел писать.

Просто враль. Бойкая, бойкая голова! Ему места долго не давали, так что ж вы думаете? Он прямо написал письмо к министру. Да ведь как написал, квинтильяновским манером. Одно уж то, как начал: «Милостивый государь!» — А потом и пошел, и пошел, и пошел... страниц восемь отвалил кругом. Министр как прочитал: «Ну, говорит, благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много врагов. Будь начальник отделения!» И прямо из писцов махнул он в начальники отделения.

Господин добродушного свойства (обращаясь к другому человеку хладнокровного свойства). Чорт его знает, кому и верить! И в тюрьме сидел, и на башню лазил, и выгнали из службы, и место дали!

Господин хладнокровного свойства. Да ведь это всё говорится экспромптом.

Господин добродушного свойства. Как экспромптом?

Господин хладнокровный. Так. Ведь они еще за две минуты не знают сами, что услышат от себя. Язык у них без ведома хозяина вдруг брякнет новость, а хозяин и рад, возвращается домой, как будто бы наелся. А на другой день он уж и позабыл о том, что сам выдумал. Ему кажется, что он услышал от других и пошел передавать её по городу всем.

Господин добродушный. Это, однако же, бессовестно: лгать и не чувствовать самому.

Господин хладнокровный. Да есть и чувствительные. Есть такие, которые чувствуют, что лгут, но считают уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а речь ложью.

Дама среднего света. Но только какой злой насмешник должен быть этот автор! Я, признаюсь, ни за что бы не хотела попасться ему на глаза. Этак он вдруг заметит во мне смешное.

Господин с весом. Я не знаю, что это за человек? Это, это, это... Для этого человека нет ничего священного: сегодня он скажет такой-то советник не хорош, а завтра скажет,

что и бога нет. Ведь тут всего только один шаг.

Второй господин. Осмеять! Да ведь со смехом шутить нельзя. Это значит разрушить всякое уважение, вот что это значит. Да ведь меня после этого всякий прибьет на улице, скажет: «Да ведь над вами смеются; а на тебе такой же чин, так вот тебе затрещина!» Ведь это вот что значит.

Третий господин. Еще бы! Это сурьезная вещь! говорят: безделушка, пустяки, театральное представление. Нет, это не простые безделушки; на это обратить нужно строгое внимание. За эдакие вещи и в Сибирь посылают. Да, если бы я имел власть, у меня бы автор не пикнул. Я бы его в такое место засадил, что он бы и света божьего не взвидел.

Появляется группа людей, бог весть, какого свойства, впрочем благородной наружности и прилично одетых.

Первый. Постоимте лучше здесь, покамест выйдет толпа. Ну что это, право? затевать шум, рукоплесканье, как будто бы бог знает что! Безделка, какая-нибудь пустая театральная пьеса, и подымать такую тревогу, кри-

чать, вызывать автора — ну, что это такое!

Второй. Однако ж пиеса повеселила, развлекла.

Первый. Ну да, повеселила, как обыкновенно веселит всякая безделка. Но зачем же из-за этого такие крики, толки? рассуждают, как будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируют... Ну, что это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь певица, или танцовщица, ну, там я понимаю. Там удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здесь что? кричат: литератор! литератор! писатель! Да что такое писатель? Что иной раз попадетса остроумное словцо, да спишет кое-что с натуры... Да что же здесь за труд? Что ж тут такого? Ведь это всё побасенки и больше ничего.

Второй. Да, конечно, вещь не важная.

Первый. Рассудите: ну, танцор, например, — там всё-таки искусство, уж этого никак не сделаешь, что он делает. Ну, я, например: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сделай я антраша — не сделаю ни за что. А ведь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой автор, но мне сказывали, что он

невежа совершенный, ничего не знает, его откуда-то, кажется, выгнали.

Второй. Но, однако ж, всё-таки что-нибудь он должен знать; без этого нельзя писать.

Первый. Да помилуйте, что ж он может знать? Вы сами знаете, что такое литератор? Пустейший человек! Это всему свету известно, ни на какое дело не годится. Уж их пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну что такое они пишут? Ведь это всё пустяки, побасенки. Захоти, я сей же час это напишу, и вы напишете, и он напишет, и всякий напишет.

Второй. Да, конечно, почему ж и не написать. Будь только капля ума в голове, так уж и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачем тут ум? Ведь это всё побасенки. Ну, если бы еще была, положим, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предмет, которого еще не знаешь, — а ведь это что такое? Ведь это всякий мужик знает. Это всякий день увидишь на улице. Садись только у окна, да записывай всё, что ни делается, вот и вся штука!

Третий. Это правда. Как подумаешь, право,

на какой вздор употребляют время!

Первый. Именно, трата времени — больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать им перо и чернила в руки. Однако ж, народ выходит, пойдемте! Подымать шум, кричать! поощрять! а дело, просто, вздор! Побасенки, пустяки, побасенки! (Уходят. Толпа редеет, бегут кое-какие оставшиеся).

Добродушный чиновник. А всё бы, право, ну что бы хоть одного честного человека выставить. Всё плуты да плуты.

Один из народа. Слышь ты, жди меня на перекрестке. Я забегу возьму рукавицы.

Один из господ (смотря на часы). Однако, скоро час. Никогда я так поздно не выходил из театра. (Уходит).

Отставший чиновник. Только время даром пропало! Нет, никогда больше не пойду в театр! (Уходит; сени пустеют).

Автор пьесы (выходя). Я услышал более, чем предполагал. Какая пестрая куча толков! Счастье комику, который родился среди нации, где общество еще не слилось в одну недвижимую массу, где оно не облеклось од-

ной корой старого предрассудка, заключающего мысли всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек, то и мнение, где всякий сам создатель своего характера. Какое разнообразие в этих мнениях, и как везде блеснул этот твердый, ясный русский ум! И в сем благородном стремленьи государственного мужа! И в сем высоком самоотверженьи забившегося в глушь чиновника! И в нежной красоте великодушной женской души! И в эстетическом чувстве ценителей! И в простом верном чутье народа! Как даже в сих недоброжелательных осуждениях много того, что нужно знать комику! Какой живой урок! Да, я удовлетворен. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пиесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во всё продолжение ее. Это честное, благородное лицо был — смех. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое дается ему в свете. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на то, что доставил обидное прозвание комику,

прозванье холодного эгоиста, и заставил даже усумниться в присутствии нежных движений души его. Никто не вступился за этот смех. Я комик, я служил ему честно и потому должен стать его заступником. Нет, смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей, — но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из неё потому, что на дне её заключен вечно-биющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека. Презренное и ничтожное, мимо которого он равнодушно проходит всякий день, не возросло бы перед ним в такой страшной, почти каррикатурной силе, и он не вскрикнул бы, содрогаясь: неужели есть такие люди? тогда как, по собственному сознанию его, бывают хуже люди. Нет, несправедливы те, которые говорят, будто возмуща-

ет смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многие бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примиренье в душу. И тот, кто бы понес мщение противу злобного человека, уже почти мирится с ним, видя осмеянными низкие движенья души его. Несправедливы те, которые говорят, что смех не действует на тех, противу которых устремлен, и что плут первый посмеется над плутом, выведенным на сцену: плут-потомок посмеется, но плут-современник не в силах посмеяться! Он слышит, что уже у всех остался неотразимый образ, что одного низкого движенья с его стороны достаточно, чтобы этот образ пошел ему в вечное прозвище; а насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете. Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко-добрая душа. Но не слышат могучей силы такого смеха: что смешно, то низко, говорит свет; только тому, что произносится суровым, напряженным голосом, тому только дают название высокого. Но боже! Сколько проходит ежедневно людей, для которых нет во-

все высокого в мире! Всё, что ни творилось вдохновеньем, для них пустяки и побасенки; созданья Шекспира для них побасенки, святыя движенья души — для них побасенки. Нет, не оскорбленное мелочное самолюбье писателя заставляет меня сказать это, не потому, что мои незрелые, слабые созданья были сейчас названы побасенками. Нет, я вижу свои пороки и вижу, что достоин упреков. Но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннейшие творения честились именами пустяков и побасенок, когда все светила и звезды мира признавались творцами одних пустяков и побасенок! Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на бесчувственных их лицах не вздрагивал даже ни призрак выражения от того, что повергало в небесные слезы глубоколюбящую душу, и не коснел язык их произнести свое вечное слово: побасенки! Побасенки!.. А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось

всё, что было, а побасенки живут и повторяются поныне, и внемлют им мудрые цари, глубокие правители, прекрасный старец, и полный благородного стремленья юноша. Побасенки!.. А вон стонут балконы и перилы театров; все потряслось снизу доверху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека, все люди встретились, как братья, в одном душевном движеньи, и гремит дружным рукоплесканьем благодарный гимн тому, которого уже пятьсот лет как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? Отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вон, среди сих же рядов потрясенной толпы, пришел удрученный горем да невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдруг свежительные слезы из его очей, и вышел он примиренный с жизнью и просит вновь у неба горя и страданий, чтобы только жить и залиться вновь слезами от таких побасенок. Побасенки!.. Но мир задремал бы без таких побасенок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудут же вечно свя-

ты в потомстве имена благосклонно внимавших таким побасенкам. Чудный перст провиденья был неотлучно над главами творцов их. В минуты даже бед и гонений всё, что было благороднейшего в государствах, становилось прежде всего их заступником: венчаный монарх осенял их царским щитом своим с вышины недоступного престола.

Бодрей же в путь! И да не смутится душа от осуждений, но да примет благодарно указанья недостатков, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей в высоких движениях и в святой любви к человечеству! Мир, как водоворот: движутся в нем вечно мненья и толки, но всё перемалывает время. Как шелуха, слетают ложные и, как твердые зерна, остаются недвижимые истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооруженное строгим значеньем. Во глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви. И почему знать, может быть, будет признано потом всеми, что в силу тех же законов, почему гордый и сильный человек является ничтожным и слабым в несчастьи, а слабый возрастает, как исполин, среди

бед, в силу тех же самых законов, кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ИГРОКИ

I. ЧЕРНОВИК ПЕРВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Комната в городском трактире. [Ниже строкой было: Явление I.]

Ихарев входит в сопровождении трактирного слуги и своего собственного.

Трактирный слуга. Пожалуйте-с, пожалуйста! Вот-с покойник! Уж самый-с покойный и шуму вовсе нет.

Ихарев. Да чай конного войска много, скакунов?

Трактирный слуга. То есть-с изволите говорить насчет блох? Уж будьте покойны. Если блоха или клоп укусит, уж эта наша ответственность, уж с тем стоим

Ихарев (своему слуге). Ступай, Прохор, [Прохоров] вноси чемодан! (Трактирному значительно). Ну, послушай, кто живет?

Трактирный слуга. Да живут теперь много, все номера почти заняты.

Ихарев. Ну кто ж именно?

Трактирный слуга. Швохнев Петр Петро-

вич, Кругель полковник, Степан Иванович
Утешительный.

Ихарев. Играют?

Трактирный слуга. Да вот уж шесть ночей
сряду играют.

Ихарев. Пара целковиков (дает ему).

Трактирный слуга. [Зачеркнута ремарка:
(кланяясь)] Покорнейше-с благодарю.

Ихарев. После еще будет.

Тр<актирный> <слуга>. Покорнейше благо-
дарю.

Ихарев. Между собой играют?

Трактирный слуга. Нет, недавно обыграли
поручика Артуновского. У князя Шенькина
выиграли тридцать шесть тысяч.

Ихарев. Вот тебе еще красная бумажка. А
если послужишь честно, еще получишь. При-
знайся, карты ты покупал?

Трактирный слуга. Нет-с, они сами брали
вместе.

Ихарев. Да у кого?

Трактирный слуга. Да у здешнего купца
Вахрамейкина.

Ихарев. Врешь, врешь, плут.

Трактирный слуга. Ей богу.

Ихареv. Хорошо. [Далее было: приготовь воды умыться да приходи ужo] Мы с тобой ужo поговорим. [Мне с тобой нужно поговорить.] (Прохор вносит шкатулку). Ставь ее здесь. Теперь ступайте оба приготовить мне умыться и побриться! (Слуги уходят. Отпирает шкатулку, всю наполненную карточными колодами). Каков вид! Каждая золотая! Право глаза чуть не ослепли во время подбирания. [Вместо «Каков ~ подбирания» начато исправление: Вот именно! Каждая дюжина золотая! Добыта трудом, путем, за то ведь пришлась <?> всякая. Легко сказать, до сих пор [глаза болят] всё рябит проклятый крап] Да [ведь] зато ведь это тот же капитал. Детям можно оставить в наследство! Вот она заповедная колодишка! (вынимает одну из них). Перл, мать родная. [а. Это уж точно мать родная б. Перл просто мать родная] За то ей имя: [За то ж ей и почет: имя ей] Аделаида Ивановна. Душенька, послужи мне так, как твоя сестрица. Выиграй мне ни больше, ни меньше как 80 тысяч. Именно. Доставь мне еще восемьдесят в прибавку к моим — я и доволен. Да за то вот тебе слово: поставлю тебе приехавши [приехавши

в деревню] мраморный памятник. [Вместо «Душенька ~ памятник»: [Да вот как выслужит она] А как сослужит свое, так я ей приехавши в деревню памятник! Да, памятник из мрамора в Москве закажу.]

(Услыша шум, поспешно закрывает шка-тулку)

Я<ВЛЕНИЕ>.

Трактирный слуга и Прохор с лоханкой, рукомойником и полотенцем.

Ихарев. Ну что, эти господа дома?

Трактирный слуга. Да-с. Они-с теперь в об-щей зале. [Далее было: Ихарев. Внизу? Трак-тирный слуга. Нет, вот сейчас направо нужно будет взять.]

Ихарев. Пойду взглянуть на них. [Вместо «на них» начато исправление: что за]

ЯВ<ЛЕНИЕ>

Трактирный слуга и Прохор (одни).

Трактирный слуга. Что, издалека едете?

Прохор. А из Рязани.

Трактирный слуга. А сами тамошней гу-бернии?

Прохор. Нет, сами из Смоленской.

Трактирный слуга. Так-с. Так поместье-то

выходит в Смоленской губернии?

Прохор. Нет, не в одной Смоленской. Там 80 душ да в Калужской.

Трактирный слуга. Понимаю, в двух то есть губерниях.

Прохор. Да, в двух губерниях. У нас одной дворни человек 50. Игнатий буфетчик, Герасим лакей, Павлушка, который с барином ездит, Иван тоже опять лакей. Потом повар Григорий, повар Семен, жена повара, поварченок, [поварчен<ки>] Варух садовник, Дементий кучер — вот как у нас!

Кругель и Швохнев (осторожно входя).

Кругель. Только право я боюсь, чтобы он не застал <нас>. [Кругель. Право чтобы как-нибудь он не застал нас.]

Швохнев. Ничего. Андрей Иванович [Утешительный] его продержит (Обращаясь [Подходя] к трактирному слуге). Ступай вниз, тебя зовут. [Вместо «Ступай ~ зовут»: Тебя там зовут.] (Подходя поспешно к Прохору). Откуда барин?

Прохор. Да теперь из Рязани.

Швохнев. Помещик?

Прохор. Помещик.

Швохнев. Играет?

Прохор. Играет.

Швохнев. Вот тебе красуля (дает ему бумажку). Рассказывай всё!

Прохор. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни ни, не бойся.

Швохнев. Ну, что он теперь в выиграше? а?

Прохор. Да вы подполковника Чеботарева не знаете?

Швохнев. Нет, а что?

Прохор. Недели три тому назад мы обыграли его на восемьдесят тысяч.

Швохнев (взглянувши на Кругеля значительно). Что ты скажешь, должно быть шуллер? [Вместо «Что ~ шуллер?» начато: А?]

Кругель (покачнувши головою). Надобно узнать. [Вместо «Надобно узнать»: а. Да. б. Узнаем.]

Швохнев. Послушай, когда барин остается один, что делает?

Прохор. Да как что делает? Известно, что делает. Он уж барин, так держит себя хорошо, ничего не делает.

Швохнев. Врешь, чай карт из рук не выпускает?

Прохор. Не могу знать: я с барином всего две недели. [Этого не могу знать, я с барином только месяц.] С ним прежде всё Павлушка ездил. У нас есть и Герасим тоже слуга, Иван, также Кирюк лакей, Дементий кучер. Намедни еще одного взяли из деревни. [Вместо «Дементий ~ из деревни»: Игнатий буфетчик]

Кругель (Швохневу). Что, Петр Петрович? А может быть и того, а? [Вместо «Что Петр Петрович ~ того, а?»: а. Ну Андрей Иванович, приезжий-то кажется того б. Начато: Почему нет, может быть и нашего]

Швохнев. Думаешь, шуллер? [Начато исправление: а. Почему ж не попробовать б. Почему ж нет] нет. А впрочем всё-таки попробуем. (Оба поспешно убегают).

Прохор (один).

Проворные господа! А за бумажку спасибо! Будет Матрене на чепец да и пострельчонкам тоже по прянику. Эх, люблю походную жисть! Уж всегда что-нибудь приобретешь. Барин пошлет купить что, всё уж с рубля гривенник положишь себе в карман. Как подумаешь, право, какое житье господам! [Как подумаешь, завидное право житье господ.] Куды хо-

чешь [захочешь] катать! В Смоленске наскучило, поехал в Рязань; не захотел в Рязань — в Казань! — В Казань не захотел, валяй под самый Ярослав. Вот только до сих пор не знаю, который из городов будет партикулярней: Казань или Рязань?

Ихарев и Прохор.

Ихарев. За это дело нужно сурьезно взяться. [Далее было: Что ж, пусть у них у всех положим 50 тысяч — всё недурно, очень недурно] Чорт возьми! Хорошо, если бы их обчистить! [Вместо «Хорошо ~ обчистить»: Как бы мне хотелось их обчистить] Положим, хоть у них и пятьдесят тысяч у всех, всё недурно прибавить к 80 тысячам... очень недурно. Не знаю, как те два, которые ушли, а последний, который оставался со мною, кажется на вид плохенькой. (Берет щетку, мыло, садится перед зеркалом и начинает бриться). Просто рука дрожит, никак не могу бриться. [«Просто ~ бриться» в автографе отсутствует. Однако над строкой между двумя ремарками есть следы стершегося карандаша. Фраза напечатана в изд. Тихонравова, том II, стр. 721.] (Входит трактирный слуга). [Вместо «Ихарев ~ трак-

тирный слуга)» а. Ихарев. Давай скорей умыться и бриться. (Берет щетку, мыло и [начинает], садится перед зеркалом и начинает бриться. Входит трактирный слуга) б. Ну нет эти господа-то как видно не слишком простоваты. За это дело нужно сурьезно взяться. (Берет щетку ~ слуга). На полях начато: Бог их знает, на вид кажется так себе. Однако ж нельзя сказать, чтобы были совсем просты. Ну что я буду делать с 80 тысяч, которые у меня. Ведь <за> 80 тысяч <1 нрзб.> не купишь. Внизу страницы начато: Ну что с того, что у меня 80 тысяч. С 80-тью тысяч]

Трактирный слуга. Не прикажете ли чего покушать?

Ихарев. Как же, как же. Принеси покамест закуску — всего, что у вас есть: [Вместо «Принеси ~ у вас есть»: Принеси всего что у вас есть.] икры, семги, на четыре человека. Понимаешь? Бутылку вина. Да накорми вот его! (указывая на Прохора).

Трактирный слуга (Прохору). Пожалуйста в кухню, там для вас приготовлено. (Прохор уходит).

Ихарев (продолжая бриться). Ну, слушай!

Что, много они тебе дали?

Трактирный слуга. Кто-с?

Ихарев. Ну, да уж не изворачивайся, говори!

Трактирный слуга. Да-с, за прислугу пожаловали.

Ихарев. Сколько? пятьдесят рублей?

Трактирный слуга. Да-с, пятьдесят рублей дали.

Ихарев. А от меня не пятьдесят, а вон, видишь, [Вместо «а вон, видишь»: Вот видишь] на столе лежит сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься? не укусит! От тебя потребуются больше ничего, как только честности, понимаешь? Ты возьми там себе карты у купца, какого знаешь, а вот тебе в придачу от меня дюжина (дает ему запечатанную дюжину карт). Понимаешь?

Трактирный слуга. Да уж как не понять? Извольте положиться. Это уж наше дело.

Ихарев. Да карты спрячь хорошенько, чтоб как-нибудь тебя не ощупали или не увидели. (Про себя). С ними нужно ухо остро. Ну, да уж я их поддену! (Кладет щетку, мыло и вытирается полотенцем).

Входят Швохнев, Кругель, Утешительный. Ихарев (с поклоном). Прошу простить. Комната, как видите, не красна углами: четыре стула всего.

Кругель. Только и нужно.

Швохнев. Комната ничего, люди составляют красоту.

Утешительный. Именно люди. Я бы не мог [Вместо «Именно ~ не мог»: а. Начато: Помнишь б. Признаюсь, я бы не мог] быть без общества. Помнишь, почтеннейший, [Далее было: [Швохневу] Кругелю] как я приехал сюда? Вообразите: приезжаю на ярмонку. Один одишешенек. [Совершенно одишешенек] Ну, никого решительно знакомого: хозяйка старуха, на лестнице какая-то поломойка, [на лестнице девчонка] урод естественнейший; вижу увивается около нее [Вместо «около нее»: какая-то] армейщина, видно [как видно] на тощакках, в городе всё народ торговый, [Вместо «всё народ торговый»: а. купцы б. одни купцы в. народ торговый] словом скука смертная! Как вдруг привел случай познакомиться с ним. Ну, уж как я был рад! Эх, люблю откровенность и братское общество. Всё, [Начато:

Весь] что ни есть на середине, так бы вот и хотел высказать. [Вместо «Эх люблю ~ высказать»: У меня такой характер, не могу не быть откровенным.]

Швохнев. Нет, это уж слишком, излишество вредно во всем. [Вместо «излишество вредно во всем»: Это, это... это уж чересчур] Ты должен обманываться очень часто.

Утешительный. И, признаюсь, обманывался, обманывался часто. И всегда буду обманываться. Это я всегда говорю. Да что ж делать? На то свет, на то свет. Для чего живем на свете? Для того, [Вместо «И всегда ~ Для того»: Да что ж делать, на то уж свет. Живем для того] чтобы толкаться с людьми.

Кругель. Нет, этого я не понимаю. Быть откровенну со всяким, еще не узнавши его во все, [Еще не узнавши вовсе человека] это я не понимаю. Дружба, это так, это другое, это священный дар. [Вместо «Быть откровенну ~ дар»: Дружба так это дело другое, то точно дар бога.]

Утешительный. Так, но человек принадлежит к обществу.

Кругель. [Швохнев.] Принадлежит... но не

весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Швохнев (Утешительному). Не спорь, брат, ты не прав.

Утешительный (горячась). Нет, а я тебе докажу, что это первая обязанность, это долг, это, это, это первейший, — так сказать [первейший момент] ... это, это, это...

Швохнев. Ну, зарапортовался! [Далее начато: обрац<аясь>] Горяч необыкновенно! Еще первые два слова можно понять, которые говорит, а уж что дальше — ничего не поймешь.

Утешительный (горячась). Не могу, не могу! Если дело коснется [дойдет] обязанностей или долга, я уже не помню, что говорю. Не могу, не могу, чувствую сам; а желчь так вот и кипит, так и кипит. [Вместо «Не могу ~ и кипит»: а. Скажу одно слово, а уж желчь под сердце так вся и прихлынет, так и кипит и кипит, б. Я всегда [объявляю] вперед говор<ю>: господа, это не я, это желчь, желчь —

обо всем я могу говорить дельно и без пристрастия <?>, но если дело коснется благородства, увлекаюсь в. Начато: Я ~ господа. Это не я, это желчь наговор<ила> г. Начато: Я ~ господа. Обо всем и о благородстве]

Ихарев (в сторону). Ну, нет, приятель! Знаем мы людей, которые увлекаются и [которые горячатся] горячатся при слове — обязанность. У тебя, может быть, и кипит желчь, да только не в этом случае. (Вслух). А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?

Утешительный. [Утешительный. Да что человек без желчи?] Извольте: если не в большую игру, почему нет? [Вместо «почему нет?»: я согласен.]

Швохнев. От невинных удовольствий я никогда не прочь.

Ихарев. А что, ведь в здешнем трактире, чай, есть карты? [Ихарев. Эй, карты! Ведь в здешнем трактире чай они водятся?]

Швохнев. О, только прикажите.

Ихарев. Карты! (Слуга хлопочет около карточного стола). А между тем прошу, господа! (указывая рукой на закуску и подходя к ней).

Балык, кажется, не того, а икра еще так и сяк.

Швохнев (посыпая кусок в рот). Нет, и балык того. [Балык хорош.]

Кругель (также). И сыр хорош. Икра тоже недурна.

Швохнев. [Начато исправление: Утешительный И сыр хо<рош>] Недурна. Помнишь, [Вписано и зачеркнуто: почтенней<ший>] какой отличный сыр ели мы дня четыре тому назад у князя Шенькина? [ели мы у князя Шенькина?]

Кругель. Нет, никогда в жизни я не позабуду сыр, <который> я ел у Александра Александровича Алекс<андрова?>. Ну, да что и говорить? Я сыр за что люблю? За <то>, что если случится сверх одного обеда [Далее начато: через ч<ас>] навалить через час другой, стоит отправить [а. стоит только хорошо б. стоит отправить] в желудок ломтик <?>, но <?> отличного [кусок отличного] сыру — и в желудке все благополучно. [Вместо «и в желудке всё благополучно»: и всё ничего] Он там распоряжается, как добрый квартирмейстер. [Вместо «Нет никогда ~ квартирмейстер»: а. Сыры, почтеннейший, когда хороши? Хороши они то-

гда, когда сверх одного обеда навернешь другой — вот когда хорош сыр. Он всё равно <что> добрый квартиермистр: б. Начато: Ну, брат, просто не говори. Как вспомню я один сыр, который едал в <1 нрзб.>] «Добро пожаловать, господа, [Далее было: говорит он] есть еще место», говорит.

Ихарев. Добро пожаловать, господа, карты на столе.

Утешительный. А, вот оно, старина, старина! Слышь, Швохнев, карты, а? Сколько лет [Вместо «Слышь ~ лет»: Как вспомн<ишь>, сколько лет не играл! Что мы, брат, в самом деле ни разу до сих пор не затеяли банчишки? Ихарев. Так как-то] ...

Ихарев (в сторону). Не вам бы говорить, не мне бы слушать.

II. НАБРОСКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ

<Швохнев>. Передержка уж это дело таланта. Кому бог не дал таланта, тому уж никогда не постичь. Я знаю, [видел.] точно это необыкновенный феномен, четырнадцатилетний мальчик, сын помещика Петра Максимовича Болтухо. — Когда мне сказали об нем, я признаюсь прямо из любопытства

поехал с родней. [с родней вписано.] Поехали все вместе... «Как знаете», говорю, «может быть это [Говорю: прошу простить, может быть, это.] непр<авда?>, невозможно принять <?>, но я слышал, что [мы слышали, что] бог наградил <вас> <сыном> необыкновенным». «Да, господа, точно»... И знаете мне понравилось, что без всяких этих светских отнекиваний, [подделыв<аний>] просто, откровенно. «Точно способности у мальчика необыкновенные. Эй Миша!» «Что?» — «Покажи», говорит, «гостям...» И тот тут же этак свободно без всяких конфузий направо и налево... И точно это было непостижимо. Я смотрел в оба глаза, ничего не мог заметить. Четырнадцатилетний мальчик.

Утешительный. Достаточно [Конечно достаточно] ключ крапа, конечно. Ведь это опять другая наука. Игроку <с> этим некогда возиться <?>. Как суконная фабрика — она принимает шерсть уж готовую, а потом начинает <?> прясть. У нас в Костроме есть один почтенный человек, который одним этим занимается. Ежегодно он получает из Москвы

несколько сотен колод, от кого, это покрыто тайною. Вся обязанность <его> <со>стоит в том, [Сверху страницы, отдельно: <обязанность> его состоит в том] чтобы разобрать крап и послать только ключ, [Далее начато: остальное] вот глядите мол [вот смотрите] у такой-то двойки такой-то рисунок. Ну, а для игрока сами знаете довольно знать одну карту. И за это одно получает он пять тысяч в год.

— Конечно, [Перед этим начато: а. А я признаюсь откровенно б. Я всегда к любым] сопряжено с меньшим трудом [Далее было: чем менять карты, стоит всякую. Вместо «сопряжено с меньшим трудом» начато исправление: сопряжено просто] просто поставить, иметь свои колоды.

<Ихарев>. Да ведь вот что неудобно: нужно [нужно вписано.] подкупать людей. А <это> [Было начато. Это] не всегда и верно, народ этот продаст. [Далее было: и смот<реть?>]

<Утешительный>. Да зачем? Мы никогда почти этого не делаем. Нужно иметь только достаточно находчивости <?>. Помнишь в Нижнем? Остановились втроем в трактире, часов двенадцать там кутили и уехали, не за-

плативши. Хозяин бросился в комнаты, ничего нет. Видит остался один ящик и в нем полтораста дюжин карт. Натурально он карты тотчас к купцам, продал за бесценок, по всему городу разошлись. А понял суть, когда в две недели весь город проигрался. Это был обильнейший год, какой я только знаю. А другой случай тоже стоит упомянуть. Трындин, богатейший человек, помаленьку держал. Игра отличная. Мы приехали вдвоем. Дом великолепный, богатейшая [отличней<шая>] деревня, усадьба, везде каналы по-аглицки. [Вместо «помаленьку ~ по-аглицки» начато исправление: и честности необыкновенной, все понимаете пути к поползновению <отрезаны?>. Люди его воспитаны. Дом просто дворец, и один подъезд <1 нрзб.>. Ну можете себе представить русской <барин>. К людям опасно: нельзя и думать. На полях: Ну, как тут сделать?] Мы дали вперед знать приятелям, что будем, [Далее начато: а сами] чтобы они распорядились об картах. Только в один <день> летит тройка мимо самого двора, сидят молодцы, всё это пьяно, [Далее начато: песню] пыль такая. Дворня стоит за ворота-

ми, видит выпало что-то, с бегу вывалилось. Кричат им: «остановитесь, дорогие». Куда! Ничего не слушают, умчались. Развязали чемодан: белье, платье, несколько денег и дюжин пятьдесят карт, ну и только. Лакеи не захотели отказаться от своих доходов, карты пошли на барские столы, и в два дни сорван был весь банк.

<Утешительный>. Помилуйте. Ведь это правило. Игра требует своих правил. [Далее начато: в ней свои] Тут лицепрятья нет совершенно никакого. Я вам прямо скажу. Будь вы человек, которому я обязан всем, честнейший человек, а я вас также обыграю. Отец пусть сядет со мною в карты, я обыграю отца: не садись в карты. Здесь все равны.

<Ихарев>. Но вот говорят нечистота в игре; ведь это <не то> чтобы плутовство какое, это выработанная копейка, выработанная<я>. Я знал многих честнейших людей, [человек] а передергивали. Отдавши нищему копейку, я никогда не отказываюсь соединиться втроем против одного, если бы только дело [если бы дело только] было верное.

<Ихарев>. Я никак не нахожу, чтоб это дело предосудительное. Помилуйте, это тот же труд. [Далее начато: я бы хотел [что <бы>] знать чтобы что другое могло] Я не знаю ни одного из тех, которые уже приобрели сведения <?>, изучая <?> рисунка крапа, [чтобы хотя] <один> сохранил долго свои глаза: все почти слепнут. — Что вы тут ни говорите, это труд, а труд должен быть вознагражден.

<Ихарев>. Знаете ли вы так называемую сводную колоду, односоставленную из шести [из девяти] колод, в которой всякая карта мне известна? Нет? Вот я вам покажу. Полтора месяца слишком стоила мне работа. (Вынимает). Вот она. Но уж зато какое сокровище! Зато ей дано имя.

<Утешительный>. Как имя?

<Ихарев>. Да, Аделаида Ивановна.

<Утешительный>. Хе! Слышишь, Швохнев? Ведь это совершенно новая идея, например <?>, назвать Аделаида Иван<овна>. Я нахожу даже очень остроумно.

<Швохнев>. Прекрасно: Аделаида Иванов-

на. Очень хорошо. [Далее начато: Кругель. Ве<дь>.]

<Утешительный>. Аделаида Ивановна. Немка даже. Слышь, Кругель, это жена тебе.

<Кругель>. Что я за немец? Дед был немец, [а. Как в тексте б. Начато: отец <был немец>] да и тот не знал по-немецки.

Утешительный (рассматривая). Это сокровище. Совершенно [Начато: Никакого <признака>] никаких признаков. [Далее начато: чтобы кинувши] Неужели всякая карта решительно вам известна?

<Ихарев>. Извольте: я стану в пяти шагах и оттуда вам скажу [скажу, как<ую>] всякую карту. Десятью тысячами рискую сию же минуту [Начато исправление: если одна] и ставлю на первую карту.

<Утешительный>. Ну, это какая?

<Ихарев>. Шестерка.

<Утешительный>. Так точно. Эта?

<Ихарев>. Валет.

<Утешительный>. Точно так. Эта?

<Ихарев>. Тройка.

Утешительный>. Непостижимо!

Кругель (пожимая плечами). Непостижи-

мо!

Швохнев (также). Непостижимо, невероятно!
но!

<Утешительный>. Позвольте еще [еще строго.] рассмотреть. (Рассматривая колоду). Удивительная вещь. [Далее начато: Но только позвольте] Стоит, чтобы назвать ее по имени. Но позвольте заметить: к сожалению, ее ведь можно употребить только один раз, да и притом [Да и то] с игроком не слишком практикованным, [«и притом ~ практикованным» вписано.] да и то еще нужно знать, каким образом, разве подменить во время самой игры?

<Ихарев>. Да, [Точно] во время самой игры. Я всегда подменяю во всякое время. [На полях начато исправление: <Утешительный>. Но только позвольте, когда употребить ее? Ведь это так сказать одна колода. Она может быть пущена в самое дело [только] в случае только большого азарта. <Ихарев> А вот в том-то и дело. Она не иначе может быть употреблена, как во время самой азартной игры. Тут всё можно сделать, как только человек в жару или потерялся.]

<Утешительный>. В таком случае это ко-

нечно сокровище.

<Швохнев>. Ведь вот всё, кажется, есть. Есть и усердие, и в силах нет, кажется, недостатка, [нет недостатка] недостает только...

<Ихарев>. Крепости, на которую идти.

<Утешительный>. Да, неприятеля-то нет.

Швохнев. Есть один, да...

Кругель. Про кого ты говоришь?

Швохнев. Да Глов Иван Александрович.

Кругель. Ну вот [вот ведь] нашел. Да это<го> не подведешь в дурачки играть. [Вместо «Швохнев. Есть один ~ играть» начато исправление: а. Швохнев. Ну да можно бы, только нет. <Кругель>. Кто кто, кто? <Утешительный>. Я знаю про кого он говорит. Вздор, вздор. Он не станет, осто<рожен> б. Швохнев. Есть один, да. Утешительн<ый>. Ну да ты думаешь кто. Небось Михаил Александров<ич> Глов. Кругель. Ну да, нашел. Да это<го> не подведешь в дурачки играть]

Ихарев. Кто [Д<а> кто] он однако ж? [однако ж этот]

Утешительный. Вздор, пустяки [пустяки вписано.] он выдумал. Здесь живет Глов Иван Александрович, богатый, конечно, по-

мешик. Но что же об нем говорить, когда он не играет вовсе. Я уж с месяц ухаживал около него, и в дружбу, и в доверенность даже <вошел>. [Вместо «уж ~ <вошел>» : Мы уж около него возились...]

Ихарев. Ну, да послушайте, нельзя ли как-нибудь увидеться? Может, почему знать?

<Утешительный>. Да я вам говорю вперед, что напрасен труд.

<Швохнев>. Ну, да что ж, попробовать еще раз.

<Ихарев>. Именно пригласите его сюда. Ну не успеем, по крайней мере познакомимся.

<Утешительный>. Да, пожалуй, мне это ничего не значит, я приведу его.

<Ихарев>. Приведи, ради бога, приведи.

<Утешительный>. Извольте, я пойду к нему. (Уходит).

<Ихарев>. Ведь, точно, бог ведает.

Швохнев. Я сам того же мнения: никогда не нужно оставлять никакого дела. Ведь нужно помнить, что тот, с которым имеешь дело, всё незнакомый челов<ек>. Сегодня нет, завтра нет, послезавтра нет, а там, как насядешь на него [как скажешь ему] покрепче, скажет:

да. Ведь иногда иной только корчит, будто он крепыш, а порой, как приглядишься к нему поближе, увидишь, что он только фальшивую тревогу задал. [Вместо «Ихарев. Ну, да послушайте ~ тревогу задал» было: Швохнев. Как ты хочешь, брат, но я того мнения, что нет человека, который бы век выстоял на своем. Нет в свете, который не уступил бы наконец постоянному напору. Сегодня не подается, завтра [прямо] атакуй. Завтра не подается, послезавтра. Ихарев. Да именно попробуем, почему же не попробовать. Ну авось, ведь знаете (Начато исправление: Пригласив его сюда так ведь вы). <Швохнев>. Да мы не коротки с ним, а вот с ним больше знаком Ихарев. [Просите] Попросите. Утешительный. Да попросить не беда, только я вам наперед говорю, господа, это совершенно потерянный труд. Ихарев. Ну да ведь чрез это ничего не потеряем. Поговорим, познакомимся. Утешительный. Пожалуй, я приведу его к вам сю<да>.]

<Ихарев>. То есть поверить не можно, [То есть вы поверить не можете] какую жажду чувствуешь [Начато исправление: <1 нрзб.> возрождения] теперь [сейчас <?>] к деятель-

ности. Нужно вам знать, последний выигрыш [Далее начато: тот был] мой <1 нрзб.> <у> полковника Чаботарева 80 тыс. Я не имел практики в течение более месяца. Вы не можете представить себе, какую испытал я скуку. Тоска просто смертная. [Далее было: а. Клянусь если бы [кто вздумал держать] пять рублей банку, я бы готов побиться <?> б. <Швохнев>. С этим нечего шутить, я] Я понимаю теперь, каково положение полководца, когда нет войны. Это в некотором роде лишение жизни. [Вместо «Я понимаю ~ жизни» начато исправление: Я понимаю положение полководца, когда нет войны. Вот это же самое, что он должен чувствовать. После «лишение жизни» начато исправление: <Швохнев>. А например <?>, батюшка, [ежели] [если] просто фатальная, для знающего игрока <?>]

<Швохнев>. Вот с этим шутить нечего, я это знаю по себе.

<Ихарев>. Поверишь ли, что [что ежели] в пятирублевый банк готов даже.

<Швохнев>. Натуральная вещь, через это проигрывали первые игроки. [Далее было начато: неприятелей <?> нет, не знаешь <?> как

начать, подступить] Ну-с, и работы нет, и нападёт на того, что называют голь и перетыка, и проиграется ни за что.

<Ихарев>. А богат этот Глов [этот старый поме<щик>.] очень?

Кругель. Деньги есть. Тысяча душ крестьян.

<Ихарев>. Эх, чорт возьми! Подпоить разве его? Шампанское пьёт?

<Швохнев>. В рот не берет.

<Ихарев>. Что ж с ним делать? Как подъехать к нему? Но всё однако ж я не думаю, ведь игра соблазнительная вещь. Мне кажется, если бы он только посидел прилежно за столиком возле играющих, он бы пустился [рисковал.] потом.

<Швохнев>. Да вот мы попробуем. Мы будем с Кругелем [Далее начато: как] играть здесь в стороне. Только я думаю во всяком случае не нужно к нему <показывать> внимания. Старики народ подозрительный.

<ЛАКЕЙСКАЯ>

Театр представляет переднюю. С одной стороны дверь на лест<ницу> и другая в кабинет по середине. У стены деревянная лавка.

Петр, Иван и Григорий сидят на ней и спят, уткнувши головы один другому в плечо. В дверях звенит [гремит] громкий звонок. Лакеи пробуждаются.

Григорий. [Петр] Ступай, отвори дверь, звонят.

Петр. Да ты что ж сидишь? На ногах [Небось] у тебя пузыри что ли, встать не можешь?

Иван (махнув рукой). Ну уж я пойду, так и быть, и отворю (Отворяет дверь).

(Входит чужой слуга в картузе и в шинели, с узелком в руке).

Григорий. А, московская ворона, откуда?

<Чужой лакей>. Ах ты, чухонский сын. Побегал бы ты с мое. Вон (подымая уз<ел>ок) к цветочнице велела снести, что на Петербургской стороне. Небось четвертака на извозчика не дала. Что, ваш спит?

<Григорий>. Кто? медведь? нет, не рычал

из берлоги.

Петр. Правда ли, что барыня ваша дает вам чулки? (Григорий смеется).

Григорий. Ну уж ты, брат, будь теперь штопальница. Уж мы так и звать тебя будем.

Чужой лакей. Врешь, а вот же и не штопал никогда.

Петр. Да ведь у вас известно: дворовый человек до обеда повар, а после обеда, смотришь, уж он и кучер или там лакей.

<Чужой лакей>. Ну да что ж, ремесло другое не помешает, не сидеть же без дела. Ну, конечно, я и лакей и портной, и на барыню шью и на других тоже, копейки <добываю>. А ведь вы ж ничего не делаете <1 нрзб.>

<Григорий>. Нет, брат, у хорошего барина так лакея не займут другой [Далее было: какой подлой] работой. На то есть мастеровой. Вон у графа Булкина. Тридцать, брат, человек слуг одних. [Далее было: вот как] И уж всякий свое. Один, например, почистит что-нибудь и уж <1 нрзб.> уж там, брат, нельзя так: «ей, Петрушка, сходи-ка туда». «Нет», мол скажет, «это не мое дело, извольте приказать Ивану». Вот оно как. Что значит барин важный. [Свер-

ху этой фразы приписано три неразборчивых слова.] Вот ваша пиголица из Москвы приехала к вам, коляска-то орех раскушенный, веревками хомут связан.

Чужой лакей. Ну, ты, смехун, а ведь что ж из того, что ты лежишь весь <день>, ведь за то ж и копейки <нет>.

<Григорий>. На! Да что ж мне? А барин-то зачем. Ведь же он всё мне жалованье-то выдает [ведь всё же выдает] всё таки. Зачем мне копить? А на старости мне и пансион выдадут, вот как у нас.

<Чужой лакей>. Что, говорят, ребята [ребята ваши] бал затеяли?

<Петр>. Да, брат, а ты будешь?

<Чужой лакей>. Да ведь что ж это бал? только чай слава, что бал.

<Григорий>. Нет, брат, бал на всю руку. По целковому дают и <1 нрзб.> [иные <?> пожертвовали по пять] Княжой повар дал пять рублей и сам стол будет <готовить>. Угощение будет не то, что орехи, тут <1 нрзб.> уж полпуда конфект и мороженое <?>.

(Слышен тоненький звонок из барского кабинета).

<Чужой лакей>. Ступай, звонит барин.

<Григорий>. Подождет. Люминацию зажгут. Музыка уж торговали, но только не сошлись, да и баса нет, а то уж было <?>

(Слышен громче звонок из кабинета).

<Чужой лакей>. Ступай, ступай, звонит!

<Григорий>. Подождет. Ну ты [Ну, брат] сколько даешь?

<Чужой лакей>. Да что ж этот бал? Всё ведь это так...

Григорий. Ну, развязывай кошму, ты штопальница. Ведь вон смотри, Петрушка, <на> него <2 нрзб.> (В это время, отворяется дверь из кабинета и рука барина, одетого в халате, схватывает Григория за ухо. Все лакеи подымаются с мест).

<ОТРЫВОК>

М.<арья> П.<етровна>. Да, я хочу, чтоб ты служил в военной.

М.<иша>. Как, матушка, да ведь я уже в титулярных советниках — как же мне вступить теперь в военную службу? Ведь в военной службе нужно снова с юнкеров. Другое дело, если б это было сначала, когда я еще не начал служить. Но теперь, вы сами рассудите, из титулярного советника да махнуть в юнкера.

М.<арья> П.<етровна>. Ну что ж, послужишь юнкером, а потом произведут в офицеры.

М.<иша>. Ну что ж вы нашли во мне военного? И фигура моя совершенно не военная. [Далее было: ведь чтобы] Я таки, слава богу, и толстенок немножко, а как надену юнкерский мундир с коротенькими хвостиками, со-вестно даже будет смотреть. [и толстенок немножко: что ни говори, а ведь это будет просто бог знает что, когда меня нарядят в юнкерский мундир с коротенькими хвостиками, которые будут оканчиваться почти на

спине. Совестно даже будет смотреть. Судьба же меня наградила мясами плотными.]

М.<арья> П.<етровна>. Нет нужды. Всего только год или много два побудешь юнкером, а потом произведут сейчас в офицеры. Будешь носить мундир с длинными фалдами и совершенно закроешь свою толщину, так что ничего не будет заметно. При том это и лучше, что ты немного толст. Скорее пойдет производство и уж генералом непременно будешь. [а. скорее произведут в генералы б. скорее пойдет производство и непременно попадешь в генералы в. скорее пойдет производство и непременно будешь со временем генералом.] М.<иша>. Так уж если так, [Так уж коли так] по штатской я скорее могу добраться. Ведь я теперь уже титулярный, за титулярным коллежский ассесор, а там уж и пошло: надворный, коллежский, статский советник, а там и действительный статский. Видите как скоро. Там начинай еще с юнкера, а здесь я уже капитан, потому что титулярный тот же капитан.

М.<арья> П.<етровна>. Пожалуста перестань. Это слово «титулярный» тиранит мои

уши. Так и представляется утиральная салфетка. В военной службе гораздо выгоднее служить, и государь больше обращает внимания. Словом, я хочу, чтобы ты служил в гвардии. Я не могу смотреть на штафирку. Это просто я тебе сказать не могу, какое рождает во мне омерзение.

М.<иша>. С этой-то стороны натурально выгоднее в военной. Я это знаю, матушка. Да ведь для этого нужно, чтоб и ноги были слабые, и на лошади бы лихо ездил, и голос чтобы был звонкий, и тоже рост и талия окладистее.

М.<арья> П.<етровна>. Приобретешь всё это, приобретешь. Я хочу, чтоб ты непременно служил. Уж на это есть очень важная причина. [На это есть еще особенная очень важная причина]

М.<иша>. Да какая же причина, матушка? [а. Извольте, матушка б. Конечно, если это ваша воля, то мне нечего в. Конечно, если это ваша воля, то я не хочу вас огорчать, я докажу вам, что я помню, чем обязан сын матери, и я готов вам повиноваться даже в этом, хоть это, признаюсь, и не очень бы мне хотелось. Но за

то вы должны мне сказать, какая это причина?]

М.<арья> П.<етровна>. Ну, уж причина важная. [а. Причина очень важная, которой всей важности, может быть, даже и не поймешь ты б. Причина очень важная, которой всей важности ты, может быть, даже не поймешь.]

М.<иша>. Всё же, матушка, скажите какая. Всё же мне хоть убедиться<?> следует. [а. Да что ж это за причина такая б. Да что ж это за причина такая, всё-таки скажите, может быть, и пойму в. Всё-таки объявите, может быть, и пойму, г. Все-таки объявите, может быть, она <1 нрзб.>]

М.<арья> П.<етровна>. Ну, где <нрзб.> быть <нрзб.> хорошо. Губомазова, эта дура, третьего дня у Рогожинских говорит и нарочно так, чтоб я слышала. А я сижу третьею: передо мною Софи Вотрушкова, княгиня Александрина, а за княгиней Александриной сейчас я. Что ж бы ты думал эта негодная осмелилась говорить? Я право так и хотела встать с места и, если б не княгиня Александрина, я бы не знаю, что я сделала. Говорит: «Я очень рада,

что на придворный бал не пускают штатских чиновников, это такой», говорит «mauvais genre. Что-то», говорит, «ни сё, ни то, ничего», говорит, «нет рыцарского благородного. Я рада», говорит, «что мой Алексис не носит этого скверного фрака». [а. Нечистые такие, на руках у них табак и ничего благородного. Как я рада, что мой Алексис не носит этого скверного фрака и не знается с этою сволочью, б. Что-то, говорит, неприятное такое] И с таким же манством и тоном всё это произнесла. Так право я не знаю, что бы сделала. А ее сын дурак набитый, только и знает, что подымать ногу. Такая противная мерзавка.

М.<иша>. Как матушка? так в этом вся причина?

М.<арья> П.<етровна>. Да, я хочу назло ей, чтоб мой сын тоже служил в гвардии и был на всех придворных балах.

М.<иша>. Помилуйте, матушка, из того, что она дура...

М.<арья> П.<етровна>. Нет, я уж решилась. Пусть-ка она себе треснет с досады. [Далее было: а я употреблю] Пускай побесится.

М.<иша>. Да как же, матушка, вы жертвуете-

те...

М.<арья> П.<етровна>. О, я ей покажу. [Далее было: а. я ей употреблю б. я ей дам знать] Уж как она хочет, а я употреблю все старания, и мой сын будет тоже в гвардии. Уж хоть чрез это потеряет, а уж непременно будет.

М.<иша>. Да что вам, матушка, на нее глядеть?

М.<арья> П.<етровна>. Как! чтобы я позволила всякой мерзавке дуться перед собою и подымать и без того курносый нос свой. Нет, уж вот этого-то никогда не будет. Уж, как вы себе хотите, Наталья Андреевна.

М.<иша>. Да ведь разве вы этим досадите ей? [Да ведь, что ж ей прибудет от этого?]

М.<арья> П.<етровна>. Чего другого, а уж этого-то не позволю. [Ни за что, ни за что не позволю ругаться, издеваться над собою, чего другого, а уж этого-то не позволю.]

М.<иша>. Извольте, матушка. Я вижу вас ничем нельзя урезонить. Но только право это такого рода... я не знаю... мне кажется, я сам лопну со смеху, как увижу себя в мундире. [а. Извольте, я согласен, хоть нечего делать, мне самому станет смешно, как вдруг в мундире б.

Извольте, я согласен, но только, ей богу, матушка, я сам, мне кажется, умру от смеху]

М.<арья> П.<етровна>. Ничего, гораздо благороднее этого фрака. [Теперь я еще хочу поговорить с тобою об деле, тоже очень важном. Послушай, я хочу женить тебя]. [Зачеркнутые фразы не заменены новыми; первая фраза реплики вписана.]

М.<иша>. Да ведь я еще не того...

М.<арья> П.<етровна>. Что не того?

М.<иша>. Да как вам сказать, я еще не чувствую расположения.

М.<арья> П. <етровна>. Почувствуешь расположение тотчас, как только я тебе скажу на ком, на ком. Ну вот на ком. Лучшей уж никак не выберешь: и по службе много доставит, и в чинах выиграешь, словом я хочу женить тебя на княжне Шлепохвостовой. [Вместо: <Миша>. Да как — Шлепохвостовой: М<иша> Ничего. Я... Да вы какую хотите партию?

М.<арья> П.<етровна>. Прекрасную; и по службе много доставит и в чинах выиграешь, словом я хочу женить тебя на княжне Шлепохвостовой.]

М.<иша>. Да ведь она, матушка, дура пер-

воклассная.

М.<арья> П.<етровна>. Вовсе не перво-классная, а такая, как и все другие. [а так, как и все другие] Прекрасная девушка; вот только что памяти нет, иной раз забывается, скажет невпопад, [Прекрасная девушка; памяти только нет немного, забывается иной раз скажет невпопад] но это от рассеянности. А уж за то вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумает.

М.<иша>. Да, помилуйте, куды ей сплетничать, она насилу слово может связать, да и то такое, что только руки расставишь, как услышишь. Мне кажется, матушка, женитьба это дело сердечное. Нужно, чтобы душа.

М.<арья> П.<етровна>. Ну так! Я вот как будто предчувствовала. Всё это масонские правила. Всё это от Рылеевских стихов. Я знаю, кто тебе внушил всё это. Всё это скверный Собачкин. [Начата правка последних трех фраз: Всё это <2 нрзб.> в журналах. Опять <нрзб.> Брось я говорю тебе эти глупости.]

Миша. Помилуйте, матушка, я <4 нрзб.> [Фраза вписана.]

Марья Петровна. Всё это сбил тебя с толку

<2 нрзб.> Я знаю, кто тебе внушил всё это. [Реплика вписана.]

М.<иша>. Уж в этом [Уж за это] Собачкина решительно нельзя винить. Он надо мною никакой не имеет власти. Собачкин мерзавец и картежник и всё, что хотите, но тут он решительно не виноват ни телом ни душою.

М.<арья> П.<етровна>. Ах, боже мой, какой ужасный человек! Я испугалась, когда его узнала. Без правил, без добродетели; какой гнусный, [какой гнусный человек] какой гнусный человек! Если бы ты знал, что такое он разнес про меня! Я три месяца не могла никуда носа показать! Что у меня подают сальные огарки, что у меня по целым неделям не вытирают в комнатах полы щетками, [Далее было: я вся краснела] <нрзб.>, что я выехала на гулянье в карете <?>, связан<ной?> веревками. [что я выехала на гулянье и на лошадях<?>, хомут был связан] Я более недели была больна. Я не знаю, как я могла перенести это. Подлинно, одна вера в провидение подкрепила меня.

М.<иша>. Ну, вот видите сами, матушка.

М.<арья> П.<етровна>. Я сказала, чтоб он

не смел мне на глаза показываться, и ты одним только можешь оправдать себя, когда без всякого упорства сделаешь предложение княжне и лучше если сегодня.

М.<иша>. Ну, матушка, а если уж <?> никаким образом нельзя этого сделать.

М.<арья> П.<етровна>. Как нельзя?

М.<иша>. Ну, решительная минута! Да если я влюблен в другую?

М.<арья> П.<етровна>. Вот еще новости, этих я совсем не ожидала. Кто была бы эта другая? [Реплика вписана.]

М.<иша>. Ах, матушка... [Ах, матушка, клянусь...] Если бы вы знали, клянусь, вы никогда еще не видели <?>... Лицом ангел, прекрасна как нельзя вообразить себе. [Реплика вписана.]

М.<арья> П.<етровна>. Да чьих она? кто отец ее?

М.<иша>. Александр Александрович Одосимов. [Отец прекрасный человек во всех отношениях. Некто Александр Александрович Подкопытов.]

М.<арья> П.<етровна>. Одосимов! Фамилия неслышная. Я не слыхала про Одосимова. Да

что он за человек такой — богат? [Одосимов! Фамилия неслышная. Я не слыхала про Одосимова. Так себе, такое что-то. Ведь он не князь?]

М.<иша>. Человек удивительный, можно сказать редкий человек. [а. Нет не князь, но человек редкий, прямой человек б. Нет не князь, но человек правил редких, прямой человек, который бы]

М.<арья> П.<етровна>. И богат?

М.<иша>. Вы не можете не восхититься. [И какого прекрасного сердца, и как воспитал дочь свою... <1 нрзб.> нельзя; если бы вы увидели ее, вы не можете не восхититься.] Нет я думаю человека в мире, который бы не был ею очарован.

М.<арья> П.<етровна>. (нетерпеливо). Да чин?

М.<иша>. [Чин небольшой на нем. Но, поверьте, матушка, что если бы <?> давать чины [давать чины человеку] по заслугам, то никто более его не был <бы> достоин... А уж его дочь... Ангел такой красоты].

М.<арья> П.<етровна>. Ну, да сколько за ней приданного?

М.<иша>. В других женщинах всё-таки хоть что-нибудь есть принужденного, выисканного, а у этой решительно ничего. [Далее начато: а. Одни глаза б. Голубы<е>] Глаза одной чистой голубизны <?>.

М.<арья> П.<етровна>. Ну да приданного сколько дает он за ней, скажи мне это?

М.<иша>. Приданого? Ах, матушка, позвольте насчет этого сказать мне откровенно свои мысли. Я знаю, вы убедитесь со мною. [а. Нет, матушка, и капиталу тоже нет или если и есть, то какая-нибудь разве самая безделица. Девушка небогатая, но сердцу редкого, кротка, добродушна, как голубица. Вы узнаете ее, полюбите, как дочь. Послушайте, матушка, я совершенно другим образом думаю о женитьбе б. Нет, матушка добродушна, как голубица. [Вы] Но если бы вы знали, что за девушка, клянусь, этакой [и при дворе] во всем Петербурге, ни при дворе <?>] Меня, признаюсь, бесит, когда я вижу, как богатый женится на богатой. Мне кажется [право, как] будто он дерет последнее лохмотье с нищего. Женитьба это дело, как будто данное свыше, чтобы уравнивать и примирить несправедливость

судьбы. Ну, представьте себе, полюбил <?> человек, достойный человек с образованием, с умом, с душою и с сердцем человек, ему не повезло в жизни. [Ну, представьте себе, например, полюбил <?> человек, достойный человек с образованием, с умом, с душою и с сердцем человек ему не посчастливилось] Может быть, самая честность не позволила ему составить состояние. Единственный путь мог быть для него женитьба. И справедливо ли делает какая-нибудь богатая невеста, когда мимо его редких достойнее и прекрасного сердца выберет себе богача для того только, чтобы прибавить к своему богатству, с которым она и без того не знает, что делать, еще лишнее богатство. Всё равно, если бы пешеход сверх шубы да натащил еще на себя шинель, когда ему и без того жарко. Когда бедный женится на бедной, я готов не допустить, если только это делается на риск. И невеста бедная должна выходить за богатого. Богатый должен жениться на бедной. Состояния у нас, слава богу, довольно. Я, может быть, еще кое-что приобрету со временем.

М. <арья> П.<етровна>. Довольно, доволь-

но, больше не в силах терпеть<?>. Это <1 нрзб.> знаю ведь, [Ах, боже мой, какое злое сердце у него. Как я <?> несчастна. Ах, боже, я не хотела [это значит влюбился] это знаю ведь] влюбился <в> потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, занимающуюся ремеслом еще, может быть, в сотую хуже.

М.<иша>. Матушка...

М.<арья> П.<етровна>. Отец пьяница, [Которой отец, без сомнения, пьяница.] мать стряпуха, родня кварташки или служащие по питейной части. И это я должна слушать от родного <сына>. [О, боже! думала ли я слышать это от родного сына, для которого я не щадила жизни] Думала ли я, что мой сын [мой собственный сын] хочет умертвить меня. Нет, я не переживу этого...

М.<иша>. Но, матушка, позвольте...

М.<арья> П.<етровна>. Боже мой, какая теперь нравственность у молодых людей. Нет, я не переживу, клянусь, я не переживу <?>. Ах! Голова моя кружится. Ах, в боку колика, ой, ой! Колика... [Ох! Я не переживу этого. Голова моя кружится, в боку у меня страшная колика...] Машка! Машка, склянку!.. Я не знаю,

проживу ли я до вечера, жестокий сын!

М.<иша> (бросаясь). [(про себя)] Маменька, вы несправедливы! Вот тебе и кутерьма: дурак <?>, не лучше ли было не говорить. [что мне делать, право? Ведь она [эдак] точно может таким образом [погубить] уморить себя. Вот уж никак не знаю [не научился], как обращаться с женщинами, и всегда был бестолков в этом. Далее было: Лакей (вход<ит>) б. Что с вами? матушка! Ах, боже мой! Она может]

М.<арья> П.<етровна>. И всё это наделал этот скверный Собачкин! Я не знаю, как до сих пор не выгонят эту чуму!

Лакей (входит). Собачкин приехал.

М.<арья> П.<етровна>. Как! Собачкин! Отказать, отказать, чтоб его и духа...

Те же и Собачкин.

Собачкин. Марья Петровна! Извините великодушно, что до сих пор у вас не был! Ей богу никак не мог. То есть вы поверить не можете, сколько дел. Знал, что будете гневаться, право знал.

М.<арья> П.<етровна>. Каков! Еще извиняется, что давно не был.

Собачкин. Как я рад, что вы, судя по лицу,

так свежи и здоровы. А братца вашего здоровья? Я, признаюсь, полагал у вас застать также Ивана Петровича.

М.<арья> П.<етровна>. Для этого вы бы могли отправиться к нему, а не ко мне.

Собачкин (усмехаясь). Я вам расскажу один преинтересный анекдот.

М.<арья> П.<етровна>. Я не охотница до анекдотов.

Собач<кин>. Об Наталье Андреевне Губомазовой.

М.<арья> П.<етровна> (любопытно). Как о Губомазовой?.. [Как, про Губомазову?..] Так это верно недавно случилось?

Собачкин. На днях.

М.<арья> П.<етровна>. Что ж такое?

Собачкин. Знаете ли, что она сама сечет своих девок?

М.<арья> П.<етровна>. Нет, что вы говорите? Ах, какой страм! Можно ли это?

Собачкин. Вот вам крест! Позвольте же рассказать. Только один раз велит она виноватой девушке лечь как следует на кровать, а сама пошла в другую комнату, не помню за чем-то, кажется, за розгами. В это время де-

вушка за чем-то выходит, а на место ее приходит Натальи [Анны] Андреевны муж, ложится и засыпает. Является Наталья Андреевна, как следует, с розгами (нюхая табак), велит одной девушке сесть ему на ноги, накрыла простыней и высекла мужа.

М.<арья> П.<етровна>. Ах, боже мой! какой страм! Как это до сих пор ничего об этом не знала? Я вам скажу, что я почти всегда была уверена, что она в состоянии это сделать.

Собачкин. Ну, натурально, помилуйте, я всегда это говорил. Свет толкует: примерная жена, сидит дома, занимается воспитанием сына, учит детей по-аглицки. Какое! примерно всякой день сечет мужа, как кошку. Мне жаль, что я не могу у вас пробыть подолее [а. Зла, как чорт. Как мне жаль, что я не могу у вас пробыть подолее. Мне нужно теперь спешить (раскланивается). б. [В этом] А что касается до Анны Федоровны, то она женщина совершенно в этом роде. Ведь отец ее тоже весь век был под судом, и женился под судом и если бы не перемерли его противники и самые судьи, то он бы непременно отправился в Сибирь.] (раскланивается).

М.<арья> П.<етровна>. Куда ж это вы, Андрей Кондратьевич? Не совестно ли вам, столько времени не бывши... Я всегда привыкла вас видеть, как домашнего друга... Оставайтесь. Мне хотелось еще с вами переговорить кое о чем. Послушай, Миша, у меня в комнате дожидается каретник. Пожалуста, переговори с ним. Спроси, возьмется ли он переделать карету [Спроси, может ли сделать карету] к святой. Цвет чтобы был голубой с светлую уборкою, на манер кареты [той кареты] Губомазовой.

М.<иша> (уходя). Ну вот, человек знает, как повести дело с женщинами. [а. Этот плут знает очень хорошо, как обходиться с женщинами. б. Ну вот, человек знает, как говорить.]

М.<арья> П.<етровна>. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить с вами наедине. Скажите, вы верно знаете, есть какой-то Александр Александрович Одосимов, [Здесь и в следующей реплике осталось неисправленным: Подкопытов]

Собачкин. Одосимов, Одосимов, Одосимов. Знаю, что есть где-то Одосимов. А впрочем я могу [об этом] справиться.

М.<арья> П.<етровна>. Пожалуста. [Сделайте милость, вы меня очень обяжете.]

Собачкин. Помню, помню, есть Одосимов [Подкопытов] столоначальник или начальник отделения, я знаю, есть.

М.<арья> П.<етровна>. Вообразите, вот в чем дело: [Далее было: а. сын мой влюбился до безумия б. сын мой влюбился без памяти] вы мне можете сделать великое одолжение. [величайшее одолжение]

Собачкин. Вам стоит только приказать и для вас я готов на всё: вы сами это знаете<?> [Начато: а. Я б. Вам стоит только приказать и готов для вас на всё, решительно на всё]

М.<арья> П.<етровна>. Итак вот в чем дело. Мой сын влюбился, то есть не влюбился, зашло просто в голову сумасбродство, ну, молодость, словом он бредит [Мой сын влюбился, то есть не влюбился, а знаете зашла в голову... молодой человек... ну сумасбродство, словом он бредит] только дочерью этого Одосимова. [Подкопытова]

Собачкин. Бредит... Я не слыхал от него об этом. Ну да впрочем конечно, бредит, это правда. [Я впрочем не слыхал от него об этом.

Однако ж уверен. Да, это правда. Вы правы.]

М.<арья> П.<етровна>. Теперь видите ли, Андрей Кондратьевич, вы, [вас] я знаю, вообще очень нравитесь женщинам.

Собачкин. Хе, хе! Да почему вы это думаете? А ведь точно. Вообразите, на мас<леной> три купчихи вдруг... Да что! Вот это лучше. Вообразите, что я обронил перчатку и в ту же минуту пошла [пошла тотчас] по рукам, чуть не дрались; а третьего <дня> так еще лучше: [а. Хе, хе, хе! То есть я право сам не знаю, а нравиться-то я очень нравлюсь. Вообразите, что [в самый новый год] на масленой в меня влюбились шесть разом, с честью уверяю, и что страннее, как я обронил перчатку и пошла тотчас по рукам, чуть не дрались, а третьего <дня> так еще лучше б. Хе, хе! То есть я право ~ на масленой все купчихи первой гильдии... Да что <?>, что я говорю, все купчихи <конец фразы не поддается прочтению>] две сестры сошли с ума. Одну отправили в монастырь, а другая так и осталась в сумасшедшем доме. И каждый год по вскрытии Невы всегда находят две-три утонувшие женщины. Я уж только молчу, потому что из этого в та-

кую историю попадешься. Меня<?> точно любят. А ведь за что <бы> [Край листа оторван.] кажется? Лицом нельзя сказать, чтобы...

М.<арья> П.<етровна>. Ну, [Ну, лицо] полно, полно, Андрей Кондратьевич. [Далее было начато: Как будто] Все знают, что нет прият<нее> вашего лица. Собачкин. Нет. А ведь знаете, что еще в школе, когда был мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдет, чтобы не ударить пальчиком под бороду и не сказать потом: плутишка, как хорош! М.<арья> П.<етровна> (в сторону). Экая рожа. Обезьяна совершенная, а еще воображает, что смазлив. [а думает, что хорош] Послушайте, Андрей Кондратьевич, вам это ничего не стоит с вашей наружностью. Дело вот какое. Мой сын влюблен до дурачества в эту девчонку. Он уверен твердо, что она [что это] совершенная доброта и невинность. Нельзя ли как-нибудь... То есть не найдете ли вы каких способов, чтобы знаете представить ему ее не в том виде, немножко, что называется, замарать. Хоть вы ничего, положим, не сделаете над нею и она не сойдет с ума от любви по вас, но... [и она не будет так очарована]

Собачкин. Марья Петровна, не говорите, сойдет непременно, сойдет, просто честное слово, [а. О, нет, сойдет непременно, сойдет, [вот вам] б. О, не ручайтесь, ей богу не ручайтесь, Марья Петровна, сойдет, непременно сойдет] голову дам отрубить, если не влюбится в меня по уши. Ведь я вам скажу, Марья Петровна, [Наталья Андреевна] что со мной не такие были истории. Вот еще на днях...

М.<арья> П.<етровна>. Ну, как бы то ни было, сойдет, так еще лучше, но покажите, по крайней мере, что как будто вы в связи и сделайте так, [чтобы это] дошло до моего сына. [Ну, хорошо. Я в этом уверена. Впрочем, всё равно, если она влюбится в вас или не влюбится, но вы покажите, как будто она в вас люблена, то есть как будто вы в связи с ней и эдак совершенно доказанной и [обо всём этом] сделайте так, чтоб это дошло чрез верные руки до моего сына]

Собачкин. До вашего сына? [Чрез верные руки до вашего сына?]

М.<арья> П.<етровна>. Да, до моего сына.

Собачкин. Да.

М.<арья> П.<етровна>. Что да?

Собачкин. Ничего, я так, да.

М.<арья> П.<етровна>. Разве вы находите, что это будет для вас трудно? [Что это недействительно?]

Собачкин. О нет, ничего. Но все эти влюбленные, то есть вы не поверите, у них такие несообразности и ребячества разные: [а. и ребяческие разные шутки б. и ребяческие шутки разные] то пистолеты, [Далее было: то сабли] то чорт знает что так... Конечно, я вовсе не того, чтоб этим как-нибудь... но, знаете, неприлично в хорошем обществе.

М.<арья> П.<етровна>. О, насчет этого будьте покойны: положитесь на меня, что я не допущу его до этого.

Собачкин. Впрочем, я так только заметил. Поверьте, Марья Петровна, что для вас, если б пришлось точно порисковать где-нибудь. [Поверьте, что если бы где пришлось для вас] жизнью, то с удовольствием, ей богу с удовольствием. Я вас так люблю, что, признаюсь, даже совестно говорить. Как честный человек. Ах вот... хорошо, что я теперь вспомнил кстати. [очень кстати] Я попрошу у вас, Марья Петровна, занять [снабдить] мне тысяченки

две, только пожалуста ассигнациями. Мне не хочется теперь заезжать домой. Позабыл на столе книжник.

М.<арья> П.<етровна>. Две тысячи! (В сторону). Что с ним делать? Дашь — замотает, а не дашь — распустит но городу такую чепуху, что мне никуда нельзя будет носа показать. И мне нравится, что еще говорит, позабыл книжку. Книжка-то у тебя есть, я знаю — да пуста. А нечего делать, нужно дать. (Вслух). Извольте, Андрей Кондратьевич, только нельзя ли вам будет немножко обождать? Я вам скоро принесу.

Собачкин. Очень хорошо. Я посижу здесь в гостиной.

М.<арья> П.<етровна> (уходя в сторону). Без денег ничего мерзавец не может сделать.

Собачкин. Да, две тысячи мне теперь очень пригодятся. Долгов-то я отдавать не буду. Сапожник подождет и портной подождет, и Анна Ивановна подождет. Зачем ее баловать, пусть подождет. Конечно <раскричится?>, да что ж делать, деньги нельзя сорить, а с ней довольно и любви моей, а платье, врет, у ней есть. [баловать ее не за чем, криклива

только проклятая, ну да довольно с нее и любви, зачем же ей деньги, а платье, врет, у ней есть. Эта фраза, как и окончательная ее редакция, вписана] А вот лучше что. Скоро будет Петергофское гулянье. Колясочка моя хоть новая, да ведь ее всякой уже знает. [Колясочка моя уже старая, всякой знает] А я прибавлю к ней две тысячи, да выменяю ее теперь <?> на [такую] колясочку самую последнюю, каких <?>, может быть, только <?> одна или две будет на всем <гуляньи>. Дорого, да что ж делать <2 нрзб.> так искусно запущу <?> [загну <?>] на всех эффект. Да, а между прочим [Да однако ж] нужно подумать о порученьи Марьи Петровны. Благоразумнее всего, кажется, начать с любовных писем. [Вместо «Долгов-то ~ любовных писем» было: Долгов-то я теперь отдавать не буду, чорт их побери, а куплю-ка я рысака и лихие сани. Нечего таить, люблю ужасно хорошего рысака. Прокачусь таким чортом на петергофском гуляньи: «Эх, вы». Закажу новый фрак. Уж задам себе точно объядение на славу. Только [как] не знаю, как сладить с комиссией Марьи Петровны. Мне кажется, начать нужно с любовных писем.]

Написать письмо от этой девушки будто бы ко мне, да и выронить как-нибудь нечаянно при нем, или вынимая что-нибудь из кармана, позабыть на столе в его комнате. Конечно, может выйти что-нибудь плохо. Да, впрочем, что ж? Надаёт ведь только тузанов. Тузаны ещё ничего; конечно, больно, да ведь не до такой уж степени, чтобы... да ведь я могу и удрать и если что, то в спальню [удрать прямо в спальню] Марьи Петровны и прямо под кровать к ней и пусть-ка оттуда он меня вытащит. Но, главное, как написать письма? Смерть не люблю писать, т. е. просто хоть зарежь! Чорт его знает, [Чорт его побори] так, кажется, на словах всё бы [так, кажется, всё б<ы>] славно изъяснил, [Далее было: даже с выраженьями [бы] и периодами, со всем] а примешься за перо — нет. Разве вот что: у меня есть кое-какие готовые письма, [ведь у меня кое-какие есть готовые письма] ещё недавно ко мне писанные, фамилию только подскоблить, да на место ее написать другую. [Далее было: А что ведь, право, выйдет хорошо] Пошарим [Посмотрим-ка] в кармане, может быть, тут же посчастливится [Вместо «мо-

жет ~ посчастливится»: у меня любовных писем недостатка не бывает] (вынима<я> из кармана), хоть бы это, например: «Я очень слава богу здорова но весьма огорчина и занемогаю от боли. Али вы душинька совсем позабыли. Иван Данилович видел вас душинька в тиатере. И то пришли бы успокоили виселостями разговора». Чорт возьми, кажется правописания <нет>, да и чересчур <?> что-то... не поверит. [Кажется правописания совсем нет] «Я для вас душинька вышила подвязку». А! и разносилась с нежностями. Нет, это не годится. Что-то уж буколического много, Шатобрианом пахнет. [Уж черес<чур> много этакого буколического] Прочитаем-ка это: «Любезной друг!» Нет, это не «любезной друг». Так что же? Может быть, другое? Ну, нежнейший, дражайший? Нет, не то. «Ме..е... е... рзавец!» Хм. «Если ты коварный обольститель моей невинности не отдашь задолжаннные мною на мелочную лавочку деньги, которые по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа, то я в полицию». Ну, это гадость и неприли<чие>, фи, что за выражения, что за правила! Можно, конечно, обо всем сказать,

но можно сказать благопристойно. [Ну, это чорт знает что. Это не в том роде, да и нет при том ни чувств, ни хороших выражений] А ну, посмотрим еще это. «Жестокий тиран души моей» Э! это что-то хорошо. [А, вот хорошо] Однако ж ведь видно сейчас [Ведь видно сейчас] воспитание. «Тронься сердечной моей участью!» Право недурно! Вот по началу <?> уж можно видеть, [Ведь вот сначала видн<о>] как поведет себя человек. Вот как нужно поступить! И хорошо и чувствительно, от то<го?> и благородно вместе с тем. Я так уверен, что даже не перечит<ывая> подписываю. Только не знаю, как выскоблить. А, да не подписано! Еще лучше! Само собою обделалось славно. Говорят: наружность вздор; [Далее было: а ведь вот] а ну не будь смазлив, ведь не написали б тебе этих писем, а не написали бы писем и не знал бы, как взяться за это дело. (Подходит к зеркалу). Сегодня опустил немного. А то ведь иной раз точно: прям и <?> хорош, и что-то даже <?> значительное бывает <?> Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсем был похож на государя. Не знаю только как, запустить ли бакенбарды под гал-

стук, или уж оставить их так, да здесь под губой как-нибудь завести империалку. [Вместо «Право недурно ~ завести империалку»: Прекрасно, я так уверен в благородстве ее чувств и слога, что даже не перечитываю и готов подписать. Это самое письмо я ему и подкину. А ведь как кстати прислужилось. Вот как выгодно быть смазливym. (Подходя к зеркалу). [Еще] [так только] сегодня опустился немного. А то ведь иной раз точно: жаль только, что зубы скверные, а то бы совсем был похож на государя. Не знаю, запустить ли бакенбарды под галстук, или оставить так, а под губой завести империалку.]

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ ДИАЛОГА МАРЬИ ПЕТРОВНЫ И МИ- ШИ

(Начиная со слов Миши: «Ну матушка, а если<?> никаким образом», и кончая словами Марьи Петровны: «дочь какого-нибудь фурьера, занимающуюся ремеслом еще, может быть, в сотую хуже»).

М.<иша>. Ну, матушка, а если уж я... как бы вам сказать. Если уж мое сердце принадлежит другой.

М.<арья> П.<етровна>. Как другой? Это с какого резону? Кто ж эта другая? я не знаю?

М.<иша>. Нет, матушка, вы ее, я думаю, не знаете.

М.<арья> П.<етровна>. Да чьих она? кто отец ее?

М.<иша>. Отец превосходный человек, редкий отец. Некто Александр Александрович Подкопытов.

М.<арья> П.<етровна>. Подкопытов. Фамилия неслышная. Я не слыхала про Подкопытова. Кто он, князь?

М.<иша>. Нет не князь, но чудесный человек.

М.<арья> П.<етровна>. Так что ж, так генерал?

М.<иша>. Нет, не генерал.

М.<арья> П.<етровна> (нетерпеливо). Так что ж, какой чин на нем?

М.<иша>. Чин так... нельзя сказать, чтоб очень большой... вертится около моего.

М.<арья> П.<етровна>. Фи. Титулярный.

М.<иша>. Да, или титулярный, или эдак какой-нибудь небольшой тоже <?>, но утештесь, матушка, человек правил редких, чело-

век, который достоин того, чтоб его сейчас сделали генералом. [Да или титулярный или что-то подобное, но человек правил редких, человек, которого можно сейчас сделать генералом и будет достойней многих]

М.<арья> П.<етровна>. Так что ж? У него разве две тысячи душ?

М.<иша>. Нет, двух тысяч у него не будет.

М.<арья> П.<етровна>. Сколько ж?

М.<иша>. Сколько?.. Да душ у него, кажется, ничего почти нет.

М.<арья> П.<етровна>. Стало быть, всё капиталом?

М.<иша>. Нет, матушка, и капиталу тоже нет или если и есть, то какая-нибудь безделица — разве самая безделица. Девушка небогатая, [Девушка редка<я>] но сердца редкого, кротка, добродушна, как голубица. Вы узнаете ее, полюбите как дочь. Послушайте, матушка, я совершенно другим образом думаю о женитьбе. Меня, признаюсь, бесит, когда я вижу, как богатый женится на богатой. Мне кажется, как будто он [Кажется, право, будто, он] дерет последнее лохмотье с нищего. Женитьба это дело как будто данное свыше, чтобы урав-

нить и примирить несправедливость судьбы. Представьте себе, достойный человек, одаренный и качествами и умом, и вдруг ему не повезло, например, по службе, или его правдивая честность не позволила ему составить состояние. Единственный путь ему остается женитьба. И справедливо ли делает какая-нибудь богатая невеста, когда мимо его редких достоинств [И справедливо ли, если какая-нибудь богатая невеста мимо его редких достоинств] и прекрасного сердца выберет себе богача для того только, чтобы прибавить к своему богатству, с которым она и без того не знает что делать, еще лишнее богатство. [Далее было начато: а. Сверх, б. Хорош<о>] Всё равно, если бы пешеход сверх шубы да натащил еще на себя шинель, когда ему и без того жарко. Таким же самым образом и невеста бедная должна выходить за богатого. Богатый должен жениться на бедной. Состояния у нас, слава богу, довольно. Я, может быть, еще кое-что приобрету со временем. Теперь посмотрите, [Теперь послушайте] сколько я за одним делом сделаю добрых дел. [Далее было начато: Во-пе<рвых>] Прежде всего я устрою соб-

ственное счастье, потому что, сказать истину, подобной жены [такой жены] я не сыщу себе. Потом я сделаю счастливым редкого отца, которого, признаюсь, снедает, видимо, грусть, что не был в силах составить никакого состояния для своей дочери. Наконец, я сделаю дело угодно<е> богу, не давши погибнуть в нищете бедняжке. [не давши погибнуть сироте] виноватой за то, что отец ее не действительный тайный советник, а титулярный. Подумайте, матушка. Небо всегда на стороне сирот и невинности, а почтившие то и другое мы сами очутимся под покровительством неба. [мы сами приблизимся к небу]

М.<арья> П.<етровна>. Ах, боже мой, что я слышу, какая несчастнейшая я мать на свете. Какое злое сердце у моего сына. Влюбиться в какую-то потаскушку, негодную девчонку, дочь какого-нибудь фурьера, занимающуюся ремеслом еще, может быть, в сотую хуже.

НАБРОСОК ДИАЛОГА СОБАЧКИНА С МАРЬЕЙ ПЕТРОВНОЙ

— Еще смеялась.

— И не слышала даже.

— [Ах] Да вы знаете — вот что жил возле

Софронова.

— И Софронова я никакого не знаю.

— Да. Так дочь его. Теперь сидит в монастыре: не перенесла. А мне, признаться, жаль девушки. Отец [сам] упрашивал, кланялся, и ведь приданое богато. Но так как-то: вспомнил волю, свободу холостой жизни... А по вскрытии Невы всякий год ведь всегда находят двух-трех утонувших женщин. Я уж только молчу. Я уж только так, как будто бы и не я, потому что, бог знает, в такую историю можешь попасться, [попадешься] что потом и не выпутаешься.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ

I. ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Мне душно и тяжело. Какое-то странное чувство облегло меня. [Было начато: а. Странное чувство об<легло> б. странное чувство меня обнимало <?>] Ни рукоплесканья, ни вызовы, ни смех, потрясающий толпу <1 нрзб.> и что неволью <?> <2 нрзб.> произвели во мне, не восторгнуло состояния духа моего. Нет, не их, не их, не их, — я бы желал слышать все толки и мненья всех возможных классов толпы, [Далее было: сужденья всех словий, всех людей вследствие характера мысли каждого] чтоб всякой зритель, от райка до кресел и лож, заговорил вдруг и пересказал свои впечатления своими собственными словами, еще не услышав сужденья знатоков, законодателей мыслей каждого. [Сюда, по-видимому, относится фраза, приписанная сверху: Своими словами так, как оно почувствовано в простоте] Я бы хотел вдруг разом увидеть все свои пороки и ошибки, вдруг уви-

деть все слабые стороны моего произведенья. Попробую, не пошлет ли судьба мне счастья, лучше которого не выдумаешь для писателя. Прислонюсь [а. Дождусь б. Спрячусь] здесь к этой [а. под б. у эт<ой>] арке и дождусь выхода всей толпы. [Далее было: Не услышу <?> ли речей о себе] Казалось бы, свежее впечатление побудит многих заговорить от души, в первую минуту чувство невольно. Смех! О, ш..! Кто-то идет. (Прячется).

— Нет, я не останусь на водевиль. Я пришел с тем, чтобы видеть новую пиесу. Смешно, смешно. Есть много остроумного.

— Помилуйте, что за язык? Что за тон? Грязно ужасно. И я не понимаю: нет ни завязки...

— А в отношении литературного достоинства я не сужу. Это не мое дело, это не мое. Я сужу только так; говорю, что смешна, доставила мне удовольствие.

— Да и не смешна вовсе. Помилуйте! И какое ж тут удовольствие? Что ж тут смешного. Сюжет невероятный. [Далее было: Что ж тут смешного, что все дураки?] Чиновники дураки, обманывают друг друга... невероятно.

— Да я не говорю, чтобы она была смешна; а говорю только, что есть что-то...

— Да, помилуйте, что ж есть? Даже просто ничего нет.

— Да, конечно, ничего нет. Об этом что ж и говорить. [Далее было: а так прямо <?> конечно] Я и не хвалю его, прямо вздор, вздор. Странно бы и говорить, чтобы она была какое-нибудь хорошее произведение.

— Постой, брат, не убегай; поедем вместе. Ну, чорт возьми мне до сих пор смешно.

Все только разночинцы бегут к выходу.

Почтенный по наружности человек. [Далее было: Помилуйте] Живо, необыкновенно живо. Много верного, много с натуры. Но, помилуйте, зачем выводить это? К чему? для какой цели? Какая нам надобность, что в таком-то месте был плут и мошенник? Что тут утешительного?

Чиновник. Нет, это просто чорт знает что такое, этого нельзя позволять, подкоп, взрыв<?> всех властей. [Далее было: — Нет, брат, нужно выводить, пусть их видят]

Офицер с дамой. Ей вы, бороды! Что напираете! Разве не видишь, осел, дама?

Купец с дамой под руку. У самих, батюшка, дама.

— Нужно, нужно выставлять их на вид. Они бы, пожалуй, готовы царапать и плутовать и при этом сохранять благородную наружность и чтобы кроме их личин <?> ничего не выносил свет. Нет ничего противнее [Было начато: Противно мне] лицемерья, и всегда душе благородной душно должно быть, когда поражена лицемерьем.

— Помилуйте, [Но помилуйте] ведь это всё на театре — зрителем весь народ. Что скажет народ, увидевши, каковы у них начальники?

Один из толпы народа. А небось все побледнели, когда приехал наконец настоящий.

Другой. Экая теснота!

Один из приезжих. Молодец городничий! [Приписано: А народное <?> <2 нрзб.>]

Другой. Што этот городничий? [Далее было: Што батюшка] В нашем городе почище.

Один из купцов. Что он горячится, что купец? Ведь и дворяне тоже <?> пьют чай.

Голос. Да пустите вы! Экая теснота!

Голос женщины. Ах, батюшки! Меня совсем придавили! [Далее было: — все неверо-

ятности <?> <1 нрзб.>]

Дама. Но это, ваша воля, это — тяжелое чувство; признаюсь, мне неприятно.

— Наша карета должна быть с этой стороны.

— Нет, что ни говори, несообразность. Во-первых, самый сюжет невероятный. Это могло случиться разве <на> каком-нибудь Чукотском носе. До такой степени нельзя быть дураками, чтобы поверить и принять сорванца за рев<изора>.

Один. Не толкайся, не будь подлецом! Хочешь разве, чтоб и тебя вывели на сц<ену>?

Купец [Голос] (кричит, завидев приятеля).
Почтеннейший Иван Михеич!

— Здравствуйте, батюшка Прохор Пантелеич!

Купец. Один, али с сожительшей?

— Один, батюшка! Ну, что, батюшка, как полюбилось тебе?

Купец. А что ж? И поделом: не будь купец подлец!

— Ах, Иван Михеич, так вы так-то, видно, стоите за своих?

— Нет, батюшка, извините: подлецов я не

считаю своими. Будь у меня родной сын подлец, я ему [я ему прямо] <1 нрзб.> скажу: «Ты подлец, а не сын мне». [Далее было: Да-с, батюшка, подлеца нужно вывести на чистую воду. Автор хорошо [вывел] сделал, что подлец<a>] Хорошо, что их выводят в посмеянье на сцену. Всякий честный купец должен желать, чтобы купцов-подлецов осмеивали, [осмеяли] как следует. Автор их всех отбрил: из дворян, из чиновников... из всех отбрил. «Вот вам», говорит, «честные люди, посмейтесь-ка вдоволь над подлецами!» И, признаюсь, батюшка, я с удовольствием посмеялся. Мошенников руки я не стану держать никогда.

Один. [Вся реплика написана на поле без указания места в тексте.] Точь-в-точь такое происшествие случилось назад тому года три [Далее было: я думаю было] в нашей дыре <?>, хуже было даже. [Далее было: а. приедешь домой, я тебе его расскажу б. В наш го<род>] Приезжаю в наш город... Постой, как выберемся, я тебе его расскажу.

Голос неизвестно чей. Искусно, гладко<?> подметил смешную сторону. Я бы хотел

узнать, [а. знать б. видеть] что он, служит? [служит где-то] Молодой человек?

Голос офицера. Ну, полезай скорее. Ты, брат, совершенно бабишься<?>. Каблуки сегодня там <1 нрзб.>

— Ты туда?

— Туда.

— Ну и так...

Чиновник полицейский. Нет, несообразно: Хлестаков слишком уж явно берет взятки.

Чиновник умеренных чинов (другому). [Было начато: Да — знаете ведь это] Вы говорите: смешно. Да ведь знаете ли, отчего смешно? Ведь это всё личности. Это всё он вывел своих же родных. Это всё, верно, или бабушки, или тетушки: городничий дядюшка, а те, верно, тоже какие-нибудь родственники.

Другой. Писанка имела рукоплесканья.

— Помилуйте: насажал в кресла своих приятелей — ну, и подняли. [Далее было: — Чорт возьми, мне, видно, придется здесь ночевать, никакой нет возможности выбраться из давки.]

— Ну, слава богу <1 нрзб.>, только теперь можно будет на него взглянуть<?>

— Помилуйте, грязная, отвратительная. Ни одно<го> лица нет настоящего. Всё карикатуры. Один слуга только и <1 нрзб.>

— Да что ж в ней нового? Помилуйте, что нового? Взятчники и прежде были, подлецы и прежде.

— Да, признаюсь, хоть бы в противоположность привел он хоть одного честного человека.

— Но что вы требуете? Мы <4 нрзб.> от этих писак. Но, помилуйте, вы принимаете это за важную вещь. Это пустячки, побасенки. Ну, пишется для того, чтобы прочесть да и сыграть<?>.

— Я было не поверил <?> даже. Уж одно то, что, говорят, автор невежа и был выгоняем из всех училищ. Что он мог сделать хорошего? Ну, вздор, побасенки [Конечно вздор, побасенки] — больше ничего.

— Всё, конечно, живо и ярко. Да к чему это?

— Нет, батюшка, нет! Это не безделка. Это вот куда направляется. Цель его поколебать основные законы правлений<?>.

— Вещь, которую ни в каком случае нельзя

позволять, возмутительная вещь! Я бы, просто автора [автора послал] за это в Сибирь!

— Смешно сочинено, но ведь это насмешки над правительством, над законами. [Фраза приписана сбоку без указания места в тексте.]

— Все уехали. И еще в несколько раз стало смутней и странней на душе моей. Что я слышал? Укоризны, странные упреки за небывалые вещи. Ни в ком сердечного участия и даже какое-то явное желанье воздвигнуть преследованье и гоненья, как против человека, опасного для общества и государства. О, мои соотечественники, что движет вашими словами — желание высказать собственное мнение, желанье общего блага, безотчетное и недоброжелательное, или невольное движение высказать первые попавшиеся слова, не размышляя, какой могут они произвести вред автору? Но какое вам дело <до> автора? Неистощимый толк противуречий! Разом обвиненья в несообразности и пошлости, в незначительности пиесы, и в пользе ее и в ужасном вреде, в незначительности и ничтожности подобных произведений и в какой-то таин-

ственной важности [важности их] политической. Нет, <не> из глубины души, не из глубины разума и опыта почерпнули вы обвинения! [произнесли вы все обвинения. Далее было: Высоким и разумным движением было подвинуто ко мне правительство наше] Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего.

Вы говорите: «К чему, зачем открывать это? Зачем в таком виде представлять народу?» И как опровержение всего одно простое слово, произнесенное [а. про<изнесенное> б. которое] тут же при выходе: «Небось побледнели, когда приехал настоящий». Да, простой человек такими мудрыми словами <определил> цель его. Он слышит гнев и великодушие закона, как при одном приближении уже смутились всеобщим страхом все неверные его исполнители, как скрыл этот могучий страх очевидную истину из <их> глаз, как отнял бог разум у тех, у которых его достало на то, чтобы превратно толковать <закон>, как омраченные испугом, произвели [наделали] они тысячи глупостей, и как всё наконец побледнело и потряслось, когда

предстал наконец этот грозный закон, завершивший пиесу, равно взирающий на сильных и бессильных. Нет, с верой и надеждой в высшее [высшее надо всеми] недремлющее правосудие выходит народ из театра и, освеженный, терпит и переносит несправедливость, если она случится, в твердой уверенности, что настигнет его грозный закон, недремлющий, [недремлющий над всеми] перед которым все равны — и сильные, и бессильные. Нет, не правительство здесь предано осмеянию, но те, которые не поняли [но не понявшие] правительство. Нет, не над законом здесь насмешка, но над превратными [над превратными их] толкователями законов, над отступниками его. Да, есть между вас люди, утверждающие [Далее было: Есть обвинители, говорящие] — Вы говорите; [Далее было: Где же] «Такого города нет вовсе <в> России, где бы было так много плутов». Зато и не назван этот город, и [он] вы сами говорите, что нет его. Вы сами слышите, что это город неправильных отступлений, [это сборный] что сюда собраны все уклоненья от закона и кроются по разному... сборный город всей тем-

ной стороны. Вы говорите: «Зачем не выставлено сюда хотя одного [одного доброго серд<цем>] возвышенного, благородного человека, на котором бы отдохнула душа?» Затем, что бледен и ничтожен был бы здесь добрый человек: он должен отдать свое бессильное место сильному закону. Затем: яркостью собранных преступлений и пороков уже рисуется сама собою противоположность в голове каждого. Уже обличается полная идея справедливого <?> человека в очах каждого, и всякому становится доступно и ясно, чего требует от него высшее правительство. [Далее было: Ибо благородно высшее правительство и не может быть иначе] Затем, чтобы видели все высокое значение правительства, уже носье<го> в своем величественном образе высокую противоположность всему грозному соединению всего порочного. Но я не знаю порочного чувства писателя. Мне <2 нрзб.> те речи, мне бы хотелось, чтобы был подвигнут участием сердечным хотя бы один... [Две последние фразы приписаны сбоку.]

Вы говорите, что выставлять порочное не достигает цели: осмеяние не действует на по-

рочных; но не лицемерны [но нелицемерны слова] ли были [были те] уста, произнесшие такие речи? Как важно, [Как возвышенно] значительно значенье осмеянья. Благодарным [Велик<одушное>] сочувствием отзывается [Благородное сочувствие родит] оно в благородном и отзывается робкою боязнью в преступном сердце. Часто умевший не бояться ничего не выносит насмешки. [Далее было: Вы почти готовы находить безнравственным смех] О, еще далеко не понято высокое значенье чистого смеха, не злобного, порожденно-го не оскорбленною личностью смеха, [личностью человека] но светлого, излетающего из ясной душевной глубины. О, вы еще не знаете, как высоко нравственен и силен смех, проникнувший произведение!

То, что сказывается разгоряченным [распыленным] голосом, может быть, возбудило <бы> неумеренную силу негодования, то облеченное в смех уже родит спокой<ствие>, [спокойное чувство] умиряет и успокоивает человека. Ожесточенный и огорченный <?> обидой, несправедливостью человек уже бы поднял, может быть, руку на своего врага; но,

увидя достойно осмеянным в театре, уже почти примиряется. [Далее было: не выносит из театра душа его] Душа его не выносит злобного чувства из театра, и светлое остается в душе, ибо смех и есть враг всему темному. Там нет ни сомнений, ни волнения, [Вместо: «и светлое ~ волнения»: и светлое остается в душе, ибо там не царствует [ни су<ета>], ни мятеж, ни мрачная буря волнений] где царствует высокий праздничный смех. Но по неясным слухам и неправо судит толпа — и готова выводить из незначительных булавочных исключений законы для всего громадного, величавого. Долго еще будут смешивать чистые отвлеченные созданья поэтов [высокое создание их] с созданьями, внушенными личными страстями [личностями] и личными целями, — с созданьями тех, которые приняли название поэтов, [Далее было: и всё без различия будет называться побасенками] и <всё> без различия, необдуманно, бессмысленно будет еще долго называться побасенками. Есть люди, готовые назвать даже и то, что истекло из уст Гомера и Шекспира, побасенками! Побасенки! А вон протекли двадцать веков, го-

рода исчезли и снеслись с лица земли, а побасенки живут и повторяются доныне, и внемлют им мудрые цари, глубокие правители; [Далее было: вожди, [обитатели владеющие], старцы и юноши] прекрасные старцы и полные благородных сил юноши, и бедняки убогие льют над ними слезы. [а. душевные слезы б. слезы восторга] Побасенки! А вон собралась бесчисленная толпа, наполнив великолепные ложи, кресла и галереи: [Далее было: в громадном театре] стонут балконы театров; вся сдвинулась, вся слилась она в одно чувство, вся превратилась в одного человека, и гремят рукоплесканья тому, которого уже пятьсот лет <нет> на свете. Слышит ли он в могиле, отзывается ли душа, [а. отзывается ли сочувствием его сердце б. отзывается ли сочувствием истлевшее его сердце] терпевшая горе жизни и низкую земную участь? Побасенки! а вон среди сей же собравшейся толпы [а вон в сей толпе <?>] пришел один с растерзанной душой, с измученным сердцем, пришел объятый горем жизни, согбенный суровым гнетом несчастий; [а. обремененный б. объятый горем жизни и суровым гнетом несчастий]

пришел уже безнадежный, [отчаявшись] он готов был вознести руку на самого себя и прекратить свои мученья, — но вдруг божественно потряслась душа, — рыдания, смех и слезы хлынули вдруг из его очей, и гимн благодаренья уже стремится из души, и выходит он примиренный с жизнью. Побасенки!.. О, благороден и вечно велик тот, кто внимает [кто преклоняет] к таким побасенкам [Далее было: и простирает [руку защиты] великодушную руку защиты бедным странникам — на произведение подобных побасенок. После отступа в несколько строк было: И да ниспошлет [небо] [он] тебе неутомимые силы <?> произвести много [прекрасных] величественных подвигов [привлекающих к тебе сердца всех], [за которые влекут], <за которые > будут греметь благодарность вечную потомства. Но вы простите мне, мои соотечественники, упрек. Мне грустно и <1 нрзб.> грустно, и я не знаю сам, отчего грустно в душе моей. Мне тяжело ваше безучастие и тяжело было слышать голос негодованья и нерасположенья [Не в силах я снести и удаляюсь от <вас>] Душа моя <не может > нанести кому-либо огорченье. Я

удалюсь, мной овладела <грусть>. Я удалюсь от вас. Первоначально этими словами кончалась пьеса. После отступа в несколько строк была написана фраза: И оттуда представится мне живым во всем громадном своем величии] и вечной благодарностью потомства осветится имя того, который простирает великодушную руку защиты бедным странникам земли, производящим такие побасенки. И ты, [И ты великодушный] простерший с высоты твоего величия голос [свежительный голос] ободренья и защиты, великий царь. [Далее было: Душа, жизнь русск<ая>] О, как полно мое сердце и как глубоко [и как сильно] оросили святые <?> слезы благодаренья! И вы, мои соотечественники... Но чувство неведомой грусти теснится невольно ко мне в душу. Мне тяжело было слышать голос безжалостного <?> нерасположения и безучастия [а. сей голос негодования и нерасположения б. сей голос нерасположения и безучастия] и тяжело душе нанести... Я удалюсь от вас. Пусть это минутная, последняя <?> грусть. Я удалюсь: пустыня мне нужна и долго <1 нрзб.>. Далекую унесу мою скитающуюся судьбу — в другие,

дальние пределы. Но не думайте, чтобы омрачило мою душу сие тяжелое воспоминание [Сверху приписана фраза, не поддающаяся прочтению.] Нет, оно слетит всё, слетит мрачность в моем очищенном воспоминании, и вы предстанете [вы предстанете предомной со все<ми>] одной вечно<й> светлой стороной вашего духа. Отлетит в глазах временная и мутная темнота, и предстанет предомной в одном только блеске и гордой чистоте своей Россия.

II. ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

1.

— Я с вами совершенно согласен. Это, это, это... Ведь что ж это? Это просто... я не знаю... А ведь если такие вещи, да притом и в глазах всех, ведь это... Да после этого, признаюсь... Да он опасный человек. С ним нельзя быть в обществе. Ведь эдак он, пожалуй, эдак он... [Далее было: Для него, значит, уж никого нет] Уж значит что у него нет ни бога, ни религии... Он всё обсмеет.

— Смотри, не затеряйся, выйдем вместе! Да ну, проталкивай <?> толпу, что стал... Вот те и

на: ни вперед, ни назад. Эх его запрудило народом!

2.

Как будто из омута вырвался! [Среди проб пера на обороте листа выписано каллиграфическим почерком: Автор пиесы. Выходя я вырвался как будто из омута. Фраза повторена дважды. После «вырвался» было: когда восторженный, как юноша] Вот наконец и крики, рукоплесканья! Весь театр гремит. Вот и слава! Боже! Как бы забилось назад тому лет семь, восемь мое сердце. Как встрепенулось бы всё во мне! Но то было давно. Я был тогда восторжен, дерзкомыслен, как юноша. [Далее было: и спасительное провидение не дало мне вкусить [слав<ы>] обольстительного питья похвал] Благодарю спасительное провиденье за то, что оно не дало вкусить мне разных <?> восторгов, незаслуженных хвал. [что не дали вкусить мне тогда] Теперь — но рукоплесканья уже не властны. [Теперь, зачем же теперь не встрепенулось так оно? Далее начато: холод] Много ушло воды. Рукоплесканье света не обманет [теперь легко достается — и первый искусный актер, и ловкий фокус-

ник...] Умудрит хоть кого холод лет. [Вместо «умудрит хоть кого холод лет»: а теперь — холод лет умудрит хоть кого] И видишь [Далее было: что мало зн<ачат?>] наконец старую истину. Теперь — но я уже охладел, и старая истина — что рукоплесканья ничего не значат. Теперь я принял холодно: не гордое пренебрежение — нет! но горькая истина, что ничего еще не значит всеобщее плесканье, [Душа моя холодно приняла эти плески — не потому, что пренебрегала — нет, но потому, что рукоплесканья — не оценка] что [Далее было: все народы] равным плеском венчаются [Далее было: а. все — и коми<к> б. все — и оратор] и актер, достигший последних глубоких знаний сердца, и фокусник [и плясун] выкидывающий

Сени театра в пиластрах и колоннах, с бочков — лестницы в ложи и двери — в партер. Слышен гул рукоплеск<аний...> [Слышится глухо и д<олго?>]

[Всё покрывается равными плесками] Голова ли думает и сердце ли чувствует, [голова

и сердце работает] душа ли звучит, ноги работают, или руки перевертывают стаканы — всё покрывается равными плесками, и никогда не узнаешь от другого, в какой степени выполнил свое дело, и где тебе место.

Помните, что в то время, когда жизнь многих — жизнь мелочная, пустая, становится школой холода и эгоизма, когда [когда говоря] не в духе человек, в то время может мне случиться чудо чудеснее всех чудес, — подобно как буря настает тогда, когда ждет обыкновенной тишины мореход на поверхности. Блаженство столько находит

Один только всемогущий вселяет тогда в душу и заставляет хранить во глубине души сокровенно до времени неясное слово. [Далее незаконченная правка: в ком есть рассудок]

3.

Само собою разумеется, что автор пьесы идеальное лицо. В нем изображено положение [отношение] в свете комика, избравшего [нападающего] предметом осмеяния одних злоупотребления. [Далее было: между сосло-

ВАРИАНТЫ

ИГРОКИ

[Приводимые здесь рукописные варианты представляют собой первоначальные рукописные чтения (до правки).]

ЯВЛЕНИЕ IV.

Гаврюшка. У нас одной дворни: Игнатий буфетчик, Павлушка, который прежде с барином ездил, Герасим ~ как у нас.

КАБ4 — с барином ездил, Ив<ан>

ЯВЛЕНИЕ V.

Швохнев. Швохнев, подходя поспешно к Гаврюшке).

КАБ4 — к Прохору

Швохнев. (Дает ему бумажку). П;

КАБ4, МТ — Дают

Швохнев. Рассказывай всё!

КАБ4 — начато: Рассказывай всю

Гаврюшка. Недели три тому назад мы ~ ковер, да золотые эполеты одной выжиги дали на 600 рублей. КАБ4, МТ;

П — золотых эполет сколько-то пар

Швохнев. (Гаврюшке). Послушай, когда барин остается дома один, что делает? КАБ4, МТ;

П — Гаврюшка, послушай: когда барин...

Гаврюшка. У нас тоже есть Герасим лакей, опять Иван лакей, Иван псарь, Иван музыкант, Дементий ~ взяли.

КАБ4 — ключник

Гаврюшка. У нас тоже есть Герасим ~ музыкант, Дементий кучер, да намедни из деревни одного взяли.

КАБ4 — Дементий повар

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Швохнев, Кругель и Степан Иванович Утешительный (входят с поклонами).

КАБ4 — Степан Иванович Утешительный.
Хозяин

Утешительный. Приветливые ласки хозяина дороже всяких удобств.

КАБ4 — ласки хозяина нам дороже [всего] всяких

Утешительный. На лестнице какая-то ~ армейщина, видно, натоццаках... КАБ4;

МТ — на тоццах;

П — натоццак

Швохнев. Помнишь, какой отличный сыр

ели мы недели две тому назад.

КАБ4 — Помнишь, какой отличный сыр
ели мы назад

Швохнев. Четверка, тузик, оба по 10.

КАБ4 — оба по 10 рублей

Утешительный. Подай-ка, брат, мне свою
колоду, я ~ предводительницы.

КАБ4 — Подай-ка, брат, подай-ка

Швохнев. Конечно, нужно отказаться, ко-
гда нельзя взять. КАБ4, МТ;

П — надо отказаться[«Нужно» везде в П за-
менено «надо». Дальше не отмечается.]

Утешительный. (Подходят оба к Ихареву и
ударяют его с обеих сторон по плечу). П;

КАБ4 — с обеих сторон

Утешительный. И потому от лица наших
товарищей предлагаю вам дружеский союз.

КАБ4 — делаю вам предложение

Утешительный. А вот расскажи!

КАБ4 — расскажи ему

Швохнев. Подобного события я никогда не
позабуду.

КАБ4 — Швохнев. Да. Пр<изнаюсь>

Швохнев. Мальчик одиннадцати лет, сын
Ивана Михаловича Кубышева, передергивает

~ из игроков! КАБ4, МТ;

П — Ивана Михайловича [В дальнейшем не отмечается.]

Швохнев. Поезжай в Тетюшевский уезд и посмотри! КАБ4, МТ;

П — Тетюшский [В дальнейшем не отмечается.]

Швохнев. Я рекомендую, говорю: «Извините, я слышал, что бог наградил вас необыкновенным сыном».

КАБ4 — я слышу

Швохнев. Я рекомендую, говорю: «Извините, я слышал, что бог наградил вас необыкновенным сыном».

КАБ4 — необыкновенным сыном. Ну мне

Швохнев. «Да, признаюсь», говорит ~ сына, но это действительно в некотором роде чудо.

КАБ4 — это точно

Утешительный. Теперь накапливанье и отметины вышли вовсе из употребления; стараются изучить ключ.

КАБ4 — накапливанье и намечеванье

Утешительный. Есть в одном городе, в каком именно, я не хочу назвать, один почтенный ~ только этим.

КАБ4 — и говорить

Утешительный. Есть в одном городе, в каком именно, я не хочу назвать, один почтенный человек, который ~ этим. КАБ4, МТ;

П — почтеннейший

Утешительный. Это то, что называется в политической экономии распределение работ.

КАБ4 — Это именно то

Утешительный. Видит, остался один выюк; распаковывает — сто дюжин карт. КАБ4, МТ;

П — распечатывает

Утешительный. Пустили рублем дешевле, купцы вмиг расхватали в свои лавки. КАБ4;

П — рубликом дешевле

Утешительный. А это дело тоже было поведено не дурно.

КАБ4 — А это тоже дело, которое было поведено не дурно

Утешительный. Игру ведет отличную, честности ~ воспитаны, камергеры, дом — дворец, деревня, сады, всё ~ образцу.

КАБ4 — деревня, беседки, алеи, сады

Утешительный. Мы живем уж там три дня. КАБ4, МТ;

П — живем уж у него

Утешительный. Всё это пьяно, как нельзя больше, орет песни и дует во весь опор.

КАБ4 — дует во весь опор. Натурально

Утешительный. На такое зрелище, как водится, выбежала вся дворня.

КАБ4 — сейчас выбежала

Утешительный. Ну, натурально, от денег не захотели ~ в кармане, и кончился банк.

КАБ4 — и прекратился банк

Ихарев. Очень остроумно.

КАБ4 — Удивительно

Ихарев. Именно этого не понимают, что игрок может быть добродетельнейший человек.

КАБ4 — Именно вот этого

Ихарев. Именно этого не понимают, что игрок может быть добродетельнейший человек.

КАБ4 — может быть даже

Ихарев. Я знаю одного, который склонен к передержкам и к чему хотите, но нищему он отдаст последнюю копейку.

КАБ4 — и почему

Ихарев. Но, господа, так как пошло ~ назы-

вают сводная или подобранная колода, в которой ~ расстоянии?

а. Как в тексте.

б. сводную или подобранную колоду

Утешительный. Знаю, но, может быть, другого рода.

КАБ4 — не в такой степени

Ихарев. Извольте, я стану от вас в пяти шагах и отсюда назову всякую карту.

КАБ4 — ска<жу?>

Утешительный. Эта?

КАБ4 — Ну эта?

Утешительный. Позвольте еще раз рассмотреть.

КАБ4 — рассмотреть колоду

Утешительный. Разве с слишком неопытным игроком, ведь это нужно подменить самому. КАБ4, МТ;

П — Разве с игроком слишком неопытным, ведь надо подменить

Утешительный. Ну, да что об этом толковать, когда он не играет вовсе?

КАБ4 — ни за что не станет играть?

ЯВЛЕНИЕ IX.

Швохнев. Ведь не с богом здесь имеешь де-

ло, а с человеком. КАБ4, МТ;

П — Ведь не с богами

Швохнев. Сегодня нет, завтра нет, послезавтра нет, а на четвертый день, как насыдешь на него хорошенько, скажет: да.

КАБ4 — а там

Швохнев. Иной ведь с виду корчит, что он недоступный, а разгляди его поближе, увидишь просто: даром тревогу подымал.

КАБ4 — что он крепыш и недоступный

Швохнев. Иной ведь с виду корчит, что он недоступный, а разгляди его поближе, увидишь просто: даром тревогу подымал.

КАБ4 — фальшивая тревога

Ихарев. Нужно вам знать, что последний мой выигрыш 80 тысяч у полковника Чеботарева был сделан в прошедшем месяце. КАБ4, МТ;

П — Надо[В дальнейшем не отмечается.]

Швохнев. Это, любезнейший, просто фатальный антракт.

КАБ4 — Это, батюш<ка>

Швохнев. Но не нужно к нему оказывать большого внимания: старики подозрительны.

КАБ4 — Но не нужно так чтобы

ЯВЛЕНИЕ X.

Глов. Мне тоже очень приятно познакомиться.

КАБ4 — познакомиться с вами

Глов. В двух стах тысячах. П;

КАБ4, МТ — В двухстах тысяч

Глов. Всё на свете начинается грошовым делом, а смотришь, маленькая игра как раз кончилась большой.

КАБ4 — Ведь на свете начинается с

Швохнев. Молодым бесится, так что невтерпеж ~ другим.

КАБ4 — Молодым он бесится

Швохнев. Молодым бесится, так ~ под старость прикинется ханжой, так что невтерпеж другим.

КАБ4 — сделается ханжой

Ихарев. Позвольте мне заметить.

КАБ4 — Ихарев. Что до

Алексей. Прикажете выносить? П, МТ;

КАБ4 — Прикажете

ЯВЛЕНИЕ XI.

Утешительный. Не понимаю, как вы не можете видеть человека.

КАБ4 — вы можете не видеть

Утешительный. Ведь стоит только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположен играть.

КАБ4 — чтобы узнать, что такой-то не расположен играть

ЯВЛЕНИЕ XII.

Глов. Я оставляю здесь своего Сашу.

КАБ4 — Мишу

Глов. Я говорю ему: «Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде!»

КАБ4 — осмотрись хорошенько прежде

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Швохнев. Признаюсь, как он сказал: двести тысяч — у меня вздрогнуло в самом сердце.

КАБ4 — он мне сказал

ЯВЛЕНИЕ XV.

Ихарев. Признаюсь, когда отец сказал, что оставляет ~ он тотчас...

КАБ4 — он тотчас. Какая

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Ихарев. Знакомство ваше нам...

КАБ4 — Знакомство ваше нам...(Пожимая

Утешительный. Глов! здесь, видишь, все товарищи и потому к чорту все этикетки!

КАБ4 — к чорту все этикетки! На ты
Глов. Будь она не сестра... ну, уж я бы ей не
спустил. КАБ4, П;

МТ — я бы сам приволокнулся
Утешительный. Bravo, bravo, гусар! КАБ4,
П;

МТ — молодец! [Так везде в МТ; дальше не
указывается.]

Утешительный. Господа, за здравие буду-
щего гусарского юнкера. КАБ4, П;

МТ — нашего нового друга
Глов. За здравие всего гусарства! КАБ4, П;
МТ — всех!

Утешительный. Господа, нужно его теперь
же посвятить во все гусарские обычаи. КАБ4,
П;

МТ — молодецкие
Утешительный. Да в этом-то и дело, в рис-
ке-то и есть главная добродетель.

КАБ4 — и есть главная добродетель. Не в
Утешительный. Bravo, юнкер! КАБ4, П;
МТ — молодец!

Утешительный. Четверка взяла, тройка
взяла. Bravo, bravo, гусар! КАБ4, МТ;

П — Четверка взяла. А bravo

Глов (перегинает карту). КАБ4, МТ;

П — перегибает

Утешительный. У! молодец, гусар! КАБ4, П;

МТ — вычеркнуто.

Утешительный. Семерка уби... ах, нет, плие, чорт побери, плие, опять плие!

КАБ4,[Начато: Семерка уби<та>] МТ;

П — ах нет, чорт побери

Утешительный. Не у всякого жена Марья, кому бог дал.

КАБ4 — кому бог дал. Брось

Утешительный. Барклай-де-Тольевское что-то видно. КАБ4, П;

МТ — вычеркнуто.

Утешительный. Руте, решительно руте! просто карта фоска! П;

КАБ4, МТ — нет. [См. комментарий.]

Глов. Ва-банк, чорт побери, ва-банк!

КАБ4 — Ва-банк, ва-банк, чорт побери

Утешительный. (Дает ему подписаться). П;

КАБ4, МТ — Дают

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Швохнев. Чорт его возьми, пусть себе стреляется, да не теперь только: еще деньги не в наших руках.

КАБ4 — ведь еще деньги

Швохнев. Чорт его возьми, пусть себе стреляется, да не теперь только: еще деньги не в наших руках.

КАБ4 — деньги не в наших руках. Из этого точно может выйти история

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Утешительный. Слышите, слышите, господа, уж пистолет вздумал было всунуть в рот, а?

КАБ4 — взять в рот

Ихарев. Да если бы этого не было, так как же можно выиграть, ты посуди только сам.

КАБ4 — можно бы

Глов (с досадой).

КАБ4 — Глов (с досадой). Что

Глов (ободрившись). Чорт побери, да здравствует гусарство! КАБ4, П;

МТ — вычеркнуто.

Утешительный. Да здравствуют гусары!
КАБ4, П;

МТ — вычеркнуто.

Глов (с стаканом). Да здравствуют гусары!
Ихарев. Да здравствуют гусары, чорт побери!
Швохнев. Теремтете! да здравствуют гусары!

КАБ4, П;

МТ — вычеркнуто.

Глов. Да здравствуют гусары! Утешительный. Да здравствуют... КАБ4, П;

МТ — вычеркнуто.

Утешительный. Знаешь ли, Швохнев, что мне пришло на ум?

КАБ4 — Знаешь ли, что

Глов (с поднятой рюмкой). П;

КАБ4 — румкой

Утешительный. Ревнив и задорен, как чорт.

КАБ4 — Ревнив уж и задорен

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Утешительный. Нужно его покамест ласкать, пока еще деньги не в наших руках; а там чорт с ним. КАБ4, МТ;

П — Надо его ласкать

Утешительный. Да, это будет скверно, а впрочем... ведь на это, сами знаете, есть понукатели.

КАБ4 — есть понукатели. Те же государс<венные ассигнации>

Утешительный. Как ни ворочай, а всё-таки придется всунуть в руку тому и другому для

соблюдения порядка.

КАБ4 — таков уж порядок

ЯВЛЕНИЕ XX.

Замухрышкин. Мы потому и говорим две недели, а то бы, пожалуй, вы и три месяца у нас провозились.

КАБ4 — у нас провозились. Сами мы

Замухрышкин. Деньги к нам придут не раньше как через полторы недели, а теперь во всем приказе ни копейки.

КАБ4 — Денег теперь уж к нам

Замухрышкин. На прошлой неделе получили полтора ста тысяч, все роздали, три помещика ожидают, еще с февраля заложили имение.

КАБ4 — а три помещика

Утешительный. Ну дак послушайте, Псой Стахич! КАБ4;

П — так послушайте

Утешительный. Ну, а доходов по службе этих, знаете, разных... а просто, много ли берете?

КАБ4 — этих-то, знаете, в знак благодарности

Замухрышкин. Ведь вот тоже и господа со-

чинители всё подсмеиваются над теми, которые берут взятки; а как рассмотришь ~ санках. КАБ4, П;

МТ — вычеркнуто.

Замухрышкин. Ведь вот тоже и господа сочинители всё подсмеиваются над теми, которые берут взятки; а как рассмотришь хорошенько, так взятки берут и те, которые выше нас.

КАБ4 — так те же взятки берут

Замухрышкин. Ведь вот тоже и господа сочинители всё подсмеиваются над теми, которые берут взятки; а как рассмотришь хорошенько, так взятки берут и те, которые выше нас. КАБ4;

П — которые кажутся получше нас

Утешительный. Ну, а ручонками, я чай, уже все этак (показывает рукой, как будто берет деньги) умеют?

КАБ4 — взятки

Замухрышкин Мы и подослали к нему сказать, что вот пришли две тысячи, сейчас выдают деньги, а не то будешь ждать!

КАБ4 — вот мол пришли

Утешительный. Мы уж вам дадим, а вы уж

там с начальниками своими сделайте, как следует.

КАБ4 — Мы уж вам всё

Утешительный. Мы уж вам дадим, а вы уж там с начальниками своими сделайте, как следует. КАБ4, П;

МТ — вычеркнуто.

ЯВЛЕНИЕ XXII.

Утешительный. Да знаешь ли, что нас в Нижнем с часу на час ждут.

КАБ4 — два дни уже ждут

Утешительный. Мы тебе не сказывали еще, а уж четыре дня назад тому мы имеем известие спешить как можно скорее, добывши во что бы ни стало хоть сколько-нибудь денег. П;

КАБ4 — во что ни стало

Утешительный. Мы тебе не сказывали еще, а уж четыре дня назад тому мы имеем известие спешить как можно скорее, добывши во что бы ни стало хоть сколько-нибудь денег.

КАБ4 — хоть сколько-нибудь денег. Слышь ты

Утешительный. Ведь купец как воспиты-

вает сына? или чтоб он ~ не купцу.

КАБ4 — двойко воспитывает

Утешительный. Это, брат, для нас самый выгодный народ.

КАБ4 — самый выгодный народ. Временами нужно пользоваться

Утешительный. Да это счастье наше, что купец только и думает о том, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чин.

КАБ4 — доставить чин. Как же ты этого не знаешь? Знай же, что теперешнего времени никак нельзя пропустить; все [почти] более или менее сбыли товары и сидят с готовыми деньгами, а новых пока не успели

Ихарев. И дела совершенно верные?

КАБ4 — Неужли

Ихарев. Господа, а ведь условие-то действовать вместе!

КАБ4 — действовать вместе! Меня не оставьте?>

Утешительный. Кругель, отнеси деньги в мою комнату, вот тебе ключ от моей шкатулки.

КАБ4 — Швохнев[В автографе зачеркнутое „Швохнев“ строкой ниже (в ремарке) ничем

не заменено. В издании Прокоповича в обоих случаях — Кругель]

ЯВЛЕНИЕ XXIII.

Ихарев. Да где теперь найдешь двести тысяч? Какое имение, какая фабрика даст двести тысяч? КАБ4;

П — нет.

Ихарев. Невежество-то, которое приобретешь в деревне, ведь его ножом после не обскоблишь.

КАБ4 — ведь этого ножом

Ихарев. Посмотрю театр, монетный двор, пройду мимо дворца, по Аглицкой набережной, в Летнем саду.

КАБ4 — Посмотрю театр, пройду

Ихарев. Да ведь необходимая вещь: что ж можно без него сделать?

КАБ4 — можно без него сделать? Да при этом

Ихарев. Этак прожить, как дурак проживет, это не штука, но прожить ~ и цель. КАБ4, МТ;

П — Этак прожить, как дурак, проживет всякий

ЯВЛЕНИЕ XXV.

Ихарев. Что ты за чепуху несешь? П;
КАБ4 — чепуху[несешь в автографе отсутствует.]

Глов. Старик-то?

КАБ4 — начато: Во-первых

Глов. А во-вторых, тоже не Глов, а Крыницын, да и не Михал Александрович, а Иван Климыч, из их же компании. КАБ4, П;

МТ — Кравицын

Ихарев. (В исступлении).

КАБ4 — В азарте

Глов. Нет, брат!

КАБ4 — Нет, брат! Ты не имеешь

Ихарев. Чорт побери, в самом деле!.. (В изнеможении упадает на стул. Глов между тем убегает).

КАБ4 — Чорт побери, в самом деле!.. Глов убегает. Ихарев

Глов (выглядывая в дверь). (Исчезает).

КАБ4 — Прячет<ся>

Ихарев (в ярости). (Схватывается со стула и в волнении ходит по комнате). КАБ4, МТ;

П — Вскакивает

Ихарев. Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем

не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон подержанными картами!

КАБ4 — замасленными

УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

[В „Современнике“ подзаголовок: Петербургские сцены.]

I.

Иван Петрович. (Бросает поспешно собачку и разворачивает свод законов). П;

С — бросает поспешно собаку

II.

Иван Петрович. Представьте, я сам почти в то же время. П;

С — в то же почти время

Александр Иванович. Длиннее всего тянулся восьмой робер. П;

С — восьмой роберт

Иван Петрович. А ведь тут только козыр-ни — валет мой пик и берет. П;

С — валет мой и берет

Александр Иванович. Не берет, потому что вам ~ согласитесь сами, ведь он бы козырнул?

П;

С — Не берет, потому что я не сносил еще своей дамы. Иван Петрович. Так вы кладете даму, а у Лукьяна Федосеевича семерка козырей. Александр Иванович. Да разве у него был козырь? Я что-то не помню. Иван Петрович. Как же, у него оставалось два козыря; десятка, которой бы должен был он козырнуть, и семерка. Александр Иванович. Только нет, позвольте, Иван Петрович, у него не могло быть больше одного козыря, потому... Иван Петрович. Ах, боже мой, Александр Иванович, кому вы это говорите. Два козыря, два козыря я как теперь помню: десятка и семерка. Александр Иванович. Десятка была, это так, но семерки не было. Ведь он бы козырнул; согласитесь сами, ведь он бы козырнул!

Иван Петрович. Ну, и спросим у него лично: была ли на руках у него семерка пик? П;

С — была ли на руках: у него семерка козырей?

Александр Иванович. Его высокопревосходительство после каждого слова говорил: „гм!“ П;

С — гем[Дальше это разночтение не указывается.]

Александр Иванович. После того разговор не был уже так интересен; и начался об обыкновенных вещах. П;

С — разговор уж не был так интересен

III.

Иван Петрович. Ну, а в случае, так ему придется: „Дай-ка посмотрю, велико ли место остается для полей?“ П;

С — велико ли место оставлено для полей?

V.

Александр Иванович (в лакейской, накидывая шубу). П;

С — надевая шубу

Александр Иванович. Ничего не делает, жиреет только, а прикидывается, что он такой, сякой, и то наделал, и то поправил. П;

С — и то поправил, — настоящая добродетель!

Александр Иванович. И ведь получит, мошенник! получит! П;

С — И ведь получит! получит мошенник! получит!

Александр Иванович. Я таки тебе удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! П;

С — и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь!

ТЯЖБА

[Приводимые здесь варианты КАБ6 представляют собой первоначальные рукописные чтения (до правки).]

I.

Кабинет. Пролетов, сенатский обер-секретарь, один сидит в креслах и поминутно икает.

КАБ6 — Г. Н. Пролетов [В дальнейшем не оговаривается.]

Кабинет. Пролетов, сенатский обер-секретарь, один сидит в креслах и поминутно икает. КАБ6;

П — секретарь

Пролетов. Что это у меня? точно отрыжка! вчерашний обед засел в горле; эти грибки да ботвинья...

КАБ6 — вчерашний обедик словно в горле засел

Туды к чорту, и в четвертый! КАБ6;

П — Туда к чорту

Вот каким был мальчишкой (показывает

рукой), я поместил сам его кадетом в корпус,
а?

КАБ6 — начато: я почти

Да, он, Павел Петрович Бурдюков, произведен!

КАБ6 — Иван Петрович Бурдюков

Да, он, Павел Петрович Бурдюков, произведен!

КАБ6 — произведен в чин!

Взяточник, два раза был под судом, отец — вор, обокрал казну, гнуснейший человек, какого только можно представить себе, — каково?

КАБ6 — сам<ый> гнуснейший человек

Взяточник, два раза был под судом, отец — вор, обокрал казну, гнуснейший человек, какого только можно представить себе, — каково?

КАБ6 — представить себе в мире

И ведь весь свет почитает его за прямодушного человека!

КАБ6 — И мне нравится то, что весь свет почитает его

Говорит: „Дело Бухтелева решено не так, сенат не вникнул“ — а? КАБ6;

П — нет

Право, досадно, что заглянул в газету, прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость — и больше ничего.

КАБ6 — в эту Пчелу

II.

Лакей (входя).

КАБ6 — Андрей

Лакей (входя). Чего изволите-с?

КАБ6 — Первоначально не было

Пролетов. С большим наслаждением, признаюсь, нагадил бы ему, хоть сию минуту, да вот до сих пор нет, да и нет случая.

КАБ6 — С большим бы наслаждением, признаюсь, насолил ему

Пролетов. Да уж и губы зато какие? КАБ6;

П — Да уж и губы-то

Лакей. Бурдюков приехал.

КАБ6 — Барсуков приехал [В дальнейшем тексте КАБ6 Х. П. Бурдюков несколько раз именуется Барсуковым.]

Пролетов. Врешь ты, дурак! П;

КАБ6 — А.<лександр> И.<ванович> [В дальнейшем тексте КАБ6 вместо „Пролетов“ было всюду — А. И.]

Пролетов. Врешь ты, дурак! Бурдюков, ко мне? Павел Петрович Бурдюков!

КАБ6 — Врешь ты дурак. Он бы приехал ко мне. Иван Петрович Барсуков[В дальнейшем тексте КАБ6 Павел Петрович Бурдюков несколько раз именуется Иваном Петровичем Барсуковым.]

III.

Лакей. Бурдюков приехал.

КАБ6 — Хр.<исанфий> Петр.<ович>[В дальнейшем тексте КАБ6 вместо Бурдюков было всюду — Х. П.]

Бурдюков. Обстоятельства и дела понудили оставить городишку. Приехал просить личной помощи, заступничества.

КАБ6 — Обстоятельства и дела такого рода понудили меня оставить наш городишку и уверенность, что вы не откажетесь помочь

Пролетов. Это точно другой; а есть, однако же, какое-то сходство.

КАБ6 — а есть немного сходства с тем

Пролетов. Что прикажете? в чем могу быть вам полезным?

КАБ6 — в чем могу вам служить?

Бурдюков. Да что ж вы на меня оставили

глаза? или думаете, я бы захотел оставлять напрасно Тамбов и скакать на почтовых?

а. За что ж вы на меня уставили глаза, когда говорю, так стало быть правда.

б. Да что ж вы на меня уставили глаза, иначе захотел ли бы оставлять Тамбов и скакать на почтовых КАБ6

Пролетов. Господи благослови вас за такое доброе дело!

КАБ6 — Господи, благослови вас пресвятая троица и все святые за это дело

Пролетов. Вот рассказывай теперь, что нет великодушия и справедливости, а это что же? КАБ6;

П — Вот рассказывают теперь

Пролетов. Вот рассказывай теперь, что нет великодушия ~ не пощадил! На брата — процесс!

а. Вот рассказывай, что нет вдохновенья теперь

б. Вот рассказывай, что нет откровенья теперь. Да это-то что же? Ведь это именно наитие свыше КАБ6

Бурдюков. Извольте! я сам обниму вас ~ вы были путный человек. П;

а. С большим удовольствием. Я очень рад, что познакомился с вами. Странно однако ж, что по физиономии вашей никак нельзя было думать прежде, чтобы вы были путный человек.

б. Извольте, извольте, я с большою готовностью (обнимаются). Очень обязан за подобное радушие. Я, признаюсь, было сначала, взглянувши на вашу физиономию КАББ

Пролетов. Вот тебе раз! как так?

КАББ — Насчет этого, вы знаете, есть старая пословица

Бурдюков. Да сурьезно. Позвольте спросить: верно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

КАББ — Скажите пожалуйста

Пролетов. Что за чепуху несет он? П;

а. Оставимте это.

б. Что за чепуху несете, нет. КАББ

Пролетов. Ну, оставим в покое заседателя и барана. Как же я рад!

а. Да, это может случиться

б. Вот

в. Ну, чорт с ним, с бараном; как же, ей бо-

гу, я рад КАББ

Бурдюков. А уж я как рад, приобретши такое покровительство!

КАББ — А уж я-то так, право, рад

Бурдюков. Теперь только, как начинаю всматриваться в вас, вижу, что лицо ваше как будто знакомо: у нас ~ на вас!

КАББ — замечаю, что лицо ваше как будто мне знако<мо>

Бурдюков. Теперь только, как начинаю ~ знакомо: у нас в карабинерном полку был ~ на вас! КАББ;

П — у нас в полку

Пролетов (в сторону). У этого уездного медведя, ~ к делу. П;

КАББ — (в сторону). Вот тебе эго дьявол какой ввалился. [Эго чорт какой разнес.] Это уж что называется совсем без церемонии. (Вслух). Однако ж время драгоценно, пожалуйста расскажите обстоятельно мне ваше дело.

Бурдюков. Знали ли в устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову? не знали, — хорошо. КАББ;

П — Евдокию Малафеевну Меринову

Бурдюков. У ней ближайшими наследниками я да брат — изволите видеть: вот оно куда пошло!

КАБ6 — наследниками были я да брат. О! слушайте, слушайте

Бурдюков. Позвольте: вот этот мошенник, брат, он на это хоть чорту в дядьки годится, вот и подъехал ~ кормить».

а. уж он на эти дела хоть сейчас в какую угодно министерию

б. он на это, хоть его наряди в виц<?>мундир, к чорту в дядьки пойдет КАБ6

Бурдюков. Вона! замечайте, замечайте! переехал к ней в дом, живет и распоряжается, как настоящий хозяин.

КАБ6 — О то то то то!

Бурдюков. Приезжаю; в сенях встречает меня эта бестия, то есть брат, в слезах, так весь и заливаается, и растаял, и говорит: «Ну», говорит, «братец, навеки мы несчастны с тобою: благодетельница наша»...

КАБ6 — так весь и заливаается

Пролетов. Как же, да ведь она разве сказала это?

КАБ6 — Да разве она точно сказала это?

Пролетов. Однако ж, позвольте: как же вы не уличили тут же их во лжи?

КАБ6 — Как же вы не уличили тут же их во лжи?

Бурдюков. Брат ничего и говорить не может: страданья, отчаянья такие, что люли только!

КАБ6 — Брат ничего говорить не может от слез

Бурдюков. А вот как: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову» — слушайте! — «в возмездие ~ и прочее».

КАБ6 — Племяннику моему

Бурдюков. А вот как: «Племяннику ~ в Устюжском уезде...» вона! вона! вона куда пошло! — «пятьсот ревизских душ, угодыя и прочее».

КАБ6 — ого-го-го

Бурдюков. А? слышите ли вы это?

КАБ6 — Да вы всё слышите?

Бурдюков. Племяннику — вона! замечайте! вот тут настоящий типун!

КАБ6 — Племяннику всё остальное!

Бурдюков. Хрисанфию сыну ~ три штამетовые юбки и ~ тряпье! КАБ6;

П — стаметовые юбки[«штаметовые» и дальше в П всюду заменены «стаметовыми».]

Пролетов. Ах, он мошенник этакой! Прошу покорно!

КАБ6 — Ах, ты мошенник какой. Ведь[а. Ведь у него; б. Ведь это я; в. Ведь это я уверен] это у него с молоком. [еще с молоком.] Я уверен, что его еще от мамки не успели отнять, как он уже крал

Пролетов. Что вы!

КАБ6 — Ах, какой подлец!

Бурдюков. Александр Иванович есть Прольдюковский, вы не знакомы с ним?

КАБ6 — Брульдюковский

IV.

Пролетов. Странно сказать, а по душе чувствуешь ~ присутствию.

КАБ6 — Странное дело

«Эй, Андрей!» КАБ6;

П — Эй, Андрей! (Андрей входит)

Да постой: вот тебе на водку, напейся пьян, как стелька, — для сегодняшнего дня я тебе позволяю; а вот еще сыну на пряники.

КАБ6 — еще сыну на пряники. Лакей. Покорнейше благодарю

А, наконец-таки, насилу! и на нашу улицу
пришло веселье!

КАБ6 — Вот и на нашу улицу

Постой же, теперь я сяду играть, да и по-
смотрим, как ты будешь подплясывать.

КАБ6 — теперь я буду играть

А уж коли из сенатских музыкантов набе-
ру оркестр, так ты у меня так запляшешь, что
во всю жизнь не отдохнут у тебя бока. КАБ6;

П — из своих приятелей чиновников набе-
ру оркестр музыкантов

А уж коли из сенатских музыкантов набе-
ру оркестр, так ты у меня так запляшешь, что
во всю жизнь не отдохнут у тебя бока.

КАБ6 — так же <1 нрзб.> так ты запля-
шешь, что и ног не унести тебе и сам бог не
вытащит

ЛАКЕЙСКАЯ

[Приводимые здесь варианты КАБ6 представляют собой первоначальные рукописные чтения (до правки).]

I.

Направо дверь на лестницу, налево — в зал. На заднем занавесе дверь несколько сбоку в кабинет.

КАБ6 — налево в столовую, посередине в кабинет

В дверях с лестницы звенит громкий звонок.

КАБ6 — начато: гремит звонкий

Лакеи пробужаются. КАБ6;

П — Лакеи пробуждаются

II.

Григорий. Уж это такой колокольчик, судырь, никуда не годится: никогда ничего не слышать.

КАБ6 — ничего не слышно

Барин (увидя чужого лакея).

КАБ6 — обращаясь на д<верь?>

Чужой лакей. Они только сказали: «Скажи

Федору Федоровичу, что я приказала кланяться-ся и буду к ним».

КАБ6 — Скажи де Ивану Петровичу

Чужой лакей. Они только сказали: «Скажи Федору Федоровичу, что я приказала кланяться-ся и буду к ним».

КАБ6 — и сама буду

Чужой лакей. Не могу знать, в котором часу.

КАБ6 — Не могу знать-с

Чужой лакей. Они сказали только, что доложи-де, говорит, Федору Федоровичу, что я, говорит, к ним сама-де буду у них-с...

КАБ6 — Федору Петровичу

Чужой лакей. Они сказали только, что доложи-де, говорит, Федору Федоровичу, что я, говорит, к ним сама-де буду у них-с...

КАБ6 — буду у них-с сегодня

IV.

Господин в шубе. Федор Федорович дома?

КАБ6 — Федор Петрович

Григорий. Лентягин-с.

КАБ6 — Глентягин-с

Григорий. Слышь, Иван, не позабудь: Ердацагин!

VI.

Девушка. Нельзя, нельзя, Григорий Павлович! не держите меня, совсем-с некогда.

Нельзя, нельзя, Григорий Павлович! в друг<ой раз?>

Рожи у Григория и Ивана вдруг становятся насупившись и сурьезны.

а. Рожи у Григория и у Ивана принимают вдруг

б. Рожи у Григория и у Ивана вдруг насупливаются и становятся сурьезны КАБ6;

П — Григорий и Иван вдруг насупливают рожи и становятся сурьезны

Григорий. Барин ушел, чего бы, кажется, лучше, — нет, сейчас привалит этот чорт, брюхач-дворецкий.

КАБ6 — нет, вот придет дворецкий

Григорий. За сценой слышен крик дворецкого: Ведь вот ~ прибрал.

КАБ6 — слышен толстый голос

Григорий. Вон уж пошел кричать толсто-брюхий.

а. Вот уж кричит

б. Вот уж пошел кричать чорт КАБ6

VII.

Пузатый дворецкий. Вы бы, Григорий Павлович, пример другим должны ~ от сна, ей богу!

КАБ6 — Григорий Иванович

Дворецкий. Ведь что тебе работы? КАБ6;

П — Ведь что тебе заботы?

Дворецкий. Тебе не то, что бон жур, команду франсе, а веди порядок, распоряженье, вот что!

КАБ6 — а смотри

VIII.

Дворецкий. А!

КАБ6 — Лаврентий[Далее, до конца пьесы, в КАБ6 слово Дворецкий переделано из Лаврентий.]

Дворецкий. Уж Агафия Ивановна только и говорит всё, что о вас. КАБ6;

П — только и говорит, что об вас[Далее в КАБ6 следовала сцена с Закатищевым, зачеркнутая Гоголем; вместо этой сцены была написана фраза Аннушки: Я боюсь только насчет общества.]

Дворецкий. Оно, конечно, так как кучера ~ подчищают, с позволения сказать, кал; конеч-

но, человек ~ кучера. КАБ6; [Вместо кал в КАБ6
сверху карандашом (не рукою Гоголя) написа-
но: удобрение.]

П — с позволения сказать, навоз

Дворецкий. Оно, конечно, так как кучера ~
сказать, воняет навозом или ~ кучера.

КАБ6 — воняет удобрением [Слово удобре-
нием в КАБ6 написано сверху карандашом
(не рукою Гоголя).]

ОТРЫВОК

[В ЛБ15 заглавия нет. Приводимые далее ва-
рианты ЛБ15 представляют собой перво-
начальные рукописные чтения (до правки).]

I.

Марья Александровна, пожилых лет дама,
и Михал Андреевич, ее сын.

ЛБ15 — Марья Петровна [Далее в ЛБ15 всю-
ду вместо Марья Александровна — М. П. или
Марья Петровна, вместо Миша — М.]

Марья Александровна, пожилых лет дама,
и Михал Андреевич, ее сын. ЛБ15;

П — Михайло Андреевич

Марья Александровна. Слушай, Миша, я
давно хотела с тобою переговорить: тебе

должно переменить службу.

ЛБ15 — Послушай, я хотела

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

ЛБ15 — Пожалуй, хоть завтра же, матушка

Миша. Что вы, маменька?

ЛБ15 — Что вы, матушка?

Миша. Помилуйте, да разве вы не знаете: ведь нужно начинать с юнкеров?

ЛБ15 — Помилуйте, матушка

Миша. Подумайте, матушка, право, вы меня изумили ~ толстенек немножко, а ~ смотреть.

ЛБ15 — Я таки, слава богу, толстенек

Миша. Подумайте, матушка, право, вы меня изумили ~ мундир с короткими хвостиками, — совестно даже будет смотреть.

ЛБ15 — с короткими фалдами

Марья Александровна. Нет нужды. Произведут в офицеры, будешь ~ не будет заметно.

ЛБ15 — Нет нужды, всего только <год> или много два побудешь юнкером, а потом произведут сейчас

Марья Александровна. Это слово «титулярный» тиранит мои уши; мне так и приходит на ум бог знает что.

ЛБ15 — тиранит мою душу, так вот Миша. Но посудите, матушка, рассмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще в школе звали хомяком.

ЛБ15 — Да ведь, матушка, вы только посмотрите на мою фигуру

Миша. В военной службе всё же нужно, чтобы и на лошади ~ талию.

ЛБ15 — Для военной службы нужно Миша. В военной службе ~ имел звонкий, и рост бы имел богатырский, и талию.

ЛБ15 — и рост, и талию Миша. Всё же таки скажите, какая причина?

ЛБ15 — Однако же все-таки матушка, мне следует знать, какая это причина

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько.

ЛБ15 — Ну не знаю Марья Александровна. Говорит: «Я очень рада, что на придворных балах не пускают штатских». ЛБ15;

П — на знатных балах Марья Александровна. Говорит: «Я очень рада, что на придворных балах не пускают

штатских».

ЛБ15 — не пускают штатских чиновников
Марья Александровна. «Это такие все», го-
ворит, «mauvais genre, чем-то неблагородным
от них отзывается».

а. что такое

б. чем-то таким ЛБ15

Марья Александровна. Да, я хочу на зло,
чтобы мой сын тоже служил в гвардии и был
бы на всех придворных балах. ЛБ15;

П — на всех лучших балах

Миша. Да разве этим ей досадите?

а. Да разве досадите вы ей этим что ли

б. Да разве вы этим ей досадите ЛБ15

Миша. Если вы это требуете, маменька, я
перейду в военную; только, право, мне само-
му будет смешно, когда увижу себя в мунди-
ре.

ЛБ15 — Ну, нечего делать, послужим в во-
енной

Миша. Если вы это требуете, маменька, я
перейду в военную; только, право, мне само-
му будет смешно, когда увижу себя в мунди-
ре.

ЛБ15 — как вижу себя

Марья Александровна. Уж, по крайней мере, гораздо благороднее этого фрачишки.

ЛБ15 — этого фрака

Миша. За одним разом и переменить службу и женить?

ЛБ15 — Как, матушка, вдруг и переменить службу и жениться

Марья Александровна. Что же? Как будто нельзя и переменить службу и женить?

ЛБ15 — Вот новости, как будто нельзя вдруг переменить службу и жениться

Миша. Да ведь я и намеренья еще не имел.

ЛБ15 — Да я и намеренья не имел еще жениться

Миша. Она насилу слово может связать, да и то такое, что только руки расставишь, как услышишь.

ЛБ15 — руки расставишь, как услышишь. Мне каже<тся>

Марья Александровна. Тебе это не пристало, не пристало, я тебе двадцать раз уже говорила.

ЛБ15 — тебе двадцать раз уже говорила, чтобы

Миша. Ах, маменька, но когда и в чем я

был не послушен вам? П;

а. Ах, маменька, ради бога не произносите этого слова. Вы не поверите, как оно мне противно и пошло, какое глупое ложное значение придали ему люди. Не будьте похожи на тех старичков, которые имеют обычай колоть [которые колют] этим словцом в глаза всех, не рассмотревши хорошенько [внимательно] ни человека, ни слова, которым его колют. Что было когда-то на свете пятьдесят русских пустых голов, воспитанных на французскую ногу, они воспользовались этим преданием и давай придавать [давай им честить] его ко всякому, честить им встречного и поперечного. У кого заметят они только немного сшито не так платье, как у другого, как-нибудь иначе прическа, словом что-нибудь не так, как у других — они тотчас: «Либерал! Либерал! Опасный человек! Революционер! Вон у него фалды фрака не так, как у прочих! [как у другого] Платок не так завязан! не так волосы носит!» Вы не поверите, как у меня всякий раз взрывается сердце, когда я услышу это. Как мало знают они русского человека, как мало знакомы <им> характерные твердые

черты русского разума, который, если и бывал увлечен, то скорее силою душевных прекрасных побуждений, а не воздушной мыслью, созданной наскоро в легкой голове француза, у которого уже в одной сердечной глубине есть столько глубоких сердечных убеждений, которые предохранят его вечно от мелких заблуждений ума. Самая эта любовь к царю, это цельное[это непостижимое] самобытное чувство, хранящееся в душе его, от которого не властен[не может] оторваться он, если бы даже и вздумал. Для него[Для этого чувства] он пожертвует всем имуществом, понесет жизнь свою, всё вытерпит он безмолвно и не станет даже вперед кричать об этом, даже не похвастается[и хвастаться] потом. И не горько ли видеть, когда сему же самому русскому человеку пошло придадут мысли, которых[когда] он и не содержал и содержать не может в себе. Придают ему это пошлое, износившееся имя либеральничества. Ах, маменька, ради бога не произносите этого противного слова. [противного мне имени] Не называйте им без разбору[необдуманно] всё, что не по мыслям вашим. Вы рассмотрите, ма-

менька, когда и в чем я был непослушен вам.

б. Ах, маменька, сколько я вас просил, не повторяйте этого слова. Вы не поверите, как оно мне противно и пошло, какое глупое ложное значение придали ему у нас. [ему на Руси] Не будьте похожи на тех старичков, которые имеют обычай колоть этим словцом в глаза всех, не рассмотревши хорошенько ни человека, ни слова, которым его колют. Что осталось о пятидесяти каких-нибудь пустых головах, воспитанных на французскую ногу, они ухватились за это предание и давай придавать его ко всякому, честить им встречного и поперечного. У кого заметят они только немного сшито не так платье, как у другого, как-нибудь иначе прическа, словом что-нибудь не то, что у других, они тотчас: «Либерал, либерал! революционер! Вон у него фалды фрака не так, как у прочих! платок не так завязан! не так волосы носит!» Вы не поверите, как у меня всякий раз взрывается сердце, когда я услышу это! Как мало им ведомо сердце русского человека и твердые черты его характера! Как не знают они того, что если и увлекается он, то увлекается силою душевных

прекрасных побуждений, а не оторванной от всего мыслью, создавшейся в легкой голове какого-нибудь француза. И этот русский человек, в груди которого таится самобытное, слитое с самой его природой чувство, чувство непостижимой любви к царю, — чувство, из-за которого он пожертвует всем, понесет свое имущество, жизнь безмолвно, не крича [и не станет даже хвастаться и хвалиться этим, говорить] об этом вперед, не хвастаясь и не хвалясь этим. [не станет хвастать и хвалиться этим] И этот русский укоряется этим пошлым словцом, которое без различия дается также и первому встречному сорванцу и бродяге. [И этот русский должен нести иногда бессмысленное имя либерала, придаваемое первому встречному сорванцу.] Нет, маменька, употребляйте все прочие слова и не употребляйте этого истасканного и пошлого слова. Вы рассмотрите, когда и в чем я был не послушен вам. ЛБ15

Миша. Мне уже скоро тридцать лет, а между тем я, как дитя, покорен вам во всем.

ЛБ15 — Помилуйте матушка, вы сами знаете, что уж послушнее меня, я думаю, нигде не

найдете. Мне уж тридцать лет

Миша. Мне уже скоро тридцать лет, а между тем я, как дитя, покорен вам во всем.

ЛБ15 — а при всем <том> не слушаюсь ли я, как дитя, во всем

Миша. Вы мне велите ехать туды, куды бы мне смерть не хотелось ехать — и я еду, не показывая даже и вида, что мне это тяжело.

ЛБ15 — Вы мне велите съездить к тому и к тому, куда бы

Миша. Вы, наконец, велите мне переменить службу — и я переменяю службу, в тридцать лет иду в юнкера; в тридцать лет я перерождаюсь ~ либеральничеством.

ЛБ15 — и я в тридцать лет переменяю службу. Наконец вы требуете даже от меня таких вещей, каких можно требовать [какие требуются] только от малолетнего ребенка, и я всё исполняю и в тридцать лет

Миша. Вы, наконец, велите мне переменить ~ при всем том вы мне всякий день колете глаза либеральничеством.

ЛБ15 — не пройдет дня, чтобы меня не называли несколько раз либералом

Марья Александровна. Пожалуйста, не го-

вори этого!

ЛБ15 — Марья Александровна. О, будто я не знаю

Миша. Я никогда не позволю ему надо мною иметь и тени влияния.

а. Я говорю вам решительно, что он не имел

б. Я не позволю ЛБ15

Миша. И такой человек, вы думаете, может иметь надо мною власть? и думаете, я позволю?..

ЛБ15 — Ну, видите, зачем же вы говорите, чтоб такой человек имел надо мною власть и я бы позволил

Миша. Позвольте мне хотя здесь иметь свой голос, хотя в деле, от которого зависит счастье моей будущей жизни.

ЛБ15 — Позвольте, матушка, хотя здесь иметь мне свой голос

Миша. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюблен в другую?

Начато:

а. может

б. ну, что если бы ЛБ15

Марья Александровна. Я ничего не знаю

про Одосимова... да что он, богатый человек?

ЛБ15 — да что он за человек такой — богат?

Миша. Редкий человек, удивительный человек.

ЛБ15 — Человек удивительный, редкий, можно сказать, человек

Марья Александровна. И богатый?

ЛБ15 — И богат?

Миша. Таких достоинств души не сыщешь в свете.

ЛБ15 — Таких достоинств души не сыщешь в свете. Если бы вы только знали, как воспитал он дочь. Ах, матушка, нужно, чтобы вы непременно ее увидали. Больше я ничего не хочу, как только того, чтобы вы ее увидали

Марья Александровна. Да что он, как, в чем состоит его чин, имущество?

ЛБ15 — Да что он, как, в чем состоит его чин, имущество? Ну да сколько он за ней дает?

Миша. Я понимаю, маменька, ~ на воспитанье дочери.

а. В других женщинах вы отыщите хоть что-нибудь принужденного, выисканного, а у

нее и тени ничего подобного. Вот уж где можно справедливо в лице прочесть душу. М.<ария> П.<етровна.> Ну, да сколько же за ней, скажи мне, по крайней мере, это. М.<иша.> Сколько за ней?..[Я понима<ю>] Ах, матушка, позвольте на счет этого сказать мне откровенно свои мысли. Меня, признаюсь, бесит, когда я увижу, как богатый женится на богатой же; мне кажется, право, как будто он дерет последнее лохмотье с нищего. На женитьбу я смотрю как на дело, данное свыше, чтобы примирить с несправедливостью счастья и случая. Представьте только себе какого-нибудь истинно достойного человека: ему не повезло; может быть, собственная честность не позволила ему составить состояние — и справедливо <ли> со стороны богатой невесты, пройдя мимо его достоинств и прекрасных качеств, выбрать богача, для того-то, чтобы прибавить к своему богатству, с которым она и без того не знает, что делать, лишнее богатство? Все равно[а. Ведь это, право, почти что-то б. Ведь это, право, почти вроде даже несправедливости] если бы пешеход сверх шинели да натащил на себя еще шубу,

когда ему и без того жарко. Когда оба бедны, другое дело. Но невеста бедная должна выходить за богатого; богатый должен искать себе бедную — это естественное дело. Состоянья у нас, слава богу, довольно. Я, может быть, со временем еще сам кое-что приобрету...

б. Я понимаю, маменька ~ тогда на свете? Ведь это всё равно, что сверх шубы да надеть шинель[а. Ведь это, право, почти что-то б. Ведь это, право, почти вроде даже несправедливости] ~ на воспитанье дочери ЛБ15

Марья Александровна. Больше я не в силах слушать.

ЛБ15 — Больше я не в силах терпеть

Марья Александровна. Всё знаю, всё: влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом. ЛБ15;

П — которая, может быть, бог знает чем занимается

II.

Собачкин. Только один раз велит она виноватой девушке лечь, как следует, на кровать, а сама пошла в другую комнату, не помню, за чем-то, кажется, за розгами. ЛБ15;

П — Один раз велит она

Собачкин. Натурально. Я это говорил всему свету. Толкуют: «Примерная жена, сидит дома, занимается воспитанием детей, сама учит по-аглицки!»

ЛБ15 — Натурально, помилуйте, я всегда это говорил. Свет толкует

Собачкин. Толкуют: «Примерная жена, сидит дома, занимается воспитанием детей, сама учит по-аглицки!»

ЛБ15 — занимается воспитанием, сама учит детей по-аглицки

Марья Александровна. Спроси, возьмется ли он переделать карету к первому числу.

ЛБ15 — к святой

Марья Александровна. Вот в чем дело: мой сын влюбился, или, лучше, не влюбился, а просто зашло в голову сумасбродство...

ЛБ15 — а просто само собою

Собачкин. А однако ж, он мне ничего об этом не сказал.

ЛБ15 — А впрочем он мне ничего об этом однако ж не сказал

Марья Александровна. Я хочу от вас, Андрей Кондратьевич, большой услуги: вы, я

знаю, нравитесь женщинам.

ЛБ15 — Я хочу вот чего

Собачкин. Ах, боже мой, Ермолай Иванович, кажется, вот хоть убей, позабыл фамилию.

ЛБ15 — хоть убей, позабыл фамилию. Ну, да вы знаете его, Марья Петровна

Марья Александровна. Совсем нет; не знаю я никакого ~ Сильфиды Петровны.

ЛБ15 — Совсем нет; не знаю я никакого Ермолая Ивановича

Марья Александровна. Да и Куропаткина я не знаю.

ЛБ15 — я не знаю тоже

Собачкин. Да так как-то. Думаю себе: отец откупщик, родня — что ни попало.

ЛБ15 — Да, так. Отец откупщик

Марья Александровна. (В сторону). Прошу покорно! Теперь всякая ~ говорит!

ЛБ15 — Ведь вы же не так высокого класса человек

Собачкин. А ведь вообразите, что, еще как был мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдет без того, чтобы не ударить пальцем под подбородок и не сказать: «Плутишка, как хо-

рош!»

ЛБ15 — не пройдет, чтобы не ударить Марья Александровна. Ведь вот насчет красоты тоже — ведь моська совершенная, а воображает, что хорош.

ЛБ15 — Ведь моська совершенная, а воображает, что хорош

Марья Александровна. Нельзя ли как-нибудь, знаете, представить ее не в том виде, как-нибудь эдак, что называется, немножко замарать. ЛБ15;

П — размарать

Собачкин. Ничего, я так сказал да. П;

ЛБ15 — я так да

Марья Александровна. Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. ЛБ15;

П — Книжонка-то у тебя есть

Собачкин. Долгов-то я отдавать не буду: и сапожник подождет, и портной подождет, и Анна Ивановна тоже подождет; конечно, раскричится, ну да что ж делать?

ЛБ15 — конечно раскричится только

Собачкин. А я сделаю вот как: скоро будет ~ есть, говорят, у Иохима, только ~ не показывает. ЛБ15;

П — у Юкина

Собачкин. А я сделаю вот как: скоро будет ~ Иохима, только еще что вышла, последней моды, еще он даже никому не показывает. ЛБ15;

П — только что отделанная, последней моды

Собачкин. Да ведь я могу и удрать, и если что, в спальню Марьи Александровны и прямо под кровать, и пусть-ка он оттуда меня вытащит!

ЛБ15 — и если что, так в спальню

Собачкин. Чорт его знает, так, кажется, на словах всё бы славно ~ дал, конфузия, конфузия, не подымается рука, да и полно.

ЛБ15 — конфузия совсем

Собачкин. Нет, этим, я думаю, не надуешь.

ЛБ15 — Этому он может даже и не поверить

Собачкин (Сжимает губы).

ЛБ15 — Закусывает губы

Собачкин. «Если ты, коварный обольститель ~ деньги, которые я ~ рожа» (последнее ~ в полицию).

ЛБ15 — то я тебя, скверная рожа

Собачкин. Вот уж просто чорт знает что! Вот уж именно ничего нет в этом письме.

ЛБ15 — Вот уж просто мерзость, ни правил, ни благородства, ничего не видно в этом письме

Собачкин. Нет, нет, все эти письма, я вижу, как-то не то... совсем не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильного, где виден кипяток, кипяток, что называют.

а. Нет, нет, нужно поискать какого-нибудь сильного письма, чтобы видно было чувство. Этак пожалуй и я напишу

б. Нет, нет, все эти письма, я вижу, как-то [того] не то... совсем не годятся ~ что называют ЛБ15

Собачкин. А вот, вот, посмотрим это.

ЛБ15 — А вот, вот, посмотрим это. Это должно быть что-то хорошее

Собачкин. Чувствительно, а между тем и человек не оскорблен.

ЛБ15 — Чувствительно, красиво

Собачкин. Далее уж и читать не нужно; только не знаю, как бы выскоблить так, чтобы не было заметно.

ЛБ15 — Далее и читать не нужно, и по на-

чалу видно, что хорошо

Собачкин. Э, э! вот хорошо, даже имени не выставлено!

ЛБ15 — Bravo, имени не выставлено

Собачкин. Вот не знаю, как запустить ~ бахромкой, как говорят — сукном обшит, или ~ что-нибудь, а?

ЛБ15 — чтобы казалось, как будто сукном обшит

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ

[Приводимые здесь варианты КАБ5 представляют собой первоначальные рукописные чтения (до правки).]

Автор пьесы. Узнаешь наконец, что рукоплесканья ~ уменья выводить вензеля ногами, фокусник ли — всем им гремит рукоплесканье!

КАБ5 — выписывать вензеля ногами

Все другие произведения и роды подлежат суду немногих, один ~ судьей его.

КАБ5 — подлежат более или менее суду

МНОГИХ

Все другие произведения и роды подлежат суду немногих, один комик подлежит суду всех; над ~ судьей его.

КАБ5 — принадлежит суду всех

Все другие произведения ~ право, всякого звания человек уже становится судьей его.

КАБ5 — какого бы ни был звания и сословья человек, он уже становится судьей его

О, как бы хотел я, чтобы каждый указал мне мои недостатки и пороки!

КАБ5 — чтобы всякий

Первый *comme il faut*. Да, рекомендую: новый ресторан: вчера нам подал свежий зеленый горох (целует концы пальцев) — прелесть!

КАБ5 — новый свежий горох

Светский человек, щеголевато одетый. За это я намерен еще проволочить его, и годика два не заплачу долгов.

КАБ5 — не платить

Господин, несколько беззаботный насчет литературы (обращаясь к другому).

КАБ5 — Человек

Неизвестно какой человек. Я и говорю: в

отношении литературного достоинства я не могу судить; я только заметил, что пьеса смешна, доставила удовольствие. П;

КАБ5 — доставила удовольствия

Неизвестно какой человек. Я и говорю: в отношении литературного достоинства я не могу судить; я только заметил, что пьеса смешна, доставила удовольствие.

КАБ5 — я не могу узнать

Еще литератор (входит в сопровождении слушателей, которым говорит, размахивая руками).

КАБ5 — и говорит

Неизвестно какой человек. Другой, заглянув сбоку в лицо рассуждавшего, махнул рукой.

КАБ5 — в лицо разговаривавшего

Другой. У него есть ум, но сейчас по выходе журнала, а запоздала выходом книжка — и в голове ничего.

КАБ5 — по выходе нового журнала

Другой. У него есть ум, но сейчас по выходе журнала, а запоздала выходом книжка — и в голове ничего.

КАБ5 — и в голове у него ничего

Первый. Я вовсе не из числа тех, которые прибегают только к словам: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное.

КАБ5 — тона и тому подобное. Эти слова обыкновенно произносятся

Первый. Это уже доказанное почти дело, что такие слова ~ о гостиных, и допускаются только в передние.

КАБ5 — и принимаются

Второй. Да, если принимать завязку в том смысле, как её обыкновенно принимают, то есть в смысле любовной интриги, так её точно нет.

КАБ5 — если ты принимаешь

Второй. Стоит взглядеться пристально вокруг.

КАБ5 — Стоит поглядеть

Второй. Теперь сильнее завязывает драму ~ ни стало, другого, отметить за пренебрежение, за насмешку.

КАБ5 — друг друга

Второй. Конечно, это завязка, но какая завязка? — точный узелок на уголке платка. КАБ5;

П — на уголке платка

Второй. Всё то, что составляет именно сторону комедии, тогда ~ исчезнет.

КАБ5 — цель комедии

Второй. Для того, кто будет глядеть на слова, а не вникать в смысл, это так.

КАБ5 — не вникать в смысл, это так. Для того и

Второй. В руках искусного врача и холодная и горячая вода лечит с равным успехом одни и те же болезни.

КАБ5 — искусного медика

Четвертый. Странно, что ~ не могут обойтись без правительства. Без ~ комедия. КАБ5;

П — обойтись без того, чтобы не вмешивать начальств. Без них у нас не развяжется ни одна комедия.

Четвертый. Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правительства. КАБ5;

П — без того, чтоб не вмешивать начальства

№ 1. Так, так, я вижу: это верно, что есть у нас и случается в иных местах и похуже; но для какой цели, к чему выводить это? КАБ5;

П — к чему приведет это?

№ 2. Это значит выставить в дурном виде самое правительство, потому что ~ правительство. КАБ5;

П — в дурном виде самые начальства

№ 2. Просто, даже не следует позволять таких представлений.

КАБ5 — Просто, даже не следует позволять таких представлений, вот что

Господин Б. Я бы очень хотел, чтобы вы услышали ~ в креслах...

КАБ5 — Другой

Очень скромно одетый человек. Сейчас только я слышал ~ насмешка над правительством, над ~ представлять. КАБ5;

П — нет.

Очень скромно одетый человек. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пиесу, и ~ значительней.

КАБ5 — всю комедию

Очень скромно одетый человек. Что скажет народ? (Посторонивается, проходят двое в армяках).

(Посторонивается, и дает

Очень скромно одетый человек. Да разве это не очевидно ясно, что после такого пред-

ставления народ получит более веры в правительство?

КАБ5 — он получит

Очень скромно одетый человек. Пусть он отделит правительство от дурных исполнителей правительства. КАБ5;

П — нет.

Очень скромно одетый человек. Человек прежде всего делает запрос: «Неужели существуют такие люди?»

КАБ5 — есть такие люди?

Господин Б. Я бы этого не мог думать.

КАБ5 — Я бы этого никак не мог

Господин А. Позвольте сделать вам одно предложение.

КАБ5 — Позвольте мне вас

Очень скромно одетый человек. У нас, право, до того дошло, что ~ уже считает себя бог весть каким ~ его.

КАБ5 — считает себя ни весть

Очень скромно одетый человек. Вот вам мой адрес: но будьте уверены, что я не допущу вас ~ к вам.

КАБ5 — я не заставлю

Очень скромно одетый человек. Но встре-

тить ~ к добру... дай бог, чтобы всякий государь был окружен такими людьми! КАБ5;

П — чтобы везде было побольше таких людей!

Господин А. В глуши, в забытом углу твоём, скрывается подобный перл, и, вероятно, он не один.

КАБ5 — такой перл

Господин. Нет нужды, что она ~ нет нужды. КАБ5;

П — нет

Господин. До того нет нужды.

КАБ5 — До этого нет нужды

Господин В. Есть люди, которые имеют искусство всё охаять. КАБ5;

П — всё исказить

Господин В. Твою же мысль, повторивши, они умеют сделать её так пошлою, что сам краснеешь. КАБ5;

П — сделать столь пошлою

Первая бекеша. Ну, вот, помнишь, во вчерашнем водевиле: раздевается, ложится ~ под кровать. КАБ5;

П — ложится в постель и проч.

Молодая дама. Совсем нет. Я нахожу, что

многое очень верно: я смеялась от души.

КАБ5 — Ошибаетесь, мне было очень смешно

Молодая дама. Оттого, что выведена ~ такая же подлость или низость: вот отчего смеялась.

КАБ5 — подлость и низость

Вторая дама. Да не он один, я ~ Россией, насмешка над правительством! КАБ5;

П — нет

Вторая дама. Женщина не может, женщина не в силах сделать тех подлостей и гадостей, какие делаете вы.

КАБ5 — которые

Второй. Да если бы хотя одно лицо ~ перешли бы на сторону этого честного лица и ~ теперь.

КАБ5 — на его сторону

П — на сторону этого истинного лица

Второй. И чем живее, чем ярче те образы, в которые он облекся, и ~ на образах.

КАБ5 — которыми он облекся

Другой чиновник. Теперь, значит, уж ничего ~ тряпка. КАБ5;

П — нет.

Один. Я уж столько наслышался толков, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думает о пиесе.

КАБ5 — что всякий

Бегут армяки, полушубки, чепцы, немецкие долгополые кафтаны купцов, треугольные шляпы и султаны, шинели всех родов: фризковые, военные, подержанные и щегольские с бобрами.

КАБ5 — шинели всех родов и сортов

Чиновник разговорчивого свойства. Чай, в иностранной коллегии служат. КАБ5;

П — нет.

Голос из толпы. Вот она поворотилась, видишь, видишь? еще теперь подурнела, но года три тому назад...

КАБ5 — еще теперь она подурнела

Голос в одном конце толпы. Этакое происшествие могло только разве случиться на Чукотском острове. КАБ5;

П — на Чукотском носу

Голос в другом конце. Я подозреваю, что автор если не был сам там, то, вероятно, слышал.

КАБ5, П — Я подозревал

Красивый и плотный господин. Что вы разумеете под именем относительная? КАБ5;

П — под словом относительная?

Невзрачный, но ядовитого свойства господин. Все от честности не так ли? КАБ5;

П — не правда ли?

Невзрачный, но ядовитого свойства господин. Четыре дома в одной улице; все рядом один возле другого, в шесть лет выросли! КАБ5;

П — один подле другого

Разговор в группе на стороне.

КАБ5 — меж<ду>

Просто враль. Ему места долго не давали, так что ж вы думаете? КАБ5;

П — вовсе не давали

Господин с весом. Я не знаю, что это за человек?

КАБ5 — Голос

Господин с весом. Для этого человека нет ничего священного: сегодня он скажет такой-то советник не хорош, а завтра скажет, что и бога нет. КАБ5;

П — что и в нас правды нет ни на грош

Третий господин. Нет, это не простые без-

делушки; на это обратить нужно строгое внимание. КАБ5;

П — обратить должно

Добродушный чиновник. А всё бы, право, ну что бы хоть одного честного человека выставить. КАБ5;

П — Добродушный человек

Автор пьесы. Счастье комику, который ~ в одну недвижную массу, где ~ характера. КАБ5;

П — недвижимую массу

Автор пьесы. И в сем благородном стремленьи государственного мужа! И в сем высоком самоотверженьи забившегося в глушь чиновника! КАБ5;

П — И в этом благородном ~ и в этом высоком

Автор пьесы. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во всё продолжение ее.

КАБ5 — действовавшее во все те<чение><ее>

П — во время продолжения ее

Автор пьесы. Он был благороден потому, что ~ на то, что доставил обидное ~ души его.

КАБ5 — что принес

Автор пьесы. Никто не вступился за этот смех.

КАБ5 — за этот смех. Никто не за<ступил-ся>

Автор пьесы. Несправедливы те, которые говорят, что смех не действует ~ посмеяться!

КАБ5 — говорят, будто

Автор пьесы. Всё, что ни творилось вдохновеньем, для ~ побасенки, святые движенья души — для них побасенки. КАБ5;

П — высокие движения души

Автор пьесы. Нет, не оскорбленное мелочное самолюбье ~ незрелые, слабые созданья были сейчас названы побасенками.

КАБ5 — слабые творенья

Автор пьесы. Нет, я вижу свои пороки и вижу, что достоин упреков. КАБ5;

П — свои недостатки

Автор пьесы. Но не могла выносить равнодушно ~ побасенок, когда все светила и звезды мира признавались творцами одних пустяков и побасенок! КАБ5;

П — нет.

Автор пьесы. О, да пребудут же вечно святые в потомстве имена благосклонно внимава-

ших таким побасенкам. КАБ5;

П — вечно священны в потомстве

Автор пиесы. В минуты даже бед ~ заступником: венчаный монарх ~ престола. КАБ5;

П — нет.

КОММЕНТАРИИ

ИГРОКИ

I. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

В настоящем издании основной текст печатается по окончательной редакции «Игроков» (КАБ6) с некоторыми исправлениями по изданию 1842 г. и копии МТ.

II

Комедия «Игроки» была напечатана впервые в издании «Сочинения Николая Гоголя», 1842, том четвертый, в разделе «Драматические отрывки и отдельные сцены», который датировался самим Гоголем периодом с 1832 по 1837 г. Окончательная обработка комедии относится к 1842 г., но начата она была несомненно раньше. Посылая Прокоповичу в конце августа 1842 г. свою комедию, Гоголь писал, что «в силу» ее «собрал» из «черновых листов», написанных «уже давно». Бумага ленинградских набросков (ПБЛ11) — русских фабрик. Собственная датировка Гоголя («по 1837 г.») дала основание Н. С. Тихонравову от-

нести черновые наброски «Игроков» к петербургскому периоду его жизни (до июня 1836 г.).

Ленинградский автограф находится в одном переплете с «Женитьбой» (1836 г.), «Отрывком» и т. д. (переплет позднейший) Он занимает листы 26–33 об. и содержит начало пьесы (до явления 8) и наброски продолжения. Начало пьесы представляет собой беловик, подвергшийся позднее правке. Дальнейшие наброски (на двух четвертках, листы 32–33 об.; бумага другого сорта) написаны в беспорядке, с интервалами, и по содержанию соответствуют концу явления 8 и явлению 9.

Полной и окончательной редакцией «Игроков» является текст киевского автографа, присланный Гоголем Прокоповичу из Гастейна вместе с письмом от 29 августа (ст. ст.) 1842 г. Он находится в одном переплете с «Театральным разездом», на первом месте (листы 1—11). Окончание и отделка пьесы приходятся, очевидно, на июль—август 1842 года. 15 (27) июля Гоголь писал Прокоповичу: «Я к тебе еще не посылаю остальных двух лоскутков, потому что многое нужно переправить,

особливо в „Театральном разезде...“» Под первым из «лоскутков» здесь имеется в виду комедия «Игроки», к работе над которой, очевидно, и приступил автор. Как видно из киевского автографа, Гоголь и при переписке на бело окончательной редакции «Игроков» вносил в нее отдельные стилистические поправки, кое-что сокращал, и, даже отослав перебеленный текст комедии Прокоповичу, он сделал в нем еще одно дополнение — в одном из последующих своих писем. «Также в Игроках — писал он 14 (26) ноября 1842 г. — пропущено одно выражение довольно значительное. Именно, когда Утешительный мечет банк и говорит: „На, немец, возьми, съешь свою семерку!“. После этих слов следует прибавить: „Руте, решительно руте! Просто карта фоска!“ Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства».

С автографа окончательной редакции пьесы были сделаны писарские (не сохранившиеся) копии для цензора и для типографского набора издания 1842 г.; [Об этом говорит сам Гоголь в приписке к последней странице при-

сланного Прокоповичу текста «Игроков». «NB. Само собой разумеется, что переписать всё это нужно писцу по примеру прочих, разгони́сто и четко, чтобы цензор мог прочесть удобно».] к нему же, по-видимому, восходит и копия Московского Малого театра. По крайней мере почти во всех тех случаях, когда Прокопович вносил в печатный текст пьесы свои — в большинстве случаев грамматические и стилистические — поправки, театральная рукопись дает чтение автографа.

Для настоящего издания взят в основу текст «Игроков», подготовленный к изданию 1842 г. самим Гоголем, т. е. текст киевского автографа, свободный от поправок Прокоповича.

Оговариваем некоторые отступления от автографа:

Явление V — «Дает ему бумажку» (вм. «Дают») — более соответствует контексту и, кроме того, совпадает с первоначальной редакцией в ПБЛ11.

Явление XVI — «Дает ему подписаться» (вм. «Дают») — более соответствует контексту.

Надо еще оговорить, что некоторые отли-

чия издания 1842 г. от киевского автографа в подаче заглавия комедии были сделаны по указанию самого Гоголя, который 29 августа (ст. ст.) 1842 года писал по этому поводу Прокоповичу «...на одном белом листе „Драматические отрывки“ и отдельные сцены с 1832 по 1837 год», а на другом, вслед за ним — «„Игроки“ с эпиграфом».

III

Пьесы из жизни игроков были очень популярны на сцене, начиная с конца XVII века (комедия Реньяра «Игрок», 1696 г.; английская мелодрама «Беверлей», 1773 г.; мелодрама Дюканжа и Дюно «Тридцать лет или жизнь игрока», 1828 г. и др.). Быт игроков и шулеров описывался также во многих романах и повестях (Д. Н. Бегичев, «Семейство Холмских», 1832 г.; Р. Зотов, «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона», 1832 г. и пр.); сюда же относится и пушкинская «Пиковая дама», в основу которой положен карточный сюжет. Издавались, кроме того, многочисленные руководства карточной игры; существовали и полубеллетристические сочинения, специально посвященные шулерским проделкам. Широко

известно было вышедшее в 1826–1827 гг. в двух томах «сочинение российское», под заглавием «Жизнь игрока, описанная им самим, или открытые хитрости карточной игры». Отсюда заимствован Гоголем рассказ Утешительного о чемодане с краплеными картами, подброшенном к помещицкому дому (явление 8). [Ср. «Жизнь игрока, описанная им самим, или открытые хитрости карточной игры», том II, стр. 42–45. Историю карточной тематики в литературе см. в статье В. В. Виноградова «Стиль Пиковой дамы» («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», книга 2, стр. 75–86).] Компанию шулеров изображал князь Шаховской в неоконченной комедии «Игроки» (1826 г.). Интересно, что сюжет здесь, как впоследствии у Гоголя, состоял в столкновении между шулерами. [Рассказ об этой пьесе см. в «Литературных и театральных воспоминаниях» С. Т. Аксакова («Сочинения С. Т. Аксакова» под редакцией А. Г. Горнфельда, изд. «Просвещение», том IV, стр. 285). Содержание ее известно только по изложению С. Т. Аксакова]

Карточной темы Гоголь касался и в других

произведениях помимо «Игроков». Карты занимают видное место в характеристике Хлестакова в «Ревизоре» и двух чиновников в «Утре делового человека». Мотив подобранной колоды намечен мимоходом в «Мертвых душах». Ноздрев трудится над «подбиранием из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую можно было бы понадеяться, как на вернейшего друга» (глава X). Ихареву такая колода стоила «почти полгода трудов», так что доктор «опасался воспаления в глазах»; то же и в «Мертвых душах»: Ноздрев «исхудал и позеленел». В записных книжках Гоголя 1841–1842 гг. мы находим ряд карточных терминов, некоторыми из которых он воспользовался как в «Мертвых душах» («загнуть утку»), так и в «Игроках» («пароле пе»).

Оригинальность гоголевских «Игроков» заключается в том, что интерес сосредоточен здесь не на карточной интриге, а на самом содержании ролей, разыгрываемых шулерами с целью обмануть Ихарева. Некоторые из лиц, разыгрывающих эти характерные роли, совсем не выступают без маски и так и остаются

ся неизвестными зрителю и читателю (старик Глов, приказный Замухрышкин). Карточный анекдот служит в «Игроках» только поводом для обрисовки характерных персонажей.

Театральная цензура перед постановкой подвергла текст «Игроков» строгой чистке. Уничтожено было всё, касающееся «гусарской» характеристики Глова-сына. Слово «гусар» систематически заменялось «молодцом» или просто вычеркивалось. Вместо «будущего гусарского юнкера» в театральной копии стоит: «нашего нового друга»; вместо «всего гусарства» — «всех»; вместо «гусарские», «гусарская» — «молодецкие», «молодецкая»; вместо «юнкер» — «молодец». Вычеркнута фраза: «Барклай-де-Тольевское что-то видно». Кроме того произведены следующие вымарки и изменения: 1) фраза Глова-сына «ну, уж я бы ей не спустил» (о сестре, явление XVI), заменена менее резкой: «ну, уж я бы сам приволокнулся»; 2) выброшена ссылка Замухрышкина на то, что «взятки берут и те, которые повыше» («а как рассмотришь ~ да на других санках», явление XX); 3) в реплике Утешительного «а

вы уж там с начальниками своими сделайте, как следует» (в связи с обещанием взятки, явление XX) выброшены слова «с начальниками своими»; 4) фамилии «Чеботарев» и «Крыницын», как существовавшие в действительности, заменены выдуманными «Чемоданов» и «Кравицын».

«Игроки» были поставлены в Москве 5 февраля 1843 г., в бенефис Щепкина, в один вечер с «Женитьбой», несмотря на совет Гоголя прибегнуть к «Игрокам» до следующего бенефиса (письмо Щепкину из Рима в конце ноября 1842 г.). «Игроки» шли тотчас после «Женитьбы», опять-таки наперекор совету Гоголя не ставить его пьес непосредственно друг за другом (то же письмо). Щепкин играл Утешительного без особенного успеха. Слаб был Ленский (Ихарев). В роли Замухрышкина выступал Пров Садовский. Как писал Гоголю С. Т. Аксаков, «Игроков» слушали холоднее, чем «Женитьбу», а пьесу, однако, хвалили. [«Русский Архив», 1890, № 8.] Благоприятная рецензия о спектакле появилась в «Московских Ведомостях» от 11 февраля 1843 г. В Петербурге «Игроки» шли 26 апреля 1843 г., в бенефис Н.

И. Куликова. Порядок спектакля был следующий: 1) «Заложение Санкт-Петербурга», «русская драматическая быль» в двух действиях, 2) «Игроки», 3) водевиль «Проказы барышень на Черной Речке» 4) водевиль «Актеры между собою». [«Ежегодник Императорских театров», 1891–1892 г., статья К. и М., стр. 370.] Главные роли в «Игроках» исполняли Сосницкий (Утешительный) и Мартынов (Ихарев). Из исполнителей выделился, по отзыву А. И. Вольфа, Самойлов (Швохнев), «скопировавший с натуры известного в то время игрока». [«Хроника Петербургских театров», 1877 г., стр. 104.] Белинский отмечал также хорошую игру П. А. Каратыгина в роли Замухрышкина. В Петербурге «Игроки» приняты были неприятно, что Белинский объяснил неразвитостью постоянных посетителей Александринского театра. «Это произведение, — писал Белинский, — по своей глубокой истине, по творческой концепции, художественной отделке характеров, по выдержанности в целом и в подробностях, не могло иметь никакого смысла и интереса для большей части публики Александринского театра». [«Отечествен-

ные Записки». 1843 г., том XXVIII. Театральная летопись, стр. 33.]

Благоприятный отзыв появился в «Репертуаре и Пантеоне». [1843 г., № 6, июнь, Критика, стр. 96—101.] «Если под водевилем разуметь не пьесу, одушевленную одною мыслью, — писал рецензент, — а изложенный драматический случай, то „Игроки“ дают нам образцовый (тем более образцовый, что первый) водевиль из чисто русской жизни... что за мастерская отделка характеров!» и пр. Резко отрицательная рецензия в обычном духе появилась в «Северной Пчеле» (3 мая 1843 г.).

УТРО ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

I. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

В настоящем издании печатается по тексту «Сочинений», изд. 1842 г. В письме к Пушкину от 2 марта 1836 года Гоголь назвал сцену «Утром чиновника». Вероятнее всего, что это было условное обозначение сцены. Нет оснований утверждать (как это делал Н. И. Коробка), что «Утро чиновника» было первоначальным точным заглавием, которое было изменено в «Утро делового человека» по цензурным соображениям.

«Утро делового человека» за подписью «Н. Гоголь» было напечатано в первом томе пушкинского «Современника» (цензурное разрешение 31 марта 1836 г.), с подзаголовком «Петербургские сцены» (отброшенным в изд. 1842 г.). В издании 1842 г. текст пьесы подвергся небольшой правке в стилистическом отношении. За отсутствием рукописей невозможно отделить поправок самого Гоголя от поправок редактора издания — Н. Я. Прокоповича. Поскольку же важнейшие из изменений текста в изд. 1842 г., по сравнению с тек-

стом «Современника», несомненно, принадлежат самому Гоголю (переработка диалога об игре в вист), — постольку основным текстом «Утра делового человека» следует считать текст издания 1842 г.

II

«Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» — все эти пьесы были созданы в результате переработки отдельных сцен незавершенного и оставленного Гоголем первого его драматургического замысла — комедии «Владимир третьей степени». Самое раннее известие об этом замысле мы находим в письме П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому от 8 декабря 1832 года (Сочинения и переписка Плетнева, т. III, стр. 522). Через два месяца, 17 февраля 1833 г, тот же Плетнев писал Жуковскому, что у Гоголя «комедия не пошла из головы» (там же, стр. 528). О том же писал Гоголь из Петербурга М. П. Погодину 20 февраля 1833 г.: «я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие на-

писалось на белой толстой тетради: Владимир 3-й степени, и сколько злости! смеху! соли! Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит». О гоголевской комедии знали, кроме Погодина, Плетнев и Жуковский. По-видимому, знал и Пушкин, который в письме от 30 октября 1833 г. спрашивал В. Ф. Одоевского: «Что его <Гоголя> комедия? В ней же есть закорючка». 14 августа 1834 г. Гоголь в письме к М. А. Максимовичу сообщал о двух своих пьесах, из которых одну он уже собирается отдать в театр, а другую «готовит из-под полы» Вторая пьеса, вероятно, и была «Владимир третьей степени». Наконец, точное известие о гоголевской комедии находится в «Письме из Петербурга» М. П. Погодина, помещенном в «Московском Наблюдателе» 1835 г., март, кн. 2, стр. 242–268. [Ср. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IV, стр. 267–268.]

Одна из начальных сцен, послужившая основой «Утра делового человека», получила огласку в Пушкинском кругу. 13 октября 1835 г., в письме из с. Михайловского П. А.

Плетневу, Пушкин вспоминал о некоторых деталях «Утра делового человека» и писал о них своему корреспонденту, предполагая, что и ему они хорошо известны. Позднее в письме к М. П. Погодину 1 декабря 1838 г из Рима Гоголь упоминал о «черновых лоскутках истребленной им комедии». Следовательно, комедия, по крайней мере в некоторой ее части, была написана, но затем «истреблена», причем остались только «лоскутки». В письме к В. А. Жуковскому из Москвы от конца декабря 1839 г. или начала января 1840 г., Гоголь говорил о «неоконченной комедии», причем подчеркивал, что отыскал из нее «только два отрывка, она вся осталась в Риме». Достоверность последнего признания Гоголя подтверждается тем, что действительно имеются два отрывка «Владимира третьей степени», переработанных в «Тяжбу» и «Лакейскую».

Как впервые установлено Н. С. Тихонравовым (Соч. Гоголя, 10-е изд., т II, стр. 736–737), из не дошедшей до нас белой рукописи «Владимира третьей степени» Гоголь в начале 1840 г. (обоснование этой даты см. в комментариях к «Тяжбе» и «Лакейской») сделал

две вырезки — в пять и в четыре листа. К первой вырезке он присоединил три заново написанных листа в начале и один заново написанный лист в конце. Так составила рукопись «Тяжбы». К началу второй вырезки он присоединил шесть заново написанных листов. Так составила рукопись «Лакейской». [Подробности, касающиеся упомянутых рукописей, см. в комментариях к «Тяжбе» и «Лакейской».] Само собой разумеется, что текст вырезок был переработан, а частью сокращен, имена действующих лиц при переделке были изменены. Восстанавливая интересующий нас в данном случае текст вырезок, относящийся к «Владимиру третьей степени» (см. в отделе «Других редакций»), мы можем видеть, что не только по именам действующих лиц в тексте этих вырезок, но и по развитию сюжета «Утро делового человека» и «Отрывок» также были созданы на основе сцен из «Владимира третьей степени». Почерк текста вырезок резко отличается от почерка заново написанных листов для «Тяжбы» и «Лакейской». На основании показаний Гоголя и других свидетельств, приведенных выше, неза-

конченную рукопись «Владимира третьей степени», вырезки которой дошли до нас в составе рукописей «Тяжбы» и «Лакейской», следует предположительно датировать концом 1832 г.

К тому же времени, т. е. к концу 1832 г., Н. С. Тихонравов относит несколько заметок Го голя о комедии, набросанных в его записной тетради. Важнейшей из этих заметок является следующая: «Комед<ия.> Материалы общие. Старое правило: Уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желаемого предмета на огромное расстояние. — Как игра в нахидку и всякая азартная игра. — Внезапное или неожиданное открытие, дающее вдруг всему делу новый оборот или озарившее его новым светом». [Данная заметка и несколько других, относящихся к комедии, опубликованы впервые в статье Н. С. Тихонравова «М. С. Щепкин и Н. В. Гоголь» — «Артист», кн. 5, январь 1890 г., стр. 91–92. К статье приложены три снимка с автографов опубликованных заметок.] Заметка эта находится в несомненной связи с замыслом «Владимира третьей степе-

ни».

Завязка незавершенной комедии Гоголя, комедии «с правдой и злостью», несомненно была дана в той сцене, которая послужила основой для «Утра делового человека». Герой пьесы, крупный столичный чиновник-бюрократ Иван Петрович Барсуков, мечтает получить «орден на шею». О том, как развивался сюжет «Владимира третьей степени», сохранилось свидетельство В. Родиславского, переданное им со слов М. С. Щепкина. В. Родиславский пишет, что главным действующим лицом комедии Гоголя «был человек, поставивший себе целью жизни получить крест св. Владимира 3-й степени... Старания героя пьесы получить этот орден составляли сюжет комедии и давали для нее богатую канву, которую, как говорят, превосходно воспользовался наш великий комик. В конце пьесы герой ее сходил с ума и воображал, что он сам и есть Владимир 3-й степени. С особенною похвалою М. С. Щепкин отзывался о сцене, в которой герой пьесы, сидя перед зеркалом, мечтает о Владимире 3-й степени и воображает, что этот крест уже на нем» («Беседы в Общ.

любителей Российской Словесности при Московском университете», вып. третий, М. 1871, стр. 140).

Герой «Утра делового человека», Иван Петрович Барсуков, мечтающий об ордене, очевидно, и был главным героем «Владимира третьей степени», поскольку в дошедших до нас отрывках этой комедии (вырезках из рукописи) фигурирует его имя. В одном из упомянутых отрывков выступают его брат, Хрисанфий Петрович, и Александр Иванович, ненавистник Барсукова, действующий с тем же именем и в «Утре делового человека». В сцене между Александром Ивановичем и Хрисанфием Петровичем Иван Петрович Барсуков разоблачается как мошенник, подделавший духовное завещание. В отрывке (вырезке из рукописи) «Владимира третьей степени» сцена между Александром Ивановичем и Хрисанфием Петровичем (давшая основу для «Тяжбы», где Александр Иванович переименован в Пролетова, а Хрисанфий Петрович в Бурдюкова) обозначена как «сцена III». Из предшествовавшей «второй» сцены сохранилась лишь заключительная часть, где дей-

ствует Марья Петровна Повалищева (сестра И. П. и Х. П. Барсуковых), заказывающая пригласительный билет на бракосочетание своего сына Миши с княжной Шлепохвостовой.

Очевидно, что именно «вторая», не дошедшая до нас сцена «Владимира третьей степени» дала основу для «Отрывка», поскольку действующими лицами последнего также являются Марья Петровна, в окончательной редакции переименованная в Марью Александровну, и ее сын Миша. Трудно сказать, в таких ли чертах, как в «Отрывке», рисовался Миша в тексте «Владимира третьей степени». В «Отрывке» он показан как добродетельный человек, влюбленный в добродетельную же дочь бедного чиновника Одосимова (в первой редакции «Отрывка» Одосимов именуется еще Подкопытовым). Мишина мать, обвиняющая сына в либерализме, масонстве и увлечении Рылеевым, с помощью интригана и мерзавца Собачкина пытается расстроить роман Миши и женить его на княжне Шлепохвостовой. Как бы то ни было, но несомненно, что тема женитьбы Миши на Шлепохвостовой входила в сюжет «Владимира третьей степе-

ни». В том отрывке (вырезка из рукописи) «Владимира третьей степени», который дал основу для «Лакейской», действие происходит в лакейской Ивана Петровича Барсукова. Здесь выведены чиновники, подчиненные Барсукову — Каплунов (которому во «второй» сцене Марья Петровна поручает заказать пригласительный билет на предстоящую свадьбу сына), [Н. С. Тихонравов ошибочно полагал, что во «второй» сцене Марья Петровна «заказывает К. (каретнику) изобразить на одной стороне кареты фамилию своего сына рядом с фамилией княжны Шлепохвостовой, на которой она хочет женить Мишу» — Соч. Голя, 10 изд., т. II, стр. 738.] Шрейдер (действующий и в «Утре чиновника»), наконец Петрушевич, только что уволенный из канцелярии Барсукова.

В лакейскую вбегает чиновник Закатищев, узнавший о том разоблачении подделки духовного завещания, которое готовят Барсукову его родной брат совместно с Александром Ивановичем. Мечтающий получить награду по службе, Закатищев стремится быстрее сообщить Барсукову о готовящемся разоблаче-

нии. Можно предполагать, что Закатищев из «Владимира третьей степени» фигурирует в «Отрывке» уже под именем Собачкина. На тождество Закатищева и Собачкина указывает ряд общих им черт: и тот и другой плуты и интриганы, оба любители женщин; и тот и другой мечтают о «славных рысаках» и собственной «колясчонке».

Таковы главные линии сюжетного развития «Владимира третьей степени», поскольку они нам известны. Замысел комедии, несомненно, вырос у Гоголя на основе его личных наблюдений департаментских нравов в пору его собственной службы. Цензурные затруднения, а также сложность композиции привели к неудаче «Владимира третьей степени».

Тот отрывок (вырезка из рукописи) «Владимира третьей степени», который дал основу для «Лакейской», заключается репликой Петрушевича и ремаркой «Занавес опускается». Следовательно, в тексте отрывка (вырезки) было дано окончание одного из действий «Владимира третьей степени». Н. С. Тихонов предполагает, что это было окончанием второго действия (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II,

стр. 742), и ссылается на свидетельство М. П. Погодина, конечно, осведомленного о том, на какой стадии была прервана работа Гоголя над его комедией. Погодин же сообщал в печати, что «из комедии Владимир 3-й степени написано два действия» («Москвитянин», 1841 г., ч. 1, № 2, Смесь, стр. 616).

Гоголь не закончил работы над «Владимиром третьей степени», но он все же не отказался от мысли использовать и центральную тему оставленной комедии и написанные ее части. Центральная тема «Владимира третьей степени» — помешательство честолюбца — была разработана Гоголем в «Записках сумасшедшего», созданных в сентябре—октябре 1834 г. Готовые сцены «Владимира третьей степени» дали основу сначала для «Утра делового человека», а затем для «Тяжбы», «Лакейской» и «Отрывка». [О связи центральной темы «Владимира третьей степени» с «Записками сумасшедшего» см. в книге В. В. Гиппиуса «Гоголь», Л., 1924, стр. 90–91, и в комментариях В. Л. Комаровича в третьем томе настоящего издания.] Остается открытым вопрос, в какой степени сцена «Владимира третьей степе-

ни», которая дала основу для «Утра делового человека», была Гоголем действительно переработана. Не лишено вероятности, что текст «Утра делового человека» в том виде, в каком мы его знаем (по «Современнику», где он впервые был напечатан), и составлял начало незавершенной комедии. В пользу такого предположения говорят следующие обстоятельства: во-первых, в «Утре делового человека» дана завязка «Владимира третьей степени» (Иван Петрович Барсуков мечтает получить «орден на шею»); во-вторых, имена нескольких действующих лиц «Утра делового человека» (Иван Петрович, Александр Иванович, Шрейдер) совпадают с именами тех же действующих лиц в тексте отрывков (вырезок из рукописи) «Владимира третьей степени».

Н. С. Тихонравов отмечает, что некоторые детали в «Утре делового человека» (или в начальной сцене «Владимира третьей степени») восходят к тем «заготовкам», которые набросаны были Гоголем в упоминавшейся выше, его записной тетради. [«Артист», кн. 5, январь 1890 г., стр. 91–92.] Так, заметка Гоголя о «ме-

тафизическом» и «математическом» («Не понимает и толкует по своему, вроде метафизический — математический») была использована в одной из реплик Ивана Петровича Барсукова. Иван Петрович, говоря об успехах просвещения и касаясь «меопатии», в качестве примера для данного случая, приводит совсем некстати трехлетнего мальчишку, пляшущего «на тончайшем канате». Другая заметка Гоголя в его записной тетради — о фуфайке («Также: фуфайку, надобно вам знать, сударыня, я ношу лосиновую; она гораздо лучше фланелевой»), — как устанавливает Н. С. Тихонравов, почти дословно была использована в одной из реплик Александра Ивановича: «Ведь я, как думаю, вам известно, имею обыкновение носить лосиновую фуфайку».

По напечатании «Утра делового человека» в литературных кругах распространились слухи, что пьеса являлась одной из сцен большой комедии Гоголя. Об этом прямо говорил Белинский в рецензии «Несколько слов о Современнике». Отметив, что «Утро делового человека» «говорят, есть отрывок из его (Гоголя)

комедии», Белинский заключал далее: «Во всяком случае, она представляет собою нечто целое, отличающееся необыкновенною оригинальностью и удивительною верностью. Если вся комедия такова, то одна она могла бы составить эпоху в истории нашего театра и нашей литературы, а г. Гоголь одну уже напечатал и еще, говорят, готовит две... Эта пьеска есть отрывок из которой-то из них, как мы слышали» («Молва», 1836 г., ч. XI, № 7; ср. Соч. Белинского, III, стр. 3). Белинский предполагал, что вслед за «Ревизором» Гоголь выступит еще с двумя комедиями, т. е. с «Женитьбой» и «Владимиром третьей степени».

ТЯЖБА. ЛАКЕЙСКАЯ

I. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

В настоящем издании «Тяжба» и «Лакейская» печатаются по тексту КАБб, с поправками по тексту П. В отделе «Других редакций» печатаются (полностью — впервые) тексты двух отрывков «Владимира третьей степени» и черновик начала «Лакейской».

II

Рукописи «Тяжбы» и «Лакейской», составляющие две тетради из бумаги в четвертку и имеющие в общей сложности 19 листов, были заключены — очевидно, впоследствии — в один переплет. Листы 1–9 заняты текстом «Тяжбы», листы 10–19 — текстом «Лакейской». Даже при самом беглом ознакомлении с КАБб бросается в глаза, что и по почерку, и по меньшему формату бумаги листы 4–8 и 16–19 резко отличаются от прочих листов. На штемпеле бумаги указанных листов, заполненных одним и тем же исключительно тщательным и разборчивым почерком, в овале русский государственный герб и внизу буквы

«И. П. Б. Ф.» Бумага остальных листов — серая, с клеймом «Знаменской фабрики»; она не только другого качества, но и большего формата. Почерк на этих листах весьма отличен от почерка на листах 4–8 и 16–19; ясно, что оба почерка принадлежат одному автору, но относятся к разным периодам его деятельности, отстоящим друг от друга на несколько лет. Как установил Н. С. Тихонравов, листы 4–8 и 16–19 являются вырезками из не дошедшей до нас белой рукописи «Владимира третьей степени».

В качестве основы для «Тяжбы» Гоголь использовал пять листов рукописи не завершённой и оставленной им комедии (по нумерации КАБб — листы 4–8), содержащих заключение «второй» сцены и «сцену третью» (см. отрывки «Владимира третьей степени» в отделе «Другие редакции»). Заключение «второй» сцены, занимающее лист 4, начиная с реплики М.<арьи> П.<етровны>: «М и А, а с другой стороны фамилии: Повалищев и княжна Шлепохвостова», и кончая ее же репликой: «Ух, я до сих пор не могу успокоиться (Уходит)», для «Тяжбы» не понадобилось во-

все и было зачеркнуто. Зато «сцена третья», происходившая в комнате Александра Ивановича и содержащая рассказ Хрисанфия Петровича Барсукова о подделке его братом духовного завещания, была целиком использована в «Тяжбе». Изменив имена действующих лиц (Александр Иванович был назван Г. Н. Пролетовым, сенатским оберсекретарем, а Хрисанфий Петрович Барсуков — Христофором Петровичем Бурдюковым), Гоголь заново написал вступительный монолог Пролетова и его разговор с лакеем (листы 1–3), а также заключительный монолог того же Пролетова (лист 9). Что касается текста реплик Пролетова (Александра Ивановича) и Бурдюкова (Хрисанфия Петровича), то Гоголь ограничился небольшими изменениями только нескольких реплик (см. варианты). В основном же весь текст «сцены третьей» «Владимира третьей степени» целиком перешел в «Тяжбу». Нужно заметить, что в КАБб заглавие вещи приписано в начале первого листа карандашом и, быть может, не рукою Гоголя. Попадают в тексте «Тяжбы» и некоторые несогласованности, устраненные в изд. 1842 г. Так,

Христофор Петрович Бурдюков несколько раз именуется по ошибке то Барсуковым, то Хри-санфием Петровичем, т. е. той фамилией и тем именем, какие носил этот персонаж еще во «Владимире третьей степени»; в самом начале «Тяжбы» перед фамилией Пролетова поставлены инициалы «Г. Н.», между тем как в дальнейшем Пролетов именуется Александром Ивановичем и пр.

В качестве основы для «Лакейской» Гоголь использовал четыре листа рукописи не завершенной им комедии (по нумерации КАБб — листы 16–19), содержащие последнюю сцену одного из действий «Владимира третьей степени» (см. в отделе «Других редакций»). Всё начало этой сцены (на л. 16) с разговором Каплунова и Шрейдера (начиная с реплики Каплунова «Еще и вина! а водки не хочешь?» и кончая ремаркой: «...остается Петрушевич, погруженный в задумчивость, Лаврентий и Аннушка») для «Лакейской» не понадобилось вовсе и было зачеркнуто; не понадобился и также был зачеркнут и эпизод с Закатищевым (Вместо всего этого эпизода на л. 17 приписана реплика Аннушки «Я боюсь только на

счет общества»); наконец, зачеркнуты были и строки, начиная с обращения Аннушки к Петрушевичу («но увидя Петрушевича в задумчивости, останавливается» и т. д.) и кончая монологом последнего. Совершенно исключив, таким образом, четыре персонажа (Каплунова, Шрейдера, Закатищева и Петрушевича), Гоголь оставил для «Лакейской» только Лаврентия, переименованного в «дворецкого», и Аннушку. Разговор Аннушки с Лаврентием о бале, устраиваемом лакеями, из второстепенного эпизода во «Владимире третьей степени» стал центром новой пьесы. Все начало «Лакейской» (на листах 10–15), где Гоголь изобразил разговор чужого слуги с лакеями Григорием, Иваном и Петром, разговор барина со своими слугами, наконец, явление Невелецагина — всё это было написано заново (кончая ремаркой: «Входит Аннушка, горничная девушка из другого дома»).

1 декабря 1838 г. Гоголь сообщал М. П. Погодину из Рима о своем намерении собрать для Щепкина черновые лоскутки истребленной комедии. Исходя из слов Гоголя, можно заключить, что в декабре 1838 г. еще не были

написаны ни «Тяжба», ни «Лакейская». Не было этих пьес, вероятно, и к концу 1839 г., когда Гоголь предполагал издание собрания своих сочинений. В конце декабря 1839 г. или в начале января 1840 г. он писал из Москвы В. А. Жуковскому: «Я отыскал из недоконченной комедии только два отрывка; она вся осталась в Риме». «Два отрывка» — это, конечно, и есть те вырезки из не дошедшей до нас белой рукописи «Владимира третьей степени», текст которых послужил основой для «Тяжбы» и «Лакейской». С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях о Гоголе рассказывает, что в марте 1840 г. «при многих гостях, совершенно неожиданно для нас объявил Гоголь, что хочет читать. Разумеется, все обрадовались и все соединились в гостиной. Гоголь сел за боковой круглый стол, вынул какую-то тетрадку, вдруг икнул и, опустив бумагу, сказал: „Как я объелся грибков!“ Это было начало комической сцены, которую он нам и прочел». [«История моего знакомства...» М., 1890.] В воспоминаниях Аксакова идет речь о «Тяжбе». Следовательно, если Гоголь читал эту пьесу в марте 1840 г., то написана она была,

вероятно, в начале того же года (в январе—марте). Тем же временем можно предположительно датировать и «Лакейскую». Характерно, что бумага, которую использовал Гоголь для написания «Тяжбы» и «Лакейской» (точнее — для дополнений к вырезкам из рукописи «Владимира третьей степени») — серая писчая бумага с клеймом Знаменской фабрики. Это обстоятельство может косвенно указывать на то, что «Тяжба» и «Лакейская» были созданы в России.

Черновик начала «Лакейской», сохранившийся в отрывках из бумаг А. А. Иванова (ПБЛ11), не противоречит приведенным соображениям. Этот черновик набросан на обороте последнего листа первой редакции «Театрального разъезда» (согласно общей нумерации ПБЛ11 — на листе 51). Прибыв осенью 1839 г. из-за границы в Россию, Гоголь в числе прочих своих рукописей захватил и черновую рукопись «Театрального разъезда», поскольку тогда он предполагал приступить к изданию собрания своих сочинений. Задумав обработать в самостоятельные пьесы отдельные сцены незавершенной комедии «Влади-

мир третьей степени», Гоголь набросал черновик начала «Лакейской» на оборотной стороне имевшейся у него под руками старой рукописи. Черновик начала «Лакейской», по своему тексту лишь незначительно отличающийся от окончательной редакции, в настоящем издании воспроизводится впервые. Н. С. Тихонравов в свое время не считал нужным опубликовать данный черновик на том основании, что Гоголь сделал при переделке его лишь «немногие» и «незначительные» стилистические поправки.

Вследствие того, что издание сочинений Гоголя в 1840 г. не осуществилось, рукописи «Тяжбы» и «Лакейской» пролежали без движения два года. Только в мае 1842 г., приехав на несколько дней в Петербург, Гоголь, вероятно, передал рукописи обеих пьес издателю своих сочинений Н. Я. Прокоповичу.

Писарские копии, которые Прокопович несомненно сделал с рукописей «Тяжбы» и «Лакейской», до нас не дошли. Прокоповичу принадлежит устранение в тексте «Тяжбы» некоторых упомянутых выше невязок в именах действующих лиц, а также разделение

«Лакейской» на явления. Он же произвел некоторую стилистическую правку гоголевского текста и, возможно, он же исключил из-за цензурных опасений упоминания о сенате, имеющиеся в тексте «Тяжбы». Так, Пролетов, в тексте Гоголя названный сенатским обер-секретарем, в изд. 1842 г. превратился просто в секретаря, исключены были из текста «Тяжбы» и другие упоминания о сенате. Ввиду указанных дефектов текста в изд. 1842 г., за основной текст «Тяжбы» и «Лакейской» в настоящем издании принят текст КАБб, причем из поправок Прокоповича приняты только устранение невязок в именах действующих лиц «Тяжбы» и разделение «Лакейской» на явления.

Из немногих откликов на «Тяжбу» и «Лакейскую» в современной Гоголю критической литературе следует выделить краткое упоминание об этих пьесах Белинского в его рецензии на четыре тома «Сочинений Гоголя», изд. 1842 г. Он писал, что «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» — это «живые картины разных слоев и сфер русского общества». [«Отечественные Записки», 1843 г., кн. 2.]

При жизни Гоголя из его отрывков шла только «Тяжба» (в Александринском театре 27 сентября 1844 г., в гастрольный бенефис Щепкина). Щепкин исполнял роль Бурдюкова; Пролетова играл Мартынов. [Отзыв в «Репертуаре и Пантеоне», 1844 г, кн. 10, стр. 36. Ср. С. С. Данилов, «Гоголь и театр» (1936 г., стр. 176).]

ОТРЫВОК

I. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

В настоящем издании печатается по тексту ЛБ15 с поправками по тексту П. В отделе «Другие редакции» печатается текст ПБЛ11 и набросок к одному месту черновой редакции (ЛБ15).

II.

«Отрывок», так же, как «Утро делового человека», «Тяжба» и «Лакейская», был создан на основе одной из сцен «Владимира третьей степени» (см. комментарии к «Утру делового человека»). Та сцена, которую Гоголь переработал в «Отрывок», до нас не дошла, но можно предполагать, что это была предшество-

вавшая «сцене третьей» сцена «вторая», где действующим лицом выступала Марья Петровна Повалищева и где шла речь о предстоящей женитьбе ее сына Миши на княжне Шлепохвостовой (см. отрывки «Владимира третьей степени» в отделе «Другие редакции»).

Когда именно Гоголь начал переработку текста «Владимира третьей степени» в самостоятельное произведение — в точности установить невозможно. Вернее всего, что «Отрывок» был написан уже после окончания работы над «Тяжбой» и «Лакейской». В письме к М. П. Погодину из Рима от 1 декабря 1838 г. Гоголь еще только намеревался «собрать черновые», какие у него были, «лоскутки» истребленной им комедии и что-нибудь «сшить» для М. С. Щепкина. В конце декабря 1839 г. или в начале января 1840 г. Гоголь в письме к В. А. Жуковскому из Москвы сообщал о том, что из недоконченной комедии он отыскал «только два отрывка» и что «она вся осталась в Риме». Если на основе «двух отрывков» из «Владимира третьей степени» в январе—марте 1840 г., будучи в России, Гоголь написал «Тяжбу» и «Лакейскую», то начало работы над

«Отрывком» следует отнести к более позднему времени. Н. И. Коробка предположил, что черновик «Отрывка» был написан «в Вене летом 1840-го года, на обратном пути из России, когда у Гоголя был сильно приподнят интерес к работе для сцены» (Полн. собр. соч. Гоголя, т. IV, стр. 411). Этот черновик, состоящий из 10 листов заграничной бумаги в четвертку, заполненных с двух сторон, согласно общей нумерации ПБЛ11 занимает листы 34–43. На листах 39 и 40 виден штемпель бумага. Последний, 43-й, лист заполнен текстом только до половины, причем вторая половина его вырезана. Черновик «Отрывка» еще не имеет заглавия и начинается прямо словами М. П. (Марьи Петровны): «Да, я хочу, чтоб ты служил в военной».

В тексте черновика можно отчетливо различить два слоя: нижний слой, написанный разборчивым и ясным почерком с незначительными поправками, и верхний, с большим количеством зачеркиваний и поправок, местами совершенно не поддающийся прочтению. По характеру обоих слоев можно отчетливо видеть, как беловая рукопись была

превращена в черновик. Н. С. Тихонравов в своем издании сочинений Гоголя воспроизвел нижний, наиболее легкий для прочтения слой рукописи с рядом вариантов (на выборку) из верхнего слоя (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 756–771). Н. И. Коробка, напротив, воспроизвел лишь верхний слой, совершенно игнорируя нижний (Полн. собр. соч. Гоголя, т. IV, стр. 412–420).

В бумагах Гоголя (из собрания А. А. Иванова) сохранился набросок к одному месту черновой редакции, написанный на клочке желтоватой бумаги (ЛБ15). Н. С. Тихонравов затруднился его датировать. Следует рассматривать данный набросок как заготовку одной из реплик Собачкина и предположительно отнести этот набросок к тому же времени, что и черновик «Отрывка», т. е. к лету 1840 г.

Действующие лица «Отрывка» — Марья Петровна и Миша — носят в черновой редакции те же имена, что и во «Владимире третьей степени». Собачкина во «Владимире третьей степени», вероятно, еще не было. Ряд черт, указывающих на тождество Закатищева из «Владимира третьей степени» и Собачкина

из «Отрывка» (см. об этом в комментариях к «Утру делового человека»), еще не свидетельствует о том, что Гоголь только изменил фамилию одного и того же персонажа. Важно подчеркнуть, что образ Закатищева создавался еще до написания «Ревизора», а образ Собачкина — уже после создания Хлестакова. «Философия» знаменитого гоголевского героя («Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия») является «философией» и Собачкина. Хвастовство, волокитство и щегольство — всеми этими качествами, характеризующими Хлестакова, наделен и Собачкин, который также «несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове».

Беловая редакция «Отрывка» (ЛБ15), оконченная перепиской, как установлено Н. С. Тихонравовым, в Риме к началу 1841 г., занимает тетрадь в пять листов (10 страниц) голубоватой бумаги с водяными знаками; птицею на скале (на одной половине листа) и буквами NM (на другой). Н. С. Тихонравов отметил, что «на той же бумаге переписана была набе́ло и последняя тетрадь римской редакции „Женитьбы“» (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр.

754). В рукописи нет заглавия, а текст открывается словами: «Комната в доме Марьи Александровны». В черновике, как мы знаем (см. выше), было написано «Марьи Петровны»; в белой редакции «Отрывка» Марья Петровна, действовавшая еще во «Владимире, третьей степени», была переименована в Марью Александровну.

После переписки «Отрывка» набело Гоголь, однако, еще не счел работу по выработке текста законченной. Помимо ряда мелких поправок, внесенных им в некоторые реплики, он, радикально изменил два места «Отрывка»: 1) в реплику Миши, отвечающего на обвинения его в либерализме, был введен новый кусок (начиная со слов: «Ах, маменька, сколько я вас просил», и кончая словами: «когда и в чем я был непослушен вам»); 2) заново переработана была другая реплика Миши, где он развивает взгляд, что богатый жених должен искать бедной невесты (в окончательном тексте начиная со слов: «Я не понимаю, маменька, чего вы хотите», и до конца данной реплики). Текст обоих указанных мест «Отрывка» был написан Гоголем на дополни-

тельном полулисте (двух страницах) желтоватой бумаги русской (Знаменской?) фабрики. В соответственных местах белой рукописи «Отрывка» были сделаны условные знаки (#), отсылавшие к тексту дополнительного полулиста. Судя по бумаге и почерку, изменение обоих мест в белой редакции «Отрывка» было произведено Гоголем уже в России. По содержанию заново написанной речи Миши о «либерализме» можно предполагать, что это было сделано весной 1842 г. В черновике «Отрывка» Марья Петровна обвиняет своего сына в либерализме, масонстве, увлечении стихами Рылеева и предполагает женить его на княжне Шлепохвостовой. В окончательной редакции «Отрывка» Марья Александровна называет своего сына «либералом», причем это вызывает со стороны Миши горячую отповедь. Н. С. Тихонравов совершенно прав, когда он замечает, что патетический тон Мишиной речи «дает понять читателю, что Гоголь защищает здесь — свое личное дело, самого себя». Вопрос о защите собственного художественного творчества с особой остротой встал перед Гоголем весной 1842 г. в

пору ожидания выхода в свет «Мертвых душ». Речь Миши о «либерализме», близкая к некоторым мотивам второй редакции «Портрета» и «Театрального разъезда», никак не связана с самим сюжетом «Отрывка». Н. С. Тихонравов предполагает, что эта речь не была пропущена цензурой, но, возможно, что и сам Гоголь в последний момент исключил ее из состава пьесы. Во всяком случае в текст издания 1842 г. она не вошла.

Редактор «Сочинений Гоголя» Н. Я. Прокопович сделал с белой рукописи «Отрывка» писарскую копию (не дошедшую до нас), причем произвел стилистическую правку текста, а также исключил невязки в именах действующих лиц (Марья Александровна несколько раз именовалась в рукописи Марьей Петровной) и разбил пьесу на явления. Несколько мелких купюр цензурного порядка (см. варианты) принадлежали или тому же Прокоповичу или, быть может, цензору пьесы.

В настоящем издании «Отрывок» печатается по тексту ЛБ15 с незначительными поправками по тексту издания 1842 г. (устранение невязок в именах действующих лиц и разде-

ление пьесы на явления). Речь Миши о «либерализме» дается в примечании к основному тексту, поскольку мы не располагаем данными о том, что эта речь была исключена из пьесы самим Гоголем.

Гоголь сначала предполагал назвать свою пьесу «Сценами из светской жизни» (письмо к Н. Я. Прокоповичу из Гастейна от 29 августа 1842 г.), но затем согласился с предложением Прокоповича назвать ее «Отрывком». 14 ноября 1842 г. он писал Прокоповичу из Рима: «Насчет намерения твоего назвать Светскую сцену просто Отрывком я совершенно согласен, тем более, что прежнее название было выставлено так только, в ожидании другого». Белинский, сообщая о предстоящем выходе в свет первого издания «Сочинений Гоголя», еще называл пьесу «Светскими сценами» («Отечественные Записки», 1842 г., кн. 9).

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВОЙ КОМЕДИИ

I. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

В настоящем издании печатается по тексту КАБ5; в отделе «Другие редакции» — текст ПБЛ11.

II.

Первая (черновая) редакция «Театрального разъезда» занимает три страницы (два листа) писчей бумаги большого формата, заполненных густым убористым почерком с рядом зачеркиваний, поправок и помарок. Особенно большой правке подвергся самый конец пьесы — несколько фраз здесь вписано карандашом. Отдельные места текста с большим трудом поддаются прочтению. Заглавие в рукописи отсутствует, а текст начинается фразой, написанной в верхней части страницы, очевидно, уже после того, как страница была заполнена: «Своими словами — так, как оно почувствовано в простоте». Далее следует начало пьесы: «Мне душно и тяжело. Какое-то

странное чувство» и т. д. При переплете бумаг Гоголя, составляющих ПБЛ11, два листа, занятые «Театральным разъездом», оказались, во-первых, разъединенными, а во-вторых, неправильно подклеенными в общий корешок. Вследствие этого текст пьесы в общей нумерации ПБЛ11 занял листы 48 и 51, причем начало «Театрального разъезда» оказалось на оборотной стороне (странице) листа 48, продолжение — на лицевой стороне того же листа, а окончание — на оборотной стороне листа 51 (лицевая сторона этого последнего листа занята черновиком начала «Лакейской»). Разъединение листов первой редакции «Театрального разъезда» и неправильная подклейка этих листов в общий корешок — всё это ввело в заблуждение Н. С. Тихонравова, не заметившего, что помимо известной редакции «Театрального разъезда», опубликованной впервые в четвертом томе «Сочинений», изд. 1842 г. (ср. рукопись КАБ5), до нас дошла еще первоначальная, стилистически не отделанная Гоголем, но все же совершенно законченная и полная редакция той же пьесы.

Н. С. Тихонравов в своих комментариях к «Театральному разъезду» опубликовал семь черновых «набросков» этой пьесы, причем первые четыре он охарактеризовал как «самые старые, восходящие еще к апрелю и маю 1836 г.», а последние три определил как «позднейшие» (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 790–800). Будучи прав в хронологическом приурочении «набросков», Н. С. Тихонравов ошибался, рассматривая первые четыре «наброска» как не связанные между собой и ставя их в один ряд с тремя «позднейшими». Эти последние являются действительно черновыми набросками трех мест второй редакции «Театрального разъезда», тогда как первые четыре даже не могут быть названы «набросками», так как в совокупности своей они составляют законченное произведение. Не связав четырех указанных «набросков» между собой (судя по почерку они написаны в два или три приступа на бумаге одного и того же качества и формата), Тихонравов сделал к тому же ошибочное заключение, будто Гоголь сначала не предполагал давать «Театральному разъезду» диалогическую форму: при правильном вос-

становлении текста мы видим, что диалогическая форма выступает у Гоголя уже с самого начала его пьесы. Первая редакция «Театрального разезда», по признанию Гоголя, была «написана сгоряча, скоро после представления „Ревизора“ и потому немножко нескромна в отношении к автору» (письмо к Н. Я. Прокоповичу от 15 июля 1842 г.). Несомненно, что именно «Театральный разезд» имел в виду Гоголь, когда он в «Отрывке из письма... к одному литератору», характеризуя отношение публики к «Ревизору», вскользь намекнул на какие-то свои записи по этому поводу. Эти-то записи, конечно, и были первой редакцией «Театрального разезда», поскольку в данной пьесе Гоголь и воспроизвел по преимуществу бранные, «не относящиеся к искусству» отклики по поводу его комедии.

«Ревизор» был поставлен впервые на петербургской сцене 19 апреля 1836 года, а 6 июня того же года Гоголь уже выехал из Петербурга за границу. Следовательно, первая редакция «Театрального разезда» могла быть написана не ранее 19 апреля 1836 г. и не позже отъезда Гоголя: прямые намеки на

предстоящий отъезд содержатся в заключительном авторском монологе пьесы. По своему лирическому тону и своей тематике этот заключительный монолог необычайно близок некоторым письмам Гоголя, относящимся к маю 1836 года. Май 1836 г. следует считать наиболее вероятной датой написания первой редакции «Театрального разъезда» еще и потому, что не ранее первых чисел мая Гоголю стали известны статьи о «Ревизоре» Булгарина («Северная Пчела», 1836 г., №№ 97 и 98, от 30 апреля и 1 мая) и Сенковского («Библиотека для Чтения», 1836 г., т. XVI, кн. 5, отд. V, стр. 1—44), учтенные им в пьесе, как это установлено Н. С. Тихонравовым (Соч. Гоголя, 10-е изд., т. II, стр. 779–787), наряду с целым рядом устных откликов по поводу постановки «Ревизора». Более поздняя датировка первой редакции «Театрального разъезда» вряд ли возможна по той причине, что в тексте пьесы нет никаких соответствий с сочувственной по отношению к «Ревизору» критикой, тогда как во второй (окончательной) редакции наряду с враждебными суждениями и оценками Булгарина и Сенковского Гоголем использова-

на также и благожелательная критика. Дело в том, что статьи о «Ревизоре» представителей реакционной журналистики по времени были самыми ранними из всех печатных откликов на комедию Гоголя. Что же касается статьи о «Ревизоре» В. П. Андросова («Московский Наблюдатель», 1836 г., май, кн. 1, стр. 120–131), критика наиболее близкого Гоголю идеологически, то его статья появилась в связи с первой постановкой «Ревизора» на московской сцене, осуществленной только 25 мая 1836 года. [На идейную близость В. П. Андросова к Гоголю указал В. В. Гиппиус в книге «Гоголь» (Л., 1924); подробнее — в его же работе «Проблематика и композиция „Ревизора“» (Н. В. Гоголь, «Материалы и исследования» т. II, М.—Л., 1936). О литературно-общественной позиции В. П. Андросова см. Н. И. Мордовченко «Гоголь и журналистика 1835–1836 гг.» в том же сборнике.] В связи с этой же постановкой была написана другая сочувственная по отношению к «Ревизору» статья А. Б. В. («Молва», 1836 г., № 19, стр. 256–257). Отзыв о «Ревизоре» кн. П. А. Вяземского («Современник», 1836 г., т. II, стр. 285–309, ценз. разр. 30

июня 1836 г.) появился еще позже только что названных статей. Вернее всего предполагать, что первая редакция «Театрального разезда» была написана Гоголем не только ранее опубликования статьи П. А. Вяземского, но и ранее всех печатных отзывов о московской постановке «Ревизора», т. е. в мае 1836 года. [Ср. заметку Н. И. Мордовченко «Первая редакция „Театрального разезда Гоголя“», «Научный бюллетень ЛГУ» № 5, 1945 г., стр. 27–29.]

III.

Мысль о напечатании «Театрального разезда» возникла у Гоголя в связи с подготовкой собрания его сочинений, издание которого он поручил Н. Я. Прокоповичу летом 1842 года, при заезде в Петербург. Тогда же перед ним стал вопрос и о переработке пьесы для печати. В цитированном выше письме к Н. Я. Прокоповичу, от 15 июля 1842 года из Гастейна, Гоголь, по поводу «Театрального разезда», сообщал ему, что пьесу «нужно сделать несколько идеальней, т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пьесе, задирающей общественные злоупотребления», и про-

сил Прокоповича «не намекать и не выдавать ее, как написанную по случаю „Ревизора“». Через полтора месяца, 29 августа 1842 года, Гоголь извещал Прокоповича, что с «Театральным разездом» ему было хлопот «более всего»: в пьесе «столько нужно было переделывать, что, клянусь, легче бы мне написать две новых. Но она заключительная статья „Собрания“ и потому очень важна и требовала тщательной отделки. Я очень рад, что не трогал ее в Петербурге и не спешил с нею. Она была бы очень далека от значенья нынешнего. А это было бы совсем нехорошо». Нет сомнения, что, упоминая о Петербурге, Гоголь подразумевал свое последнее посещение столицы летом 1842 г. (с 23 мая по 5 июня), отметив при этом, что тогда он еще серьезно не приступил к подготовке для печати «Театрального разезда». Над окончательной редакцией пьесы Гоголь вплотную начал работать, очевидно, вскоре же по прибытии в Германию, вероятнее всего уже будучи в Гастейне, т. е. с начала июля 1842 года. Работа была завершена только к 10 октября 1842 г. в Риме, откуда Гоголь и послал окончательную

редакцию «Театрального разъезда» Прокоповичу. Вопреки указанию Гоголя, что «Театральный разъезд» является в сущности его старой вещью («ибо писано давно»), нужно подчеркнуть, однако, что окончательная редакция «Театрального разъезда» весьма существенно отличается от первоначальной редакции; можно даже без всяких преувеличений сказать, что в течение июля, августа и сентября 1842 г. Гоголь фактически написал новое произведение.

До нас дошли черновые наброски трех мест второй (окончательной) редакции «Театрального разъезда», а также беловая рукопись этой редакции, та самая рукопись, которую Гоголь отправил Прокоповичу при письме от 10 октября 1842 г. и которая служила оригиналом при печатании пьесы в четвертом томе сочинений Гоголя, изд. 1842 г.

Черновые наброски второй (окончательной) редакции «Театрального разъезда» среди бумаг Гоголя, составляющих ПБЛ11, занимают листы 60 об., 49 об., 50, 50 об. и 72.

Первый набросок (по счету Тихонравова — пятый), начинающийся словами: «Я с вами

совершенно согласен» (л. 60 об.), сделан на четвертке серой писчей бумаги русской фабрики. На лицевой стороне этой четвертки — заметка Гоголя о «Москвитянине»: «В Москвитянине — нет собственно журнального движения, для которого потребен боец» и пр. Справедливо полагая, что указанная заметка «могла быть написана не ранее конца 1841 г., когда недостатки и нужды „Москвитянина“ выяснились», Н. С. Тихонравов заключал далее, что упомянутый набросок «Театрального разъезда» написан, вероятно, «во время пребывания Гоголя в Москве». Однако, по всей вероятности, набросок относится ко времени, когда Гоголь вплотную был занят работой над окончательной редакцией «Театрального разъезда», т. е. к июлю—сентябрю 1842 г. Он является, очевидно, черновиком реплики «Господина с весом» («Разговор в группе на стороне»).

Второй набросок (по счету Тихонравова — седьмой), начинающийся словами: «Как будто из омута вырвался!», сделан на первой внутренней странице развернутого листа, который вклеен в общий корешок ПБЛ11 сло-

женным пополам в виде двух четверток (лл. 49 и 50 — текст начинается на обороте л. 49). Другая страница того же сложенного листа (л. 50) занята продолжением данного наброска. «Всё покрывается равными плесками» и пр. После слов: «в какой степени выполнил свое дело, и где тебе место» — другими, более темными, чернилами, неразборчиво, с пропуском слов и сокращениями, набросано: «Помните, что в то время, когда жизнь многих» и пр. Еще до заполнения второй страницы сверху было набросано «Сени театра в пиластрах и колоннах» и пр. На оборотной стороне л. 50 — наброски отдельных слов и пробы пера.

Весь второй набросок является черновиком вступительного авторского монолога в «Театральном разезде». Н. С. Тихонравов совершенно прав, отмечая, что написание наброска отделено, вероятно, «небольшим промежутком времени от переписки всей пьесы набело», и что последние строки наброска (начиная со слов: «Помните, что в то время») были использованы Гоголем в качестве черновика для одного места его письма к С. Т. Ак-

сакову от 6 августа 1842 г.

Третий набросок (по счету Тихонравова — шестой), начинающийся словами: «Само собою разумеется, что автор пьесы идеальное лицо» (л. 72), сделан на клочке голубоватой бумаги, той самой, на которой вся пьеса была переписана набело. Данный набросок является черновиком авторского примечания к «Театральному разъезду». Дата написания наброска, очевидно, еще более поздняя, сравнительно с предшествующим) наброском, т. е. она еще ближе ко времени переписки всей пьесы набело. Беловая рукопись окончательной редакции «Театрального разъезда» (КАБ5) состоит из семи листов в восьмушку голубоватой тонкой почтовой бумаги, заполненной с двух сторон исключительно мелким и убогим, но четким почерком. Поправки и дополнения в тексте — самые незначительные. В КАБ5 рукопись «Театрального разъезда» объединена в один переплет вместе с рукописью «Игроков», которые написаны на той же бумаге, что и «Театральный разъезд». Текст «Театрального разъезда» оканчивается на оборотной стороне седьмого листа, но в руко-

писи недостает последнего листа (восьмого), на оборотной стороне которого был написан, вероятно, адрес Прокоповича.

Прокопович произвел стилистическую правку текста, а также исключил несколько фраз, которые могли бы казаться неудобными в цензурном отношении (см. варианты). Возможно, однако, что ряд купюр, сделанных в тексте «Театрального разъезда», принадлежал цензору А. В. Никитенко. В связи с тем, что третий том чуть не навлек запрещения всего издания в целом, цензурный комитет счел нужным вторично пересмотреть свое решение уже перед самым выпуском отпечатанного издания в продажу.

Никитенко, обращая внимание цензурного комитета на некоторые сомнительные места в произведениях Гоголя, счел нужным привести одиннадцать таких мест из «Театрального разъезда»; [См. «Литературный музей», П., 1921, стр. 49–66.] все они, однако, были в конце концов разрешены.

В силу указанных выше дефектов текста «Театрального разъезда» в изд. 1842 г. (стили- стическая правка Прокоповича и ряд купюр),

за основной текст пьесы в настоящем издании принят текст КАБ5.

IV.

Замысел «Театрального разезда» тесно связан с впечатлениями Гоголя от первых критических откликов на постановку «Ревизора», от «неистоцимых толков противоречий», на которые писатель так взволнованно реагировал. Первая редакция «Театрального разезда», не предназначенная для печати, была попыткой Гоголя разобраться в тех обвинениях, которые были ему предъявлены по поводу «Ревизора», защитить и оправдать свое драматургическое новаторство. По времени написания и по идейным заданиям первая редакция «Театрального разезда» очень близко стоит к статье Гоголя «Петербургская сцена 1835/6 г.» И здесь и там — апология комедии нового типа, насыщенной обличительно-сатирическим содержанием. Реакционная критика в связи с постановкой «Ревизора» обвиняла Гоголя в клевете на Россию. Булгарин в «Северной Пчеле» (1836 г., № 98, от 1 мая) утверждал, например, что «на злоупотреблениях административных нельзя основать на-

стоящей комедии. Надобны противоположности и завязка, нужны правдоподобие, натура, а ничего этого нет в „Ревизоре“. Весьма жаль, если кто-нибудь из зрителей, не знающих наших провинций, подумает, будто в самом деле в России существуют такие нравы, и будто может быть город, в котором нет ни одной честной души и порядочной головы...». Сенковский в «Библиотеке для Чтения» (1836 г., том VI, отд. V, стр. 42–43) заявлял, что Гоголь «не производил ничего забавнее и ничего грязнее последнего своего творения». С подобными суждениями в первую очередь и посчитался Гоголь, распределив эти суждения между отдельными действующими лицами «Театрального разъезда». О том, что Гоголь, помимо устных, не поддающихся учету, отзывов о «Ревизоре», использовал также отзывы Булгарина и Сенковского, свидетельствуют некоторые частности первой редакции пьесы. Одно из действующих лиц «Театрального разъезда» говорит, что происшествие «Ревизора» «могло случиться разве на каком-нибудь Чукотском Носе». Булгарин, оспаривая правдоподобие «Ревизора», восклицал: «Ну, точь-в-

точь на Сандвичевых островах у капитана Кука» Другое действующее лицо «Театрального разъезда» отзывается о «Ревизоре», как о произведении «грязном, отвратительном» (ср. в отзыве Сенковского: «не производил еще ничего... грязнее»). И дальше — положительно выделяется только образ слуги: «Ни одного лица нет настоящего. Всё карикатуры. Один слуга только и <1 нрзб.>». Характерно, что и Булгарин, характеризуя гоголевскую комедию, как «презабавный фарс, ряд смешных карикатур», отмечал при этом, что «слуга мнимого ревизора — одно умное и искусно обделанное лицо в комедии». Сенковский, квалифицировавший «Ревизор» как «грязное» произведение, также приводил монолог Осипа в доказательство того, что Гоголь «наконец отыскал в „Ревизоре“ свое природное назначение». Пересказывая, а иногда и прямо цитируя Булгарина и Сенковского, Гоголь полемизирует с ними и опровергает их.

Весьма знаменательно, что враждебным оценкам своей комедии он противопоставляет сочувствие по отношению к пьесе, которое находит в народе. Мысль о народности «Ревизи-

зора» — центральная мысль первой редакции «Театрального разезда». Как опровержение всех «бранных» толков, Гоголь выдвигает и подчеркивает «простое слово», произнесенное одним человеком «из толпы народа» («А небось все побледнели, когда приехал наконец настоящий»).

Если в первой редакции «Театрального разезда» Гоголь делал главный упор на истолкование общественного смысла «Ревизора», то в основу второй редакции было положено обоснование художественной проблематики всей драматургии Гоголя. В первой редакции «Театрального разезда» Гоголь касался принципов построения «Ревизора»; во второй редакции, отправляясь преимущественно от того же «Ревизора», он формулировал эстетическую программу обличительной комедии. Оправдывать эту программу мог не только «Ревизор», но и другие пьесы, посвященные общественным злоупотреблениям (ср. цитированное выше письмо Прокоповичу 15 июля 1842 г.). Во второй редакции «Театрального разезда» указания на то, что пьеса вначале писалась по поводу «Ревизора», были

устранены. Однако Гоголь не только не отказался от полемики с враждебными «Ревизору» зрителями и критиками, но, наоборот, он углубил и расширил эту полемику.

Обвинения «Ревизора» в «грязности» и «карикатурности» в первой редакции «Театрального разезда» произносятся кем-то из зрителей, причем кем именно — не указано. Во второй редакции пьесы те же обвинения исходят от «литератора». Этим самым Гоголь намекал на Булгарина, Сенковского и их единомышленников.

В одной из своих статей Булгарин коснулся пушкинской рецензии 1836 г. по поводу второго издания «Вечеров на хуторе». Булгарин упрекал «Современник» в том, что он «говорит о г. Гоголе, сотруднике своем, сравнивает его с Фонвизиным и говорит без всяких обиняков, что „Тарас Бульба“ есть творение достойное Вальтер-Скотта!» («Северная Пчела», 1836 г., № 127). В другом месте своей статьи Булгарин отзывался о Гоголе, что он «точно, писатель с дарованием, от которого мы надеемся много хорошего, если литературный круг, к которому он теперь принадлежит и

который имеет крайнюю нужду в талантах, его не захвалит».

Все эти «нравоучительные» упреки Булгарина отражены в словах «литератора» во второй редакции «Театрального разъезда» — «его чуть не в Фонвизины суют», «просто, друзья и приятели захвалили его не в меру» и пр.

Во вторую редакцию «Театрального разъезда» включено два новых эпизода, отсутствовавших в первой редакции: эпизод с «двумя любителями искусств» и эпизод с «очень скромно одетым человеком». В словах «первого любителя искусств» Гоголь использовал одновременно и защиту Вяземского от обвинения пьесы в «дурном тоне» (ср. его статью о «Ревизоре» в «Современнике», 1836 г., т. II) и нападки Булгарина и Сенковского на «отвратительность» пьесы. «Первый любитель искусств» говорит, что эти нападки «большею частью исходят из уст тех, которые сами очень сомнительного тона, толкуют о гостиных и допускаются только в передние». Приведенные слова являются повторением мнений, высказывавшихся в пушкинском кругу по поводу «светских» претензий реакцион-

ной критики. Как впервые установлено В. В. Гиппиусом, [В названной выше статье «Проблематика и композиция „Ревизора“».] высказывания «второго любителя искусств» очень близки некоторым положениям статьи В. П. Андросова о «Ревизоре» («Московский Наблюдатель», 1836 г., май, кн. 1, стр. 120–131). «Что за заслуга напасть на мелочную, частную слабость, на какой-нибудь темный недостаток, на какой-нибудь ничтожный порок, — всё это очень может быть смешно, но для кого важно?.. — писал Андросов. — Но есть другая или готовится другая комедия, комедия цивилизации, где человек семейный уступает место человеку общественному, где частные отношения заменяются общими... Изобразите нам не отрывок из жизни некоторых людей... но отрывок из тех нравов, которые более или менее составляют собою черты современной физиономии общества». С мыслями Андросова перекликается требование «второго любителя искусств», вместо «частной завязки», — «завязки общей», которая «должна обнимать все лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнует, более или менее, всех действующих

щих». В дальнейших репликах «второго любителя искусств» встречается понятие «комедии общественной», о которой писал Андросов. Однако основной тезис «второго любителя искусств» не имеет соответствий в статье Андросова. Формулировка этого тезиса принадлежит исключительно Гоголю и выражает его взгляд на сущность общественной комедии. Это — знаменитый тезис об «электричестве чина, денежного капитала» и пр., выдвигаемый Гоголем в противовес традиционной любовной интриге.

Характерно включение во вторую редакцию эпизода с «очень скромно одетым человеком». Еще в статье «Петербургская сцена 1835/6 года» Гоголь намекнул на этот образ «нашего честного, прямого человека, который среди несправедливостей, ему наносимых, среди потерь и трат, чинимых ему... остается непоколебим в своих положениях, без ропота на безвинное правительство» и пр. Как раз в пору создания второй редакции «Театрального разезда» Гоголь получил какое-то извещение от матери о встретившемся ей в Харькове честном чиновнике. «Я не разобрал его фами-

лии, — отвечал Гоголь матери 19 августа 1842 г. из Гастейна. — Всё равно, скажите или напишите ему, что его благородство и честная бедность среди богатеющих неправдой найдут ответ во глубине всякого благородного сердца, что уже есть выше многих наград».

Из немногих критических откликов по поводу пьесы наиболее важен отзыв Белинского. В рецензии на «Сочинения Гоголя» он писал, что «в этой пьесе, поражающей мастерством изложения, Гоголь является столько же мыслителем-эстетиком, глубоко постигающим законы искусства, которому он служит с такою славой, сколько поэтом и социальным писателем. Эта пьеса есть как бы журнальная статья в поэтически-драматической форме, — дело возможное для одного Гоголя! В пьесе этой содержатся глубоко сознанный теория общественной комедии и удовлетворительные ответы на все вопросы, или, лучше сказать, на все нападки, возбужденные „Ревизором“ и другими произведениями автора». («Отечественные Записки», 1843 г., кн. 2; ср. Соч. Белинского, VIII, стр. 91). К «Театральному разъезду» Белинский попутно возвращался также

к обзору «Русская литература в 1843 году», где он цитировал гоголевский тезис об «электричестве чина, денежного капитала» и пр., противопоставляя общественную комедию комедии с интригой, завязанной «на пряничной любви, увенчивающейся законным браком, по преодолении разных препятствий» («Отечественные Записки», 1844 г., кн. 1; ср. Соч. Белинского, VIII, стр. 387–388).